

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

№ 2 2026

**CULTURE AND ANTHROPOLOGY
RESEARCH JOURNAL**

Редакционная коллегия

Тихомирова Е. Е. – главный редактор, кандидат культурологии, доцент (Новосибирск, Россия);

Чапля Т. В. – зам. главного редактора, доктор культурологии, доцент, кандидат социологических наук (Новосибирск, Россия);

Бородовский А. П. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, профессор (Новосибирск, Россия);

Донских О. А. – доктор философских наук, профессор (Новосибирск, Россия);

Ивонин Ю. П. – доктор философских наук, профессор (Новосибирск, Россия);

Лойко О. Т. – доктор социологических наук, профессор (Томск, Россия);

Паршукова Г. Б. – доктор культурологии, профессор, ведущий научный сотрудник (Новосибирск, Россия);

Подалко П. Э. – доктор лингвокультурологии, профессор (Токио, Япония);

Полякова Е. А. – доктор исторических наук, кандидат культурологии, доцент (Барнаул, Россия);

Пушкарева Е. А. – доктор философских наук (Новосибирск, Россия);

Видеркер В. В. – кандидат культурологии, доцент (Новосибирск, Россия);

Сторожева С. П. – кандидат культурологии, доцент (Новосибирск, Россия);

Харламов А. В. – кандидат философских наук, доцент (Новосибирск, Россия);

Ма Сюлин – доцент (Биньчжоу, Китай)

Учредитель:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный педагогический университет»

Журнал «Культурно-антропологические исследования» / Culture and Anthropology Research Journal зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ № ФС 77-83177 от 12 мая 2022 г.

Editorial Board

Tikhomirova E. E. – Chief Editor, Candidate of Culturology, Associate Professor (Novosibirsk, Russia);

Chaplya T. V. – Assistant of Editor-in-Chief, Doctor of Culturology, Candidate of Sociological Sciences (Novosibirsk, Russia);

Borodovsky A. P. – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Professor (Novosibirsk, Russia)

Donskikh O. A. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Novosibirsk, Russia);

Ivonin Yu. P. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Novosibirsk, Russia);

Loiko O. T. – Doctor of Sociological Sciences, Professor (Tomsk, Russia);

Parshukova G. B. – Doctor of Culturology, Professor (Novosibirsk, Russia);

Podalko P. E. – Doctor of Cultural Linguistics, Professor (Tokyo, Japan);

Polyakova E. A. – Doctor of Historical Sciences, Candidate of Culturology, Associate Professor (Barnaul, Russia);

Pushkareva E. A. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Novosibirsk, Russia)

Viderker V. V. – Candidate of Culturology, Associate Professor (Novosibirsk, Russia);

Storozheva S. P. – Candidate of Culturology, Associate Professor (Novosibirsk, Russia);

Kharlamov A. V. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor (Novosibirsk, Russia);

Ma Xiuling – Associate Professor (Binzhou, China)

The founders of the journal:

Federal state budgetary educational
institution of higher education Novosibirsk
State Pedagogical University

© Novosibirsk State Pedagogical
University, 2026
All rights reserved

The journal "Culture and Anthropology
Research Journal" is registered by Federal
service on supervision in sphere of
communication, information technologies
and mass communications PI № FC 77-83177
from May, 12th, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО РЕДАКЦИИ

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Бородовский А. П. Музеи и сибирские бугровщики (от XVIII столетия к современности)	14
---	----

РАЗДЕЛ II. ПРИКЛАДНАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Резниченко З. И., Калюжнова М. В. Кросс-культурное изучение мифологических сюжетов и ритуалов в японской живописи периодов Эдо и Мэйдзи.....	31
Суворов А. Б. Доходный дом М. Л. Вишнякова в Ново-Николаевске как культурный трансфер мещанской культуры.....	42
Пушкарева И. Ю. Цифровая грамотность и организационное поведение как защитные механизмы культурной адаптации к цифровым изменениям культурной среды	49

РАЗДЕЛ III. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Воробьев Т. А., Чапля Т. В. Социокультурный контекст восприятия советской дачи в русской живописи	60
--	----

РАЗДЕЛ IV. ЮБИЛЕИ

Тихомирова Е. Е. «Каждый должен возделывать свой сад»: Л. И. Дрёмова в профессии и в жизни	71
Катионов О. Н. Годы взаимодействия с Л. И. Дрёмовой.....	80

РАЗДЕЛ V. AD MEMORIAM

Сидорчук О. Н. «Мои важные даты»: воспоминания Людмилы Ивановны Дрёмовой о Викторе Фомиче Цыбе (1965–1976, октябрь 1970).....	101
Харламов А. В. Дрёмовский метод, или «педагогическое барокко»: история одного эксперимента в провинциальном вузе.....	110
Антропов Е. В. «Личность в истории города»: Людмила Ивановна Дрёмова.....	120

Журнал основан в 2009 г.
Периодичность: 4 раза в год
Редактор О. А. Разумова
Электронная верстка А. Л. Заковряшин
Адрес редакции: 630126, г. Новосибирск,
ул. Вилуйская, 28, к. 319, т. (383) 244-19-92
Адрес издательства и типографии:
630126, г. Новосибирск, ул. Вилуйская, 28,
т. (383) 244-06-62

Печать цифровая. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 10,7. Уч.-изд. л. 8,8.
Тираж 500 экз.
Заказ № 34.
Формат 70×100/16.
Цена свободная
Дата выхода в свет 11.06.2026
Отпечатано в Издательстве НГПУ

CONTENTS

FROM THE EDITORIAL BOARD

PART I. CULTURAL HISTORY

Borodovskiy A. P. Museums and Siberian landowners (from the 18th century to the present).....	14
--	----

PART II. APPLIED CULTURAL STUDIES

Reznichenko Z. I., Kalyuzhnova M. V. Cross-cultural study of mythological subjects and rituals in Japanese painting of the Edo and Meiji periods.....	31
Suvorov A. B. The tenement house of M. L. Vishnyakov in Novo-Nikolaevsk as a cultural transfer of petty bourgeois culture	42
Pushkareva I. Yu. Digital literacy and organizational behavior as protective mechanisms of cultural adaptation to digital changes in the cultural environment.....	49

PART III. SOCIOLOGY OF CULTURE

Vorobyov T. A., Chaplia T. V. Sociocultural context of the perception of the soviet dacha in Russian painting.....	60
---	----

PART IV. ANNIVERSARY

Tikhomirova E. E. “Everyone must cultivate their own garden”: L. I. Dryomova in profession and life.....	71
Kationov O. N. Years of collaboration with L. I. Dryomova	80

PART V. AD MEMORIAM

Sidorchuk O. N. “My Important Dates”: memoirs of Lyudmila Ivanovna Dryomova about Viktor Fomich Tsyba (1965–1976, October 1970).....	101
Kharlamov A. V. The Dryomova method, or “pedagogical baroque”: the history of an experiment at a provincial university.....	110
Antropov E. V. “Personality in the history of the city”: Lyudmila Ivanovna Dryomova.....	120

The journal is based in 2009
Periodicity: 4 times a year
Editor O. A. Razumova
Electronic make-up operator A. L. Zakovryashin
Editors address: 630126, Novosibirsk,
Vilyuiskaya, 28, r. 319, t. (383) 244-19-92
Editors publisher and printing house:
630126, Novosibirsk, Vilyuiskaya, 28,
t. (383) 244-06-62

Printing digital. Offset paper
Printer's sheets: 10,7. Publisher's sheets: 8,8.
Circulation 500 issues
Order № 34.
Format 70×100/16
Release date 11.06.2026
Printed by Publishing House of the NSPU

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО РЕДАКЦИИ

Текущий номер журнала «Культурно-антропологические исследования» посвящен светлой памяти выдающегося педагога и ученого, кандидата исторических наук, доцента, заслуженного работника НГПУ Людмилы Ивановны Дрёмовой. Основу выпуска составили материалы Всероссийской научно-практической конференции «Сибирь, Россия, мир в исследовательском и образовательном пространстве», прошедшей 31 марта – 3 апреля 2026 г. в Институте истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета и неразрывно связанной с именем Людмилы Ивановны.

Людмила Ивановна Дрёмова на Рождественских чтениях. 2017 год

Людмила Ивановна Дрёмова прошла долгий и яркий профессиональный путь. Вся ее жизнь с 1965 года была неразрывно связана с историко-филологическим факультетом Новосибирского государственного педагогического института. Здесь она прошла по всем ступеням академической лестницы: лаборант кафедры истории СССР, ассистент, старший преподаватель, доцент, заместитель декана, а затем декан исторического факультета. Людмила Ивановна возглавляла ключевые кафедры – истории СССР и истории мировой культуры / теории, истории культуры и музеологии (на протяжении четверти века), определяя стратегию гуманитарного образования в университете. Ее собственная научная школа началась с блестящей защиты кандидатской диссертации «Хозяйственная реформа и советское крестьянство» в Московском государственном университете и докторантуры при Институте истории СО РАН, после чего она стала одним из ведущих специалистов по аграрной истории Сибири и вошла в число авторов фундаментального труда «История крестьянства Сибири».

Подлинный масштаб личности Л. И. Дрёмовой раскрывается в ее преподавательской деятельности. Она разработала и вдохновенно вела более полутора десятков уникальных авторских курсов, среди которых «История иконописи в культуре православия», «Иконография религиозной живописи XI–XVII вв.», «Семиотические коды провиденциалистской культуры», «Русская православная культура», «Культура России в контексте мировой культуры» и многие другие. Она не просто передавала знания, но формировала у студентов целостное видение духовных основ русской и мировой культуры, открывая ее как живой культурный текст, требующий глубокого прочтения. Методическое наследие Людмилы Ивановны, сформулированное в методическом пособии «Коммуникативные функции культуры» и десятках статей, продолжает служить ориентиром для новых поколений педагогов.

Особой страницей ее деятельности стало создание живой образовательной среды, выходящей далеко за пределы аудитории. Людмила Ивановна десятилетиями организовывала музейную практику студентов в Государственном Эрмитаже, Русском музее, Новосибирском государственном краеведческом музее, Художественном музее, Музее города Новосибирска и других сокровищницах культуры. Она сыграла ключевую роль в установлении сотрудничества НГПУ с педагогическими университетами Китая и Японии, стояла у истоков Кирилло-Мефодиевских и Рождественских чтений, была одним из инициаторов международного фестиваля «Праздник весны с Востока на Запад» и Международного конкурса песни «Далеко и близко от России, везде поют на русском языке». Эти проекты стали школой межкультурного диалога и профессионального становления для сотен студентов.

Заслуги Людмилы Ивановны перед высшей школой и гуманитарной наукой отмечены Почетными грамотами Министерства общего и профессионального образования РФ, Почетной грамотой губернатора Новосибирской области и Министерства культуры Новосибирской области, нагрудными знаками «Отличник народного просвещения РСФСР», «Почетный работник высшего про-

фессионального образования РФ», юбилейной медалью в честь 1000-летия преставления святого равноапостольного князя Владимира, а также высшим университетским знаком признания – званием «Заслуженный работник НГПУ».

Людмила Ивановна была не просто современником и творцом истории педагогического университета, исторического факультета и кафедры. Она находилась в самом центре событий, была организатором и вдохновителем учебного процесса, основанного на сотрудничестве и диалоге, где научная и учебная деятельность преподавателей и студентов сливались воедино. Ключевое слово, определявшее ее сущность, – любовь. Именно любовь помогала ей находить единомышленников, соединять их в целое, и в этом соединении рождалось подлинное счастье общего дела.

В одной из своих записных книжек Людмила Ивановна оставила пронзительные слова: «Если есть путь, значит, кто-то его проложил...». Данный номер журнала – это не воспоминание и не напоминание, а живое памятование ее мыслей, слов, дел и замыслов. Он призван стать продолжением проложенного ею пути, материализацией памяти, дающей ее идеям новую жизнь и превращающей их в новые дела.

Журнал «Культурно-антропологические исследования» основан в 2009 году как научное периодическое издание. Журнал выступает открытой и независимой трибуной для отражения современных интегративных тенденций в гуманитарных науках. Этот вектор развития гуманитаристики особенно востребован и значим в современный период как необходимость поиска стратегических ориентиров жизни человеческого общества. Сквозной для данной тенденции является культурно-антропологическая тематика, посвященная человеку в его культурной ипостаси: человек как культурное существо. Культура здесь выступает специфически человеческим, т. е. связанным со смыслообразованием, инструментом выживания человека и человечества. Этот предмет имеет ряд граней – от философской постановки вопроса до конкретных и практических исследований современных гуманитарных наук: культурологии, истории, археологии, филологии, музеологии. В нашем журнале как раз предлагается вариант такого обобщенного видения. Для его получения целесообразно увязать между собой многочисленные, более частные, представления, которые бы взаимно корректировали друг друга. А с этой целью важно привлечь знание не только культурологическое. Следует посмотреть на культуру также извне. С одной стороны, это будет подход с позиции философии (и философии как таковой, и отдельных философских наук, в частности, философской антропологии и натурфилософии). С другой стороны, это будет подход с позиции естественно-научной.

Нашими партнерами являются российские авторы, что способствует активному обмену достижениями в сфере гуманитарных наук, а также – поддержке и развитию единого научного пространства России и стран СНГ, консолидации усилий ученых и специалистов для решения актуальных на-

учно-практических и образовательных проблем, представляемых исследователями Сибирского федерального округа, а также представителями других регионов России и международного сообщества.

Журнал адресован исследователям, преподавателям высших учебных заведений, аспирантам, специалистам в сфере философии, культурологии, истории, которые интересуются новейшими результатами фундаментальных и прикладных исследований. Приглашая к сотрудничеству, редакционная коллегия журнала «Культурно-антропологические исследования» рассчитывает на то, что авторы журнала будут стремиться к постижению современных глубинных и противоречивых основ процессов в области культуры.

Мы ждем ваши статьи, раскрывающие, обобщающие результаты исследований по смежным гуманитарным проблемам.

Редакционная политика журнала основывается на традиционных этических принципах российской научной периодики, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций (Москва, Россия).

Приглашаем вас к участию в работе нашего журнала.

FROM THE EDITORIAL BOARD

The current issue of the journal “Culture and anthropology research journal” is dedicated to the blessed memory of the outstanding educator and scholar, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, and Honored Worker of Novosibirsk State Pedagogical University (NSPU), Lyudmila Ivanovna Dryomova. The core of this issue comprises materials from the All-Russian Scientific and Practical Conference “Siberia, Russia, the World in the Research and Educational Space,” which took place on March 31 – April 3, 2026, at the Institute of history, humanities, and social education of Novosibirsk state pedagogical university and is inseparably linked with the name of Lyudmila Ivanovna.

Lyudmila Ivanovna Dryomova at the Christmas Readings. 2017

Lyudmila Ivanovna Dryomova traveled a long and brilliant professional path. From 1965, her entire life was inseparably linked with the Faculty of History and Philology of Novosibirsk State Pedagogical Institute. There she ascended every rung of the academic ladder: laboratory assistant at the Department of History of the USSR, assistant lecturer, senior lecturer, associate professor, deputy dean, and then dean of the Faculty of History. Lyudmila Ivanovna headed key departments – the Department of History of the USSR and the Department of World Culture / Theory, History of Culture and Museology (for a quarter of a century), shaping the strategy of humanities education at the university. Her own scholarly school began with a brilliant defense of her Candidate's dissertation, "Economic Reform and the Soviet Peasantry," at Moscow State University, and doctoral studies at the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, after which she became one of the leading specialists in the agrarian history of Siberia and was among the authors of the fundamental work "History of the Peasantry of Siberia."

The true scale of L. I. Dryomova's personality is revealed in her teaching activity. She developed and taught with inspiration over fifteen unique original courses, including "The History of Icon Painting in Orthodox Culture," "Iconography of Religious Painting of the 11th–17th Centuries," "Semiotic Codes of Providentialist Culture," "Russian Orthodox Culture," "Russian Culture in the Context of World Culture," and many others. She did not merely transmit knowledge but fostered in students a holistic vision of the spiritual foundations of Russian and world culture, revealing it as a living cultural text that demands profound reading. Lyudmila Ivanovna's methodological legacy, formulated in the textbook "Communicative Functions of Culture" and dozens of articles, continues to serve as a guide for new generations of educators.

A special page of her activity was the creation of a living educational environment extending far beyond the classroom. For decades, Lyudmila Ivanovna organized museum practice for students at the State Hermitage, the Russian Museum, the Novosibirsk State Museum of Local Lore, the Art Museum, the Museum of the City of Novosibirsk, and other treasuries of culture. She played a key role in establishing cooperation between NSPU and pedagogical universities in China and Japan, stood at the origins of the Cyril and Methodius Readings and the Christmas Readings, and was one of the initiators of the international festival "Spring Festival from East to West" and the International Song Contest "Far and Near from Russia, Everywhere They Sing in Russian." These projects became a school of intercultural dialogue and professional formation for hundreds of students.

Lyudmila Ivanovna's services to higher education and the humanities have been recognized with Certificates of Honor from the Ministry of General and Professional Education of the Russian Federation, a Certificate of Honor from the Governor of the Novosibirsk Region, a Certificate of Honor from the Ministry of Culture of the Novosibirsk Region, the badges "Excellence in Public Education of the Russian Soviet Federative Socialist Republic" and "Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation," the Jubilee Medal "In Commemoration of the 1000th

Anniversary of the Repose of Saint Prince Vladimir, Equal-to-the-Apostles," as well as the highest university mark of recognition, the title of "Honored Worker of NSPU."

Lyudmila Ivanovna was not merely a contemporary and shaper of the history of the pedagogical university, the Faculty of History, and the department. She was at the very center of events, an organizer and inspiration of the educational process based on cooperation and dialogue, where the scholarly and teaching activities of instructors and students merged into a single whole. The key word that defined her essence was Love. It was love that helped her find like-minded people, unite them into a whole, and in this unity was born the genuine happiness of a common cause.

In one of her notebooks, Lyudmila Ivanovna left poignant words: "If there is a path, it means someone has laid it..." This issue of the journal is not a recollection, nor a reminder, but a living remembrance of her thoughts, words, deeds, and designs. It is intended to become a continuation of the path she laid, a materialization of memory that gives her ideas new life and transforms them into new deeds.

The "Culture and anthropology research journal" was founded in 2009 as a scientific periodical. The journal acts as an open and independent tribune to reflect modern integrative trends in the humanities. This vector of humanities development is especially demanded and significant in the modern period as the need to find strategic guidelines for the life of human society. Cross-cutting for this trend is the cultural-anthropological theme devoted to man in his cultural hypostasis, man as a cultural being. Culture here acts as a specifically human, i.e. related to meaning-making, instrument of survival of man and mankind. This subject has a number of facets – from philosophical formulation of the question to concrete and practical studies of modern humanities: culturology, history, archaeology, philology, museology. Our journal offers a variant of such a generalized vision. In order to obtain it, it is advisable to link the numerous, more particular views, which would mutually correct each other. To this end, it is important to attract knowledge that is not only cultural. It is necessary to look at culture from the outside as well. On the one hand, this will be an approach from the position of philosophy (both philosophy as such and individual philosophical sciences, in particular, philosophical anthropology and natural philosophy). On the other hand, it will be an approach from the position of natural sciences.

Our partners are Russian authors, which contributes to the active exchange of achievements in the field of humanities, as well as to the maintenance and development of a common scientific space of Russia and CIS countries, consolidation of efforts of scientists and specialists to solve urgent scientific, practical and educational problems, represented by researchers of the Siberian Federal District, as well as representatives of other regions of Russia and the international community.

The journal is addressed to researchers, teachers of higher educational institutions, graduate students, specialists in philosophy, cultural studies, history, who are interested in the latest results of fundamental and applied research. Inviting to

co-operation, the editorial board of the “Culture and anthropology research journal” counts on the fact that the authors of the journal will strive to comprehend the modern deep and contradictory foundations of processes in the field of culture.

We are waiting for your articles revealing, generalizing the results of research on related humanitarian problems.

The editorial policy of the journal is based on traditional ethical principles of Russian scientific periodicals and supports the Code of Ethics of Scientific Publications formulated by the Committee on Ethics of Scientific Publications (Moscow, Russia).

We invite you to participate in the work of our journal.

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

PART I. CULTURAL HISTORY

Культурно-антропологические исследования. 2026. № 2

Culture and anthropology research journal. 2026. № 2

Научная статья

УДК 904

Музеи и сибирские бугровщики (от XVIII столетия к современности)

Бородовский Андрей Павлович^{1,2}

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

²Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья посвящена историческому обзору результатов деятельности бугровщиков как одного из начальных факторов пополнения коллекций музеев на территории юга Западной Сибири. В публикации приводятся одни из первых фактов выявления археологических находок на территории будущей Новосибирской области в начале XVIII в. Не менее важной является оценка осведомленности в то время в нашем регионе о существовании первого музея нашей страны – Кунсткамеры. Не менее значимыми являются попытки атрибуции этих первых археологических находок у Чауского острога с найденными впоследствии аналогичными артефактами в Новосибирской области и сопредельных территориях (Томской области, Республик Алтай и Хакасии, а также Синьцзяна на территории Китая). В настоящее время такая разновидность археологических находок ежегодно увеличивается значительными масштабами вследствие незаконной деятельности «черных копателей». В современной отечественной археологии вопрос возможности публикаций таких находок представлен двумя противоположными подходами. Согласно одному из них, артефакты с таким происхождением нельзя публиковать категорически в научных, академических изданиях. Другой подход предполагает более гибкое отношение в рамках исключений для уникальных предметов. Проблема общего отношения к «случайным» археологическим находкам усугубляется еще одной из основных характеристик археологических источников – фрагментарностью. Такое качество априори делает любую выборку археологического материала изначально не полной и не завершенной. Эта особенность совершенно в различной степени проявляется в типических и уникальных археологических материалах. Во-первых, нацеленность археологического научного аппарата (терминологии, классификации) на выявление в массиве артефактов типического, как правило, часто игнорирует индивидуальное как информационный шум. Во-вторых, если речь заходит об уникальности артефактов, то это требует своей особой процедуры обоснования. В-третьих, наличие у артефакта признаков уникальности, по сути, открывает новые неизвестные информационные возможности о прошлом. В свою очередь, индивидуальность образов связана

не только с уникальностью объектов, но и с неповторимостью многих элементов отражения. Исходя из таких параметров, яркие «случайные» находки будут востребованы среди исследователей и в музейной сфере.

Ключевые слова: археология; Западная Сибирь; бугровщики; коллекции; музеи; артефакты; уникальные находки; сибирские музеи

Для цитирования: **Бородовский А. П.** Музеи и сибирские бугровщики (от XVIII столетия к современности) // Культурно-антропологические исследования. – 2026. – № 2. – С. 14–30.

Финансирование: Работа подготовлена по теме Госзадания НИР ИАЭТ СО РАН «Формирование оригинальных черт российской цивилизации и становление империи на материалах исследований памятников Сибири XVI–XX веков (FWZG-2025-0013)»

Scientific article

Museums and Siberian Landowners (from the 18th Century to the Present)

Andrey P. Borodovskiy^{1,2}

¹Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

²Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article is devoted to a historical review of the results of the activities of the excavators as one of the initial factors in the replenishment of museum collections in the south of Western Siberia. The publication provides some of the first facts about the discovery of archaeological finds in the territory of the future Novosibirsk Region in the early 18th century. Equally important is the assessment of the awareness of the existence of the first museum in our country, the *Kunstkamera*, in our region at that time. No less significant are the attempts to attribute these first archaeological finds at the *Chausky Ostrog* to similar artifacts later found in the Novosibirsk Region and adjacent territories (the Tomsk Region, the Altai and Khakassia Republics, as well as Xinjiang in China). Currently, this type of archaeological finds is increasing significantly every year due to the illegal activities of “black diggers.” In modern Russian archaeology, the issue of publishing such findings is being addressed. According to one of them, artifacts of this origin should not be published in scientific or academic journals. The other approach involves a more flexible approach that allows for exceptions for unique artifacts. The problem of the general attitude towards “random” archaeological finds is exacerbated by another major characteristic of archaeological sources: their fragmentary nature. This quality inherently makes any selection of archaeological material incomplete and unfinished. These characteristic manifests itself to varying degrees in both typical and unique archaeological materials. First, the focus of the archaeological scientific apparatus (terminology, classification) on identifying the typical in the array of artifacts often ignores the individual, as if it were information noise. Second, when it comes to the uniqueness of artifacts, it requires a specific justification procedure. Thirdly, the presence of unique features in an artifact essentially opens up new and unknown information about the past. In turn, the individuality of images is associated not only with the uniqueness of objects, but also with the uniqueness of many elements of reflection. Based on these

parameters, striking “random” discoveries will be in demand among researchers and in the museum industry.

Keywords: archaeology; Western Siberia; excavators; collections; museums; artifacts; unique finds; Siberian museums

For citation: Borodovskiy, A. P. Museums and Siberian Hill-Diggers (from the 18th Century to the Present). *Culture and anthropology research journal*, 2026, no. 2, pp. 14–30.

Funding: The work was prepared on the topic of the State assignment for research of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences “Formation of the original features of Russian civilization and the formation of an empire based on the materials of research of Siberian monuments of the 16th–20th centuries (FWZG-2025-0013)”.

Введение. В период с конца XVII и начала XVIII веков весь юг Западной Сибири был охвачен активной деятельностью бугровщиков – людей, промысловых добычей ценных предметов из древних курганов (рис. 1).

Рис. 1. Сибирский бугровщик (XVII–XVIII вв.)
натурная реконструкция (фото А. П. Бородовского)

По описаниям Д. Г. Мессершмидта [1, s. 52, 63], со слов жителей Чаусского острога (рис. 2), организация промысла бугровщиков выглядела следующим образом. В середине или начале весны (в зависимости от состояния снежного покрова) из окрестных сел собирались большие артели по 200–300 человек, которые последним санным путем отправлялись на поиски «могильного золо-

та» в степь на 20–30 дней езды. Учитывая то, что за сутки при передвижении на лошадях можно было пройти не более 30–40 км, очевидно, что раскопки курганов велись на расстоянии 600–1200 км от Чаусского острога на территориях Барабы и Кулунды, еще не входивших в состав территорий Российского государства. Впечатляет численный состав участников артелей бугровщиков. Количество человек этих «поисковых партий» не только велико само по себе, но и значительно в сравнении со всей численностью Чаусского острога и его округи в начале XVIII века. По свидетельству того же Д. Г. Мессершмидта в 1721 г. в слободе острога, не считая казаков, проживало не более 150 человек. При этом общее население Чаусской волости составило несколько сотен только к 1741 г., когда там насчитывалось 874 человека. Таким образом, очевидно, что бугровщицеством занималось практически все взрослое активное население этой территории.

Рис. 2. Чаусский острог начала XVIII в. (фото А. П. Бородовского)

Основная часть. Результаты бугрового промысла «могильного золота» были настолько значительны, что позволили сформировать великолепные коллекции древностей. Одну из них Петр I, находясь в Голландии, увидел у известного коллекционера Н. Витзена, а другая, названная в честь российского самодержца (Сибирская коллекция Петра Великого), была подарена императору предпринимателем Демидовым. В состав этого собрания Сибирской коллекции вошли и другие находки. В частности, широкий размах бугровщи-

чества позволил сибирскому губернатору М. П. Гагарину в 1716 г. доставить Петру I коллекцию ювелирных изделий (рис. 3), скопившихся к тому времени в г. Тобольске.

Рис. 3. Предмет из «могильного золота». Сибирская коллекция Петра Великого из Золотой кладовой Государственного Эрмитажа (фото А. П. Бородовского)

Все это во многом определило издание знаменитого указа о Кунсткамере от 13 февраля 1718 г., заложившего основу российского законодательства об учете, выявлении и охране археологических памятников. В 1721 г. это постановление было уточнено еще одним разъяснением, суть которого состояла в покупке древних вещей в Западной Сибири и дальнейшей их пересылке в Берг и Мануфактур-коллегию. Одним из первых фактов осуществления подобной практики были покупки в 1722 г. Д. Г. Мессершмидтом у местного населения Чаусского острога на Оби (современное с. Чаус у р. п. Колывань) древних вещей во время первой академической экспедиции в Сибирь (рис. 4).

Однако уже тогда попытки таких покупок древностей у местного населения острогов далеко не всегда были успешными. В полевом дневнике Д. Г. Мессершмидта за 20 июня 1721 г. представлена достаточно любопытная запись. «Мне сообщили (информанты прапорщик Цоймем и Петр), что у дворянина Вишневецкого из Томска, ныне пребывающего в Чаусском остроге, имеется идол из меди в виде козла на которого прыгает лев». Д. Г. Мессершмидт предложил дворянину Вишневецкому продать ему этот предмет. Однако тот отказался от сделки и заявил, после упреков Д. Г. Мессершмидта, о музейной

значимости изделия, «что он сам бы мог бы доставить этот предмет в Петербург в Кунсткамеру его Царского Величества».

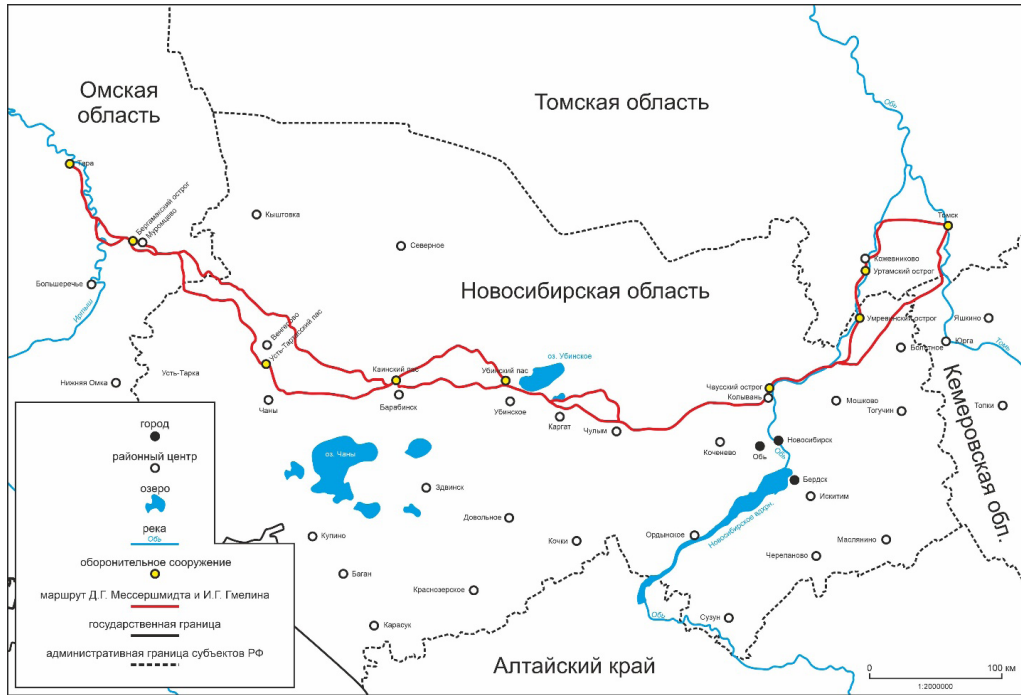

Рис. 4. Маршруты академических экспедиций XVIII столетия
(карта-схема С. В. Горохова)

Такой факт достаточно любопытен по целому ряду причин. Во-первых, это описанная бляха. Такая разновидность изделий достаточно хорошо идентифицируется, как бляха со сценой терзания копытного животного кошачьим хищником в скифо-сибирском зверином стиле. Эти предметы широко распространены на юге Западной Сибири от Верхнего Приобья, Нижней Катунь и Среднего Енисея и Центральной Азии [2].

Во-вторых, еще следует обратить внимание на упоминание дворянина Вишневецкого о том, что он мог бы доставить бляху с терзанием самостоятельно в Кунсткамеру. Учитывая, что это первое музейное учреждение России было основано в 1714 г., а Сенатский указ о покупке в Сибири «курьозных вещей» и «о присылки оных» в Берг – и Мануфактур-коллегию вышел 16 февраля 1721 г. [3, № 3738; 4, с. 857], то дата контакта (20 июня 1721 г.) с дворянином Вишневецким по поводу бляхи достаточно любопытна. Дело в том, что временные интервалы между этими событиями явно свидетельствуют о достаточно оперативном распространении информации об отношении к предметам древности из Сибири в начале XVIII столетия, принятых в Российском государстве. Не менее важно другое обстоятельство. Несмотря на достаточно широкое территориальное распространение блях эпохи раннего железа со сценой терзания копытного (полной и парциальной), контекст, который соответствует опи-

санию предмета дворянина Вишневецкого из Чаусского острога, более всего соответствует изделиям именно с Верхней Оби (рис. 5, 1,2,6).

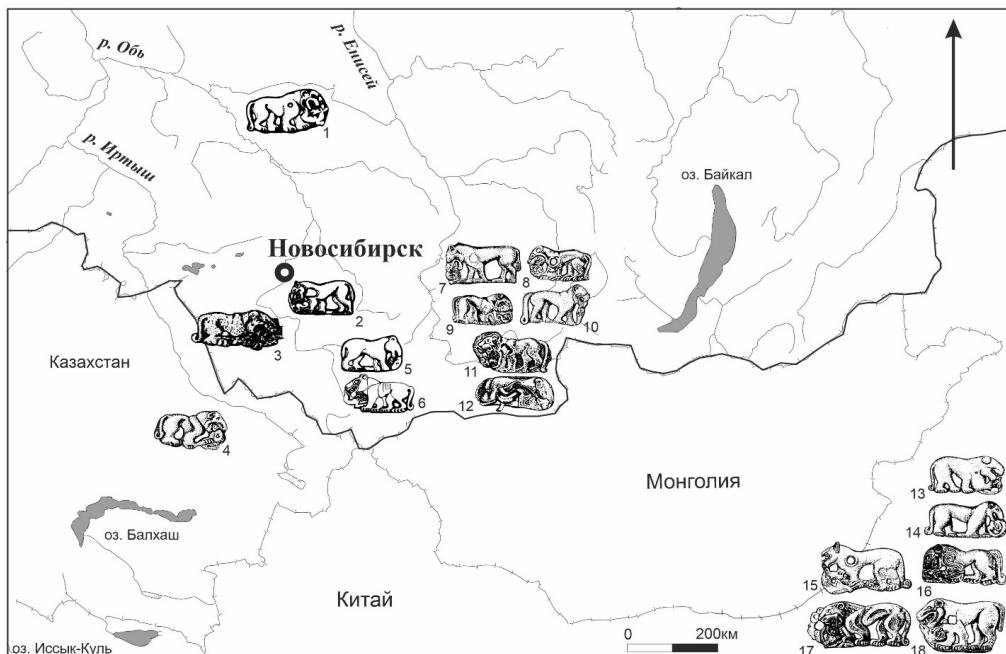

Рис. 5. Картография находок блях со сценой терзания копытным хищником копытного животного.

- 1 – Карбинское городище; 2 – Агролес (Бердск); 3 – Юбилейный-2;
4 – Семипалатинск (Казахстан); 5 – Майма VII; 6 – Барангол-1; 7 – коллекция Лопатина; 8, 9 – Минусинская котловина; 10 – Кежма; 11 – Дужерлик-Ховузу-1; 12 – Даган-Тели-1 (Тува); 13 – Ордос; 14 – Айдингху; 15 – коллекция Харрисон; 16 – Шихуйгоу; 17 – Ченьянь Чунь; 18 – Чиу (карта-схема Бородавского А. П.)

Ближайшей территориальной аналогией такого предмета, описанного Д. Г. Мессершмидтом, является случайная находка в окрестностях г. Бердска (рис. 6) [5, с. 33, рис. 18], ныне хранящаяся в краеведческом музее Барнаула.

На этой территории кроме такой случайной находки явно присутствуют разрушенные погребальные объекты эпохи раннего железа (Бердский залив). Поэтому можно с полным основанием предполагать происхождение артефакта из Чаусского острога с территории Новосибирского Приобья.

В наше время, спустя 300 лет, бугровой промысел в Сибири, к сожалению, реинкарнировался благодаря современным металлодетекторам, поступившим в открытую продажу в начале XXI. Теперь каждую весну и вплоть до поздней осени по необъятным просторам Сибири и нашей страны в целом рыщут ватаги грабителей культурного наследия прошлого, поставляющих на стихийный рынок антиквариата все новые и новые археологические находки для продажи. Среди этих предметов часто встречаются уникальные предметы, достойные самых лучших музейных коллекций, но, к сожалению, ставшие объектом коммерческой наживы. В ходе такого хищнического кругооборота

древностей не только разрушаются многие уникальные археологические памятники (известные и еще не известные), но и бесследно растворяется важная для специалистов-археологов информация. В связи с этим следует подчеркнуть, что массовые и уникальные находки имеют явные особенности в аккумуляровании и транслировании таких сведений.

Рис. 6. Бронзовая бляха скифского времени со сценой терзания из окрестностей г. Бердска, хранящаяся в Краеведческом музее г. Барнаула (фото А. П. Бородовского)

В рамках указанного контекста следует особо подчеркнуть, что проблема усугубляется одной из основных характеристик археологических источников – фрагментарностью [6, с. 114]. Такое качество априори делает любую выборку археологического материала изначально не полной и не завершенной. Эта особенность совершенно в различной степени проявляется в типических и уникальных археологических материалах. Во-первых, нацеленность археологического научного аппарата (терминологии, классификации) на выявление в массиве артефактов типического, как правило, игнорирует индивидуальное как информационный шум. Во-вторых, если речь заходит об уникальности артефактов, то это требует своей особой процедуры обоснования. В-третьих, наличие у артефакта признаков уникальности, по сути, открывает новую информацию о прошлом. В свою очередь, индивидуальность образов связана не только с уникальностью объектов, но и неповторимостью многих элементов отражения [7, с. 28].

Препарировав таким способом уникальные археологические источники, открываем возможность получения ранее не доступных данных. Ярким примером такого феномена являются высокохудожественные сейминско-турбинские бронзы. Количество этих артефактов не так велико и до последнего времени было ограничено небольшой серией предметов. Однако в начале второго десятилетия XXI в. этот круг находок начинает стремительно пополняться как

раз за счет «случайных находок». Речь идет о нескольких коллекциях (рис. 7, 8, 9, 10, 11) из Среднего Прииртышья [8; 9] и Притоболья [10]. Недавно из окрестностей г. Тюмень (Ярковский район) стала известна находка сейминско-турбинского кинжала с зооморфным ажурным навершием (рис. 12, 13).

Рис. 7. Пышминская коллекция из Тюменской области
из частного собрания (фото А. П. Бородавского):
1–4 – копья; 5–7 – ножи; 8 – маска; 9–19 – кельты; 20 – пешня

В современной отечественной археологии к вопросу о возможности публикации таких находок существует два противоположных подхода. Согласно одному из них, артефакты с таким происхождением категорически нельзя публиковать в научных, академических изданиях. Другой подход предполагает более гибкое отношение в рамках исключений для уникальных предметов. Не обсуждая этическую сторону этой проблемы, заострим свое внимание на чисто познавательных аспектах как основной мотивации и результатах научной деятельности. В конечном итоге каждый исследователь сам выбирает из двух вариантов. Один из них – делать вид, что таких находок «не существует», что при полном неприятии этих артефактов приведет к утрате существенного объема информации о прошлом. Другим вариантом являются попытки введения в научный оборот таких предметов в целях фиксации и сохранения хотя

бы части данных об их происхождении, атрибуции и культурном значении [11, с. 5].

Рис. 8. Бронзовая маска сейминско-турбинского времени (эпоха развитой бронзы) из Пышминской коллекции (фото А. П. Бородавского):
1-3 – ракурсы маски; 4, 5 – деревянная вставка (нос)

Рис. 9. Сейминско-турбинские копья из Седельниковского района Омской области, частное собрание (фото А. П. Бородавского)

Рис. 10. Личины с втулки копий из Седельниковского района Омской области (фото А. П. Бородовского)

Рис. 11. Личины с втулки копий из Седельниковского района Омской области (фото А. П. Бородовского)

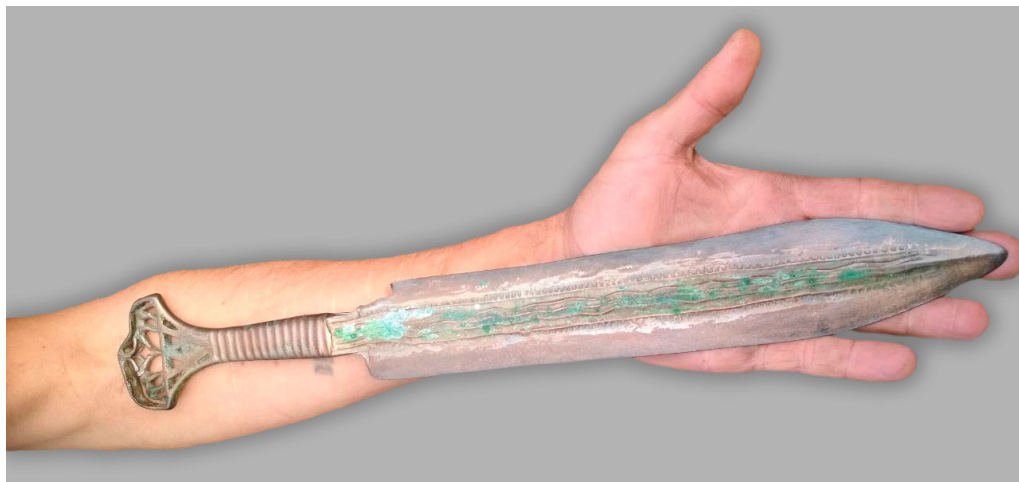

Рис. 12. Бронзовый кинжал (XV–XIV вв. до н. э.) из Ярковского района Тюменской области (фото А. П. Бородавского)

1

2

Рис. 13. Навершие и острие кинжала из Ярковского района Тюменской области (фото А. П. Бородавского):
1 – навершие; 2 – лезвие

Не менее важным вопросом является поступление этих уникальных находок в музейные коллекции. К сожалению, далеко не все эти предметы становятся общественным культурным достоянием. Значительная часть этих экспонатов входит в состав частных собраний, доступ к которым как специа-

листам, так и зрителям фактически ограничен. Однако среди этих артефактов есть примеры с музейной судьбой. Часть таких предметов благодаря усилиям некоторых специалистов уже поступила в фонды Новосибирского краеведческого музея г. Новосибирска. В качестве примера приведем две истории.

Одна из них касается самого большого китайского зеркала (рис. 14), найденного на территории Новосибирской области [12]. Большая часть найденных китайских металлических зеркал располагалась на территории среднего Енисея, а в Приобье они попадались нечасто. До недавнего времени это были единичные находки, ситуация несколько изменилась в начале нашего века. За относительно короткий промежуток времени было обнаружено более десятка таких артефактов, преимущественно севернее Транссибирской железнодорожной магистрали – в Барабинском, Каргатском, Колыванском и других районах. Зеркало, обнаруженное «черными» копателями у с. Теренино в Каргатском районе Новосибирской области, удалось не только изъять, но и передать в Новосибирский краеведческий музей, где оно после реставрации заняло достойное место в его экспозиции.

Другая история связана с находкой фитильного пистолетного ствола (рис. 15) второй половины XVI – начала XVII века [13] из окрестностей Бикатунского острога (г. Бийск Алтайского края). Находки ранних образцов огнестрельного оружия в Сибири крайне редки. Можно с полным основанием говорить, что их явно меньше, чем «пальцев на двух руках». Поэтому каждую из них можно рассматривать не только как сенсацию, но и как важный артефакт, отражающий реальную историю распространения этого оружия на обширных пространствах Сибири и Дальнего Востока.

Находка ствола фитильного пистолета из Бикатунского острога является образцом раннего огнестрельного ручного оружия русского происхождения в Сибири. Появление этого предмета вооружения в районе современного Бийска очевидно связано со столкновениями вооруженных отрядов Московского царства и местного населения, которые происходили здесь и в начале XVIII века. Хотя, конечно, к тому времени этот тип пищалей считался уже архаичным. Но в Сибири вплоть до конца XVII в. ощущался серьезный дефицит современного ручного огнестрельного оружия. И поэтому фитильное оружие, которое было простым, надежным, относительно безопасным и дешевым в производстве, имело хождение в этих местах еще долгое время. В дальнейшем же многие фитильные стволы были переделаны для вооружения с кремнёвыми замками. К счастью, этого не произошло для ручницы из Бийска, что позволило в этом артефакте отразить во всей полноте ее уникальность. В настоящее время этот экспонат является частью коллекции Новосибирского краеведческого музея эпохи русского освоения Верхней Оби. Однако два этих примера являются благоприятным исключением на общем фоне массового хищнического разграбления историко-культурного наследия Сибири и всей страны в настоящее время.

Рис. 14. Китайское зеркало (VIII–X вв.) из с. Теренино Каргатского района НСО, хранящееся в Новосибирском государственном краеведческом музее (фото А. П. Бородавского)

Рис. 15. Ствол фитильного пистолета (XVI–XVII вв.) из Бикатунского острога, хранящийся в Новосибирском государственном краеведческом музее (фото А. П. Бородавского)

Рис. 16. Петр Великий – основатель российской археологии и музееведения, памятник в г. Бийске (фото А. П. Бородавского)

Заключение. В настоящее время, к сожалению, огромное количество массовых предметов и уникальных изделий не доходит до своего легального музейного хранения и экспонирования, а попадает на рынок древностей, а затем в частные коллекции. Поэтому сохранение хотя бы части информации об этих артефактах является одним из реальных средств частичной компенсации ущерба нашему историко-культурному наследию. Это в начале XVIII столетия отчетливо понимал император Петр Великий, который не только инициировал скупку российским государством этих «курьезных» предметов, но и требовал

в своих указах тщательно фиксировать данные об их происхождении и условиях находки. Сегодня нам остается только следовать этой установке государя.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Messerschmidt D. G.** Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. – Berlin: Akademie-Verlag, 1966, Bd. 1: Tagebuchaufzeichnungen, 1721–1722. – 380 s.
2. **Богданов Е. С.** Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии: (скифо-сибирская художественная традиция). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН СО РАН, 2006. – 239 с.
3. Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е]. Т. 6, Кн. 2. – СПб., 1830. – 817 с.
4. Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков. – М.: Этерна, 2010. – 960 с.
5. **Бородовский А. П.** Археологические памятники Искитимского района Новосибирской области. Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России. Выпуск 6». – Новосибирск, 2002. – 208 с.
6. **Подольский М. Л.** Индивидуальное и типическое в археологической культуре (опыт композиционного подхода) // Актуальные проблемы изучения архаики: материалы теоретического семинара «Теория и методология архаики» 1996–2012 гг. – СПб.: МАЭ РАН, 2014. – С. 120–132.
7. **Клейн Л. С.** Археологические источники. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1978. – 120 с.
8. **Молодин В. И., Нескоров А. В.** Коллекция сейминско-турбинских бронз из Прииртышья (трагедия уникального памятника – последствия бугровщичества XXI века) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 3 (43). – С. 58–71.
9. **Бородовский А. П.** Металлические наконечники копий эпохи бронзы - новые находки с территории Омской области // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2024. – № 2 (50). – С. 65–73.
10. **Бородовский А. П., Оборин Ю. В.** Предметы сейминско-турбинского металлического комплекса с нижней Пышмы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2020. – Т. 19, № 5: Археология и этнография. – С. 103–118.
11. **Федорова Н. В.** Север Западной Сибири в железном веке: традиции и мобильность: очерки. – Омск, 2019. – 150 с.
12. **Бородовский А. П., Тишкин А. А.** Металлическое зеркало из Барабы // Теория и практика археологических исследований. – 2016. – № 4 (16). – С. 24–35.
13. **Бородовский А. П., Оборин Ю. В., Савосин С. Л.** Находки раннего ручного огнестрельного оружия из Южной Сибири // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2019. – Т. 18, № 5: Археология и этнография. – С. 106–115. DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-5-106-115

REFERENCES

1. Messerschmidt D. G. Research trip through Siberia 1720–1727. Berlin: Akademie-Verlag, 1966, Bd. 1: Tagebuchaufzeichnungen, 1721–1722, 380 s.
2. Bogdanov E. S. The Image of a Predator in the Plastic Art of the Nomadic Peoples of Central Asia: (The Scythian-Siberian Artistic Tradition). Novosibirsk: IAET SB RAS, 2006, 239 p. (In Russian)
3. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. [Collection 1st]. Vol. 6, Book 2. St. Petersburg, 1830. 817 p. (In Russian)
4. Museum Studies in Russia in the 18th–20th Centuries. Moscow: Eterna Publ., 2010. 960 p. (In Russian)
5. Borodovsky A. P. Archaeological Monuments of the Iskitim District of the Novosibirsk Region. Materials of the “Code of Monuments of History and Culture of the Peoples of Russia”. Issue 6. Novosibirsk, 2002, 208 p. (In Russian)
6. Podolsky M. L. Individual and Typical in Archaeological Culture (An Experience of a Compositional Approach). Current Issues in the Study of Archaic Culture: Proceedings of the Theoretical Seminar “Theory and Methodology of Archaic Culture” 1996–2012. St. Petersburg: MAE RAS, 2014, pp. 120–132. (In Russian)

7. Klein L. S. Archaeological Sources. Leningrad: Leningrad University Press, 1978, 120 p. (In Russian)
8. Molodin V. I., Neskorov A. V. Collection of Seyminsky-Turbinsky Bronzes from the Irtysh Region (the Tragedy of a Unique Monument – the Consequences of the 21st Century Hill-Building). Archaeology, Ethnography, and Anthropology of Eurasia, 2010, no. 3 (43), pp. 58–71. (In Russian)
9. Borodovsky A. P. Bronze Age Metal Spear Heads: New Finds from the Omsk Region. Archaeology, Ethnography, and Anthropology of Eurasia, 2024, no. 2 (50), pp. 65–73. (In Russian)
10. Borodovsky A. P., Oborin Yu. V. Items of the Selm-Turbinsky Metal Complex from the Lower Pyshma River. Vestnik NSU. Series: History, Philology, 2020, Vol. 19, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 103–118. (In Russian)
11. Fedorova N. V. The North of Western Siberia in the Iron Age: Traditions and Mobility: Essays. Omsk, 2019, 150 p. (In Russian)
12. Borodovsky A. P., Tishkin A. A. A Metal Mirror from Baraba. Theory and Practice of Archaeological Research, 2016, no. 4 (16), pp. 24–35. (In Russian)
13. Borodovsky A. P., Oborin Yu. V., Savosin S. L. Finds of Early Hand-Held Firearms from Southern Siberia. Vestnik NSU. Series: History, Philology, 2019, vol. 18, no. 5, Archaeology and Ethnography, pp. 106–115. DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-5-106-115 (In Russian)

Информация об авторе

А. П. Бородовский, доктор исторических наук, профессор, Новосибирский государственный педагогический университет; главный научный сотрудник, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия; ORCID <https://orcid.org/0000-0002-6312-1024>, altaicenter2011@gmail.com

Information about the author

Andrey P. Borodovskiy, Doctor of Historical Sciences, Professor, Novosibirsk State Pedagogical University; Chief Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia; ORCID <https://orcid.org/0000-0002-6312-1024>, altaicenter2011@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 20.03.2026

Одобрена после рецензирования: 21.04.2026

Принята к публикации: 21.04.2026

The article was submitted: 20.03.2026

Approved after reviewing: 21.04.2026

Accepted for publication: 21.04.2026

Культурно-антропологические исследования. 2026. № 2

Culture and anthropology research journal. 2026. № 2

Научная статья

УДК 7.044

Кросс-культурное изучение мифологических сюжетов и ритуалов в японской живописи периодов Эдо и Мэйдзи

Резниченко Злата Игоревна¹, Калюжнова Марина Владимировна²

^{1,2}Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу и систематизации мифологических сюжетов и связанных с ними ритуалов в японской живописи конца эпохи Эдо (период Бакумацу) и Мэйдзи. В это время мифология и ритуал выступали не только ключевым способом сохранения и презентации национальной культуры, но и объектом широких общественных дискуссий идеологического и философского характера. В исследовании рассматривается визуальная традиция фиксации синтоистских мифов (Аматэрасу, Сусаноо, Идзанаги и Идзанами, богов ветра и грома Фудзин и Райдзин), а также ритуальных танцев кагура и бугаку (включая танец бабочки) в таких формах, как свитки эмакимоно, ширмы школ Тоса и Кано, образцовые рисунки (фумпон) и массовые гравюры укиё-э.

Особое внимание уделено механизмам передачи визуального канона через систему фумпон и эдэон, что обеспечивало преемственность иконографии на протяжении нескольких столетий – от периода Хэйан и Камакура до XIX века. Автор показывает, что в период Бакумацу – ранний Мэйдзи интерес к мифологическим сюжетам резко возрос в связи с внешним давлением Запада, кризисом сёгуната и необходимостью формирования национальной идентичности. Однако в отличие от концепции «изобретения традиции» (Э. Хобсбаум, К. Глак) в статье доказыва-ется, что визуальный канон этих сюжетов не конструировался заново, а воспроизводил устойчивые иконографические схемы, сложившиеся задолго до XIX века. Деятельность Эрнеста Феноллозы и Окакуры Тэнсина по созданию «нихонга» и системы национальных сокровищ рассматривается как логическое завершение этого процесса сохранения традиции.

Исследование опирается на широкий круг источников из музейных собраний Японии, США и Великобритании, а также на работы российских и зарубежных японоведов. Применяются методы визуального и иконографического анализа, культурно-исторический подход и элементы семиотики. Делается вывод, что визуализация мифов и ритуалов в японской живописи XIX века выполняла не только эстетическую, но и мемориальную, идентификационную и идеологическую функции, обеспечивая связь с древним прошлым в эпоху модернизации.

Ключевые слова: японская живопись; мифология; ритуал; укиё-э; эмакимоно; фумпон; период Эдо; период Мэйдзи

Для цитирования: Резниченко З. И., Калюжнова М. В. Кросс-культурное изучение мифологических сюжетов и ритуалов в японской живописи периодов Эдо и Мэйдзи // Культурно-антропологические исследования. – 2026. – № 2. – С. 31–41.

Scientific article

Cross-Cultural Study of Mythological Subjects and Rituals in Japanese Painting of the Edo and Meiji Periods

Zlata I. Reznichenko¹, Marina V. Kalyuzhnova²

^{1,2}Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. This article analyzes and systematizes mythological subjects and related rituals in Japanese painting of the late Edo period (Bakumatsu) and the Meiji period. During this time, mythology and ritual served not only as a key means of preserving and presenting national culture but also as an object of broad public discussions of an ideological and philosophical nature. The study examines the visual tradition of depicting Shinto myths (Amaterasu, Susanoo, Izanagi and Izanami, the gods of wind and thunder Fujin and Raijin), as well as the ritual dances Kagura and Bugaku (including the Butterfly Dance), in such forms as emakimono scrolls, Tosa and Kanō school screens, pattern books (fumpon), and mass-produced ukiyo-e prints.

Special attention is paid to the mechanisms of transmitting the visual canon through the fumpon and edehon systems, which ensured the continuity of iconography over several centuries – from the Heian and Kamakura periods to the 19th century. The author demonstrates that during the Bakumatsu – early Meiji period, interest in mythological subjects sharply increased due to external pressure from the West, the crisis of the shogunate, and the need to forge a national identity. However, in contrast to the concept of the “invention of tradition” (E. Hobsbawm, C. Gluck), the article argues that the visual canon of these subjects was not constructed anew but reproduced stable iconographic schemes that had developed long before the 19th century. The activities of Ernest Fenollosa and Okakura Tenshin in creating nihonga and the national treasures system are viewed as the logical culmination of this process of preserving tradition.

The research draws on a wide range of sources from museum collections in Japan, the United States, and Great Britain, as well as on the work of Russian and foreign Japanese studies scholars. Methods of visual and iconographic analysis, a cultural-historical approach, and elements of semiotics are employed. The conclusion is that the visualization of myths and rituals in 19th-century Japanese painting performed not only an aesthetic but also a memorial, identificatory, and ideological function, ensuring a connection with the ancient past during an era of modernization.

Keywords: Japanese painting; mythology; ritual; ukiyo-e; emakimono; fumpon; Edo period; Meiji period

For citation: Reznichenko Z. I., Kalyuzhnova M. V. Cross-cultural study of mythological subjects and rituals in Japanese painting of the Edo and Meiji periods. *Culture and anthropology research journal*, 2026, no. 2, pp. 31–41.

Введение. Мифы и ритуалы традиционно изучаются в российском японоведении с точки зрения их литературных истоков, философского содержания

и религиозной функции. В работах Э. В. Молодяковой, А. А. Накорчевского, Е. К. Симоновой-Гудзенко и других исследователей анализируются синтоистские мифы, ритуальные практики и их роль в формировании японской культуры. Вопрос о том, как эти сюжеты фиксировались в живописи от свитков эмакимоно до гравюр укиё-э, затрагивается реже. В современной науке обсуждается проблема «изобретения традиции» применительно к Японии периода Мэйдзи. В работах О. И. Макаровой (Лебедевой) показано, как через деятельность Эрнеста Феноллозы и Окакуры Тэнсина формировалось понятие «национальное искусство». При этом остается актуальным вопрос о том, какие визуальные образы уже существовали до их институционализации и как они передавались в художественных школах на протяжении столетий.

Интерес к визуализации мифов и ритуалов подтверждается и современной музейной практикой. Выставки, посвященные этой теме, регулярно проходят в ведущих музеях Японии. Например, в художественном музее Токугава в Нагое с 4 января по 1 февраля 2026 года проходила выставка «KAMI: The Myriad Deities of Japan» («Японские боги: сошествие божеств»). На выставке были представлены экспонаты, связанные с почитанием богов-ками, их святилищами и ритуалами. В Музее университета Кокугакуин в 2017 году проходила выставка «Гагаку: введение в кагуру и бугаку», где демонстрировались материалы, связанные с ритуальными танцами и их связью с синтоистскими церемониями. В Музее Эдо-Токио после реставрации 2026 года открылась выставка «В похвалу Великому Эдо», в экспозиции которой представлены предметы, отражающие церемониальную культуру города, включая доспехи и ритуальные объекты самурайского сословия. Кроме того, в самом значимом Токийском национальном музее в 2019 году демонстрировались сцены из провинции Экиго, посвященные церемонии Великого благодарения 1764 года, с акцентом на императорские ритуалы и их документацию в живописи. Эти выставки показывают, что тема визуализации мифов и ритуалов остается востребованной и актуальной в современном музейном пространстве.

В исследовании применялись визуальный и иконографический анализ, культурно-исторический подход (для учета социально-политического контекста периода Бакумацу и Мэйдзи), а также элементы семиотического анализа (для интерпретации символики персонажей и атрибутов).

Обсуждение. В российском японоведении вопросы мифологии и ритуала рассматривались в нескольких направлениях. Фундаментальные исследования японской мифологии и синтоистского ритуала представлены в работах Л. М. Ермаковой (анализ мифов о первотворении и ритуальных практик ранней Японии), А. А. Накорчевского (систематизация синтоистского пантеона) и Е. К. Симоновой-Гудзенко (императорский миф и сакральное пространство). Наиболее развернутую информацию для анализа японских ритуалов предлагает Э. В. Молодякова. В ее работах, в частности в статье «Ритуал в синтоистской традиции» (2008), анализируется ритуал как инструмент сохранения традиций, вводится принцип «сайсэй итти» (единство религиозного ритуала и государственного управления), а также рассматриваются календарные празд-

ники как сакральная структура времени. Ее подход позволяет рассматривать визуализацию ритуалов в живописи не как пассивную фиксацию, а как активный механизм трансляции культуры. Касательно исследователей японской живописи и гравюры следует отметить Б. Г. Воронову (хранителя японской коллекции ГМИИ им. А. С. Пушкина, составителя каталога «Японская гравюра»), А. С. Коломиец (автора «Истории японского искусства»), В. Т. Дашкевич в статье «Свиток бугаку в собрании Эрмитажа» (1974) проанализировала конкретный свиток с изображением бугаку, что представляет собой редкий для российского искусствоведения пример работы с визуальными источниками по этой теме. О. И. Макарова (Лебедева) анализировала формирование понятия «национальное искусство» в Японии через деятельность Эрнеста Фенеллозы и Окакуры Тэнсина, что важно для понимания дискуссий об «изобретении традиции». Символика бабочки в японском фольклоре исследована Е. С. Сычёвой. Среди зарубежных и японских исследователей, работавших с мифологическими сюжетами, ритуалами и их визуализацией в живописи, следует выделить несколько ключевых фигур. Кэрл Глак (Колумбийский университет) в книге «Japan's Modern Myths» (1985) опирается на теорию «изобретения традиции» Эрика Хобсбаума и анализирует, как в период Мэйдзи формировались новые национальные ценности и «современные мифы» – календарные праздники, культ императора, гражданская мораль. Стефан Танака (Калифорнийский университет в Сан-Диего) в работе «Japan's Orient» (1993) исследует, как японские историки конца XIX – начала XX века конструировали идентичность, одновременно современную и азиатскую, что важно для понимания спроса на «исконно японские» сюжеты в живописи. Кэтрин Белл (Университет Санта-Клары) в «Ritual Theory, Ritual Practice» (1992) предлагает говорить не о ритуале, а о ритуализации – стратегическом способе действия, выделяющем определенные практики из повседневности и связывающем их с высшими источниками власти. Среди специалистов по японской живописи периода Эдо и ее связи с мифологией следует отметить Тимона Скрича (Лондонский университет, SOAS), который в работе «The Shogun's Painted Culture» (2000) показывает, как живопись служила инструментом визуализации власти сегуна, а школа Кано функционировала как часть государственного аппарата. Юкио Липпит (Гарвардский университет) в сборнике «The Artist in Edo» (2018) исследует вопросы копирования, подражания и идентичности художников в период Эдо. Среди японских исследователей Найто Масато (Университет Кэйо) специализируется на истории живописи и гравюры периода Эдо, его работы охватывают творчество ведущих мастеров укиё-э: Хокусая, Хиросигэ, Куниёси, а также вопросы патронажа и коллекционирования укиё-э при императорском дворе, среди сёгунов и даймё. Хирафудзи Кикико (Университет Кокугакуин) – ведущий специалист по мифологии синто, «Кодзики» и «Нихон сёки», ее исследования посвящены синтоистским мифам и божествам, что составляет основу для изучения высшей мифологии в японской живописи. Непосредственно исследованиями бугаку как сюжета живописи занимались несколько ученых. Фабио Рамбелли (Калифорнийский университет в Санта-Барбаре) в статье «Gagaku in Medieval Japanese Religion»

(2022) доказывает, что гагаку и его танцевальный репертуар бугаку были центральным компонентом ритуалов не только при дворе, но и во многих храмах и святилищах. Кадзуо Мотимару (Токийский национальный институт культурного наследия) в 1951 году проанализировал изображение бугаку на ширмах Таварая Сотаци, опубликовав статью в журнале «The Bijutsu Kenkyu». В современной японской науке эту линию исследований продолжает Мияко Фуруя, куратор Городского художественного музея Курумая и докторант Университета Цукуба, чьи исследования посвящены иллюстрациям бугаку в образцовых книгах периода позднего Эдо и реставрации придворных церемоний.

Исследование охватывает период с конца эпохи Эдо (Бакумацу, 1853–1868) до раннего периода Мэйдзи (1868–1900). Чтобы показать преемственность визуальной традиции, исследование также обращается к более ранним источникам.

Результаты. Мифологические сюжеты и связанные с ними ритуалы – одна из значимых линий в японской изобразительной традиции. Они фиксировались в живописи на протяжении столетий: от свитков эмакимоно периода Хэйан и Камакура до ширм школы Тоса и Кано, а затем и до массовых гравюр укиё-э. В этих изображениях отразились древние синтоистские мифы, записанные в «Кодзики» (712 год) и «Нихон сёки» (720 год), а также ритуальные практики, связанные с почитанием богов-ками, природных сил и обожествленных исторических личностей. «Мифологические сюжеты служили непосредственно истокам традиционной мифологической структуры праздника, поэтому их можно было вполне назвать “священной драмой”» [3, с. 219]. В период Бакумацу – ранний Мэйдзи интерес к мифологическим сюжетам особенно возрос. Художники укиё-э, такие как Утагава Кунисада и Цукиока Ёситоси, массово обращались к образам древних богов и героев, но их визуальный канон не был изобретен заново. Он восходил к иконографии, сложившейся в свитках эмакимоно и храмовых росписях предшествующих веков.

В японской изобразительной традиции передача визуального знания часто осуществлялась через категорию ката – формализованный паттерн, который может быть как перформативным (танец, ритуал), так и изобразительным (живопись). Одним из способов такой передачи была система фумпон (粉本) и эдэхон (絵手本) – образцовые рисунки, которые накапливались, копировались и передавались по наследству в художественных школах, прежде всего в школе Кано. Для изображений придворных церемоний, ритуальных танцев и праздничных процессий существовали особые образцы костюмов, поз, пространственных композиций, сезонных атрибутов. Примером такого образцового альбома является 雑画帖 (Альбом разных рисунков) кисти Тоса Мицунори (1583–1638), хранящийся в Токийском национальном музее. Этот альбом, состоящий из 32 миниатюрных рисунков, представляет собой систематизированный каталог образцов для живописи школы Тоса (от сезонных цветов и птиц до сцен бугаку и придворных церемоний). Как показала в своем исследовании Икэда Идзуми, именно такие альбомы служили основой для передачи визуального канона в школе Тоса. Т. е. система фумпон была универсальным механизмом сохранения традиции не только в школе Кано, но и в других художественных

школах Японии. Можно предположить, что система фумпон играла определенную роль в фиксации различных ритуалов в живописи, помогая сохранять визуальный канон на протяжении длительного времени – от свитков эмакимоно периода Камакура до гравюр укиё-э периода Мэйдзи.

Верховная богиня солнца Аматаэрасу, главное божество синтоистского пантеона, стала изображаться еще в период Хэйан (794–1185). Самые ранние ее образы – синтоистские скульптуры и живописные свитки, где она представлена в виде придворной дамы в многослойных кимоно, окруженной свечением. И на гравюрах прародительница императорской семьи Аматаэрасу-Омиками часто изображается как величественная женщина, излучающая свет, она является центральной фигурой и выражение ее лица довольно эмоционально, а жесты подчеркивают энергию и силу. Наиболее выразительные изображения связаны с мифом о ее уходе в Небесную пещеру (Амэ-но-Ивато). Этот сюжет зафиксирован в эмакимоно периода Камакура (XIII–XIV вв.), например, в свитке «Амэ-но-Ивато» из коллекции Токийского национального музея. Там уже сложилась устойчивая композиция: слева – танцующая Амэ-но-Удзуме на опрокинутой кадке, справа – бог Амэ-но-Тадзикарао, откатывающий камень, в центре – выглядывающая из пещеры Аматаэрасу. Эта композиция перешла и в гравюры XIX века. Утагава Кунисада создал триптих «Истоки кагуры у Небесной пещеры» (около 1857), где те же фигуры расположены в том же порядке. Сюнсai Тосимас в 1887 году повторил эту композицию в гравюре «Происхождение кагуры у Небесной пещеры». Таким образом, иконография Аматаэрасу оставалась устойчивой на протяжении более чем пяти веков.

Брат Аматаэрасу, бог бури и моря Сусаноо, известен своим непредсказуемым характером и подвигом – убийством восьмиглавого дракона Ямата-но Ороты. Этот сюжет также активно фиксировался в живописи. В гравюре Утагавы Тоёкуни «Сусаноо и змея Ямата-но Ороты» (период Эдо, Токийский национальный музей) на переднем плане изображены восемь чаш с сакэ – хитрость Сусаноо, чтобы усыпить дракона. Утагава Кунитэру в серии «Жизни героев нашей страны» (ок. 1852) и Еситоси Цукиока изобразили Сусаноо, сражающегося с восьмиглавым драконом, чтобы спасти богиню Кусинада-химэ. Эти гравюры показывают, что в период Бакумацу миф о Сусаноо был востребован как образ героической борьбы со злом.

Самые ранние известные изображения Идзанаги и Идзанами относятся к периоду Камакура (1185–1333). Они появляются в свитках эмакимоно, иллюстрирующих «Кодзики». Самый знаменитый – «Кодзики-эмаки» (XIV век), где супруги-боги впервые предстают в антропоморфном виде – в развевающихся одеждах, стоя на Небесном мосту с копьём Амэ-но-Нубоко, капли с которого образуют японские острова. Эта иконография (пара богов, копьё, облака, океан) затем воспроизводилась в живописи на протяжении многих веков. В период Бакумацу Утагава Кунийёси создал триптих «Запись о происхождении великой страны Японии» (1849), центральная панель которого изображает именно этот мифический момент. Обращение к сюжету о сотворении страны в 1849 году – за несколько лет до прибытия «черных кораблей» Перри можно назвать ярким примером обращения к истокам до открытого столкновения с другой культурой.

Фудзин и Райдзин, боги ветра и грома, одни из древнейших kami, упомянутые еще в «Кодзики» и «Нихон сёки». В период Хэйан и Камакура их изображения встречаются в свитках эмакимоно и храмовых росписях, но каноническое воплощение сложилось в период Эдо. В XVII веке художник Тавара Ясутацу создал знаменитую пару ширм «Фудзин и Райдзин» (храм Кэннин-дзи, Киото). На этих ширмах, покрытых сусальным золотом, боги предстают в динамичных, почти устрашающих позах: Фудзин с мешком, из которого вырываются ветры, его волосы и одежды развеваются; Райдзин окружен барабанами, извергающими молнии, его лицо искажено гримасой. Визуальное воплощение, разработанное Ясутацу, оказалась настолько устойчивым, что его воспроизводили и в более поздних гравюрах укиё-э, рассчитанных на городскую аудиторию. В работах Утагавы Куниёси и Цукиоки Ёситоси Фудзин и Райдзин изображаются в тех же позах, с теми же атрибутами.

Иконография локальных божеств святилищ складывалась в рамках энги-эмаки – свитков-сказаний об основании храмов, создававшихся в периоды Камакура-Муромати. К периоду Эдо эти иконографические схемы были уже устойчивы и узнаваемы. Когда Кунисада в 1844–1846 годах создавал гравюру «Восемь миллионов богов собрались для сватовства в Идзумо», он не изобретал внешний вид этих божеств, а использовал их из храмовой иконографии, которая существовала уже 500–600 лет. На триптихе изображены десятки богов: в центре Аматэрасу, слева и справа Инари, Касуга, Сумиёси, Сува, Ацута и многие другие боги главных святилищ. Каждый бог узнаваем по своим атрибутам, позам, одеяниям. Эта гравюра показывает, что к середине XIX века в японской культуре сложилось представление о едином пантеоне, где боги из разных регионов и святилищ воспринимались как части общей системы.

Говоря об исторических личностях, наделенных мифологическими чертами, нельзя не упомянуть о гравюрах Цукиоки Ёситоси (1839–1892) – одного из последних великих мастеров укиё-э, чье творчество пришлось на конец периода Эдо и ранний период Мэйдзи. Ёситоси выбрал древние мифы и легендарных героев Японии в качестве сюжетов не только из-за личного интереса, но и потому, что наступило время больших перемен. На заре эпохи Мэйдзи возникла необходимость напомнить об истоках и самобытности государства; патриотизм был востребован в качестве национального лозунга, и в иллюстрациях предпочтение отдавалось каноническим сюжетам. Император Дзимму, первый император Японии, который почитается как потомок богини солнца Аматэрасу, неоднократно становился героем работ Ёситоси. В серии «Краткая иллюстрированная история Великой Японии», выпускавшейся в 1879 году, Ёситоси создал ряд изображений, которые исследователи Британского музея прямо называют «пропагандой для императорского института». Эти работы создавались вскоре после реставрации Мэйдзи (1868), когда император был «возвращен» к власти, и государству потребовалась визуальная поддержка новой идеологии. На одной из гравюр этой серии император Дзимму изображен стоящим на скале с Ятагарасу (трехногий священный ворон, посланник богини Аматэрасу) на посохе, от которого исходят лучи света. Этот сюжет наглядно иллюстрирует принцип сайсэй итти (единство

религиозного ритуала и государственного управления), который, как отмечает Э. В. Молодякова, соблюдался в Японии на протяжении веков [3, с. 231].

Одним из древнейших ритуальных танцев Японии является кагура, происхождение которого восходит к синтоистским мифам. Согласно «Кодзики» и «Нихон сёки», когда богиня солнца Аматэрасу, обидевшись на брата Сусаноо, заперлась в Небесной пещере и мир погрузился во тьму, богиня Амэ-но-Удзумэ исполнила танец, обнажив грудь. Боги засмеялись, Аматэрасу выглянула, и свет вернулся. Этот мифологический сюжет считается истоком кагуры, где танец служит инструментом коммуникации с божеством. В японской живописи сцена танца Удзумэ фиксировалась практически во всех художественных формах. Утагава Кунисада создал триптих «Истоки кагуры у Небесной пещеры» (около 1857), где композиция повторяет древний канон: слева танцующая Удзумэ на опрокинутой кадке, а справа бог Амэ-но-Тадзикарао, откатывающий камень, в центре – выглядывающая из пещеры Аматэрасу. Ту же композицию воспроизводит гравюра Сюнсai Тосимаса «Происхождение кагуры у Небесной пещеры» (1887). В период Эдо кагура стала не только храмовым ритуалом, но и сюжетом для театральных постановок, например, в театре Но существует пьеса «Утиго модэ» («Посещение святилищ Исэ»), запечатленная в гравюрах Цукиоки Когэ в серии «Большое зеркало театра Но» (1925–1930).

Другой важной ритуальной традицией является бугаку – придворный танец, пришедший из Китая и Кореи в период Нара (VIII век). Бугаку исполнялись как придворные театральные представления, а затем – во время храмовых церемоний и праздников. В качестве примера для исследования был рассмотрен танец бабочки (Котё: но май). Танец бабочки фиксировался в живописи в нескольких форматах. Самый ранний из них сакральный: обложка пятой части Лотосовой сутры «Чистая земля танцующих бабочек» (1180 год, период Хэйан). Сутра была переписана Тайра-но Мототика и состоит из десяти свитков на темно-синей бумаге (символ лазурита) золотыми чернилами. Пятый свиток хранится в музее Уэхара в префектуре Сидзуока. На иллюстрации разворота изображены двое детей с румяными щеками, танцующих с крыльями бабочки и птицы за спинами; танцор с крыльями бабочки держит в руках благовония и исполняет ритуальный танец подношения. Второй формат аристократический, где важнейшая форма визуализации танца бабочки – это эмакимono и ширмы, иллюстрирующие «Повесть о Гэндзи». В 24-й главе «Бабочки» принц Гэндзи устраивает весенний праздник: на пруд спускают лодки с головами дракона и феникса, украшенные в китайском стиле. На следующее утро Мурасаки наряжает служанок в костюмы бабочек, и они танцуют перед императрицей. Пара ширм кисти Тоса Мицусада (конец XVIII века) с золотым фоном – пример элитарного заказа. В отличие от укиё-э, ширмы школы Тоса и Кано оставались искусством для аристократии. После реставрации Мэйдзи появился сборник гравюр Огата Гэкко «Пятьдесят четыре главы “Повести о Гэндзи”», где для 24-й главы художник выбрал эпизод танца бабочек. Третий формат – репрезентативный. Бугаку-дзу бёбу (живописные ширмы с изображением сцен бугаку) создавались преимущественно художниками школы Кано в XVII–XIX веках. Как

отмечал Тимон Скрич, их функция не развлечение, а визуальная репрезентация власти и традиции [9, с. 158]. Ширма «Бугаку» Кано Эйгаку из Токийского национального музея, созданная в период Бакумацу, показывает, что даже в конце эпохи Эдо, когда сёгунат переживал кризис, элитарное искусство продолжало воспроизводить образ традиционного ритуала как опоры идентичности. Четвертый формат – массовый. В эпоху Эдо танец бабочки совершает переход из элитарного пространства в массовое. Этому способствуют три фактора: жанр фудзоку-га (живопись обычаев и нравов), фиксирующий обычаи разных слоев общества; театр кабуки, превращающий ритуал в зрелище; и укиё-э, тиражирующее образ для городской аудитории. Гравюра Утагавы Кунисады II 1857 года из серии «Гэндзи карты» изображает двух персонажей в костюмах бабочек и это не элитарная ширма, а доступная печатная гравюра для городской аудитории. Танец бабочки вошел в репертуар кабуки, что зафиксировано в работах Тоёхара Кунитика («Танец льва и бабочки – Кабуки», около 1880–1890-х годов) и Тоёхара Тиканобу («Танцоры-бабочки», 1879). Фабио Рамбелли отмечал: «Вопреки распространённому предположению, что кагура исторически является главным жанром исполнительских искусств на синтоистских фестивалях, бугаку был центральным компонентом ритуалов не только при императорском дворе, но и, в особенности, во многих храмах и святилищах по всей стране» [7, с. 23].

Период Бакумацу (конец сёгуната, 1853–1868) выбран в качестве отправной точки исследования, поскольку именно в это время Япония сталкивается с давлением Запада, а сёгунат переживает кризис, что дает толчок к возникновению интереса к визуальной фиксации «японской традиции» как способу самоидентификации. Одновременно с этим в Японию приезжают иностранцы – дипломаты, военные, путешественники, которые знакомятся с местными обычаями и фиксируют их в своих книгах. Было установлено, что изображения, создаваемые в том числе для иностранной аудитории, действительно играли важную роль в репрезентации японской культуры. Так, например, в книге «Sketches of Japanese Manners and Customs» Джейкоба Мортимера Уира Сильвера, опубликованной в Лондоне в 1867 году, представлены цветные иллюстрации японских художников, изображающие обычаи, ритуалы и праздники. Джейкоб Мортимер Уир Сильвер был лейтенантом Королевской морской пехоты Великобритании и собирал материалы для своей книги во время службы в Японии в 1864–1865 годах. В книге он описывал различные аспекты местной культуры, такие как фестивали, ритуалы, домашний быт, систему правосудия, игры и суеверия. Автор отмечал, что книга является ярким примером того, как древние традиции сохранялись внутри закрытого императорского двора до начала эпохи Мэйдзи. Это свидетельствует о том, что визуальные образы активно использовались как инструмент культурной коммуникации между Японией и Западом. Эрик Хобсбаум, британский историк, в сборнике «Изобретение традиции» (1983) предложил концепцию, согласно которой многие практики, воспринимающиеся как древние, на самом деле были сконструированы в XIX веке для укрепления национальной идентичности. Применительно к Японии этот подход развила Кэрол Глак в книге «Japan's Modern Myths» (1985), показав, как

в период Мэйдзи формировались новые национальные ценности и «современные мифы» (календарные праздники, культ императора, гражданская мораль). В контексте данного исследования важно подчеркнуть, что, хотя актуализация мифологических сюжетов и ритуалов в живописи периода Бакумацу и Мэйдзи действительно происходила, их визуальный канон не был изобретен заново. Он сложился задолго до XIX века в свитках эмакимоно, храмовых росписях и образцовых рисунках (фумпон), которые передавались в художественных школах на протяжении столетий. Деятельность Эрнеста Феноллозы (американского философа) и Окакуры Тэнсина (японского искусствоведа) стала логическим завершением этого процесса. Как отмечает О. И. Макарова (Лебедева), Окакура Тэнсин описывал развитие искусства эпохи Мэйдзи как обращение к «совершенным образцам древнего искусства», а затем к «идеалам свободного творчества, основанного на древних примерах и на том лучшем, что можно было использовать из приемов западного искусства» [2, с. 96]. В 1884 году они провели правительственную инспекцию храмов и святилищ Нары, каталогизируя древние артефакты. Феноллоза ввел термин «нихонга» (японская живопись), противопоставив ее западной. Их деятельность привела к созданию системы «национальных сокровищ» (1897) и законодательному закреплению охраны культурного наследия. Таким образом, можно предположить, что сохранение визуальных образов мифологических сюжетов и ритуалов в живописи на протяжении веков способствовало тому, что они не исчезли и впоследствии были включены в эту систему как часть национального наследия Японии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Дашкевич В. Т.** Свиток бугаку в собрании Эрмитажа // Историко-филологические исследования: сборник статей памяти академика Н. И. Конрада. – М.: Наука, 1974. – С. 431–441.
2. **Макарова (Лебедева) О. И.** Создание концепции «японского искусства»: Эрнест Феноллоза и Окакура Тэнсин // Вопросы философии. – 2009. – № 2. – С. 144–152.
3. **Молодякова Э. В.** Ритуал в синтоистской традиции // Ежегодник Японии. – 2008. – № 37. – С. 217–240.
4. **Накорчевский А. А.** Синто. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. – 454 с.
5. **Bell Catherine.** Ritual Theory, Ritual Practice. – New York, Oxford: Oxford University Press, 1992. – 270 p.
6. **Gluck Carol.** Japan's Modern Myths: Ideology in the Late Meiji Period. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1985. – 407 p.
7. **Lippit Yukio** (ed.). The Artist in Edo. – Washington, D.C.: National Gallery of Art; New Haven; London: Yale University Press, 2018. – 295 p.
8. **Rambelli Fabio.** Gagaku in Medieval Japanese Religion // Religions. – 2022. – Vol. 13 (7). – 582 p.
9. **Screech Timon.** The Shogun's Painted Culture: Fear and Creativity in the Japanese States, 1760–1829. – London: Reaktion Books, 2000.
10. **池田泉 (Ikeda Izumi).** 土佐光則筆「雑画帖」舞楽図の系統と曲目再検討 (Систематика и просмотр репертуара танцев бугаку в «Альбоме разных рисунков» кисти Тоса Мицунори) // 早稲田大学大学院文学研究科紀要. – 2026. – 第71輯.
11. **内藤正人 (Naito Masato).** 「源氏絵」の継承と創造—絵巻 扇面から屏風絵、そして江戸浮世絵へ (Преемственность и творчество в живописи «Гэндзи»: от свитков и вееров до ширм и эдоского укиё-э) // 國文學: 解釈と教材の研究. – 2005. – 第50巻. 第4号. – С. 36–45.

12. 内藤正人 (Naito, Masato). 现代剧画鼻祖月冈芳年与明治时期的浮世绘 (О родоначальнике современной гравюры Цукиоке Ёситоси и укиё-э периода Мэйдзи) // 中国国家博物馆藏品征集报告系列 浮世绘《月百姿》. 安徽美术出版社. – 2025. – С. 17–21.

REFERENCES

1. Dashkevich V. T. Bugaku Scroll in the Hermitage Collection. *Historical and Philological Studies: Collection of Articles in Memory of Academician N. I. Conrad*. Moscow: Nauka, 1974, pp. 431–441. (In Russian)
2. Makarova (Lebedeva) O. I. Creating the Concept of “Japanese Art”: Ernest Fenollosa and Okakura Tenshin. *Problems of Philosophy*, 2009, no. 2, pp. 144–152. (In Russian)
3. Molyakova E. V. Ritual in the Shinto Tradition. *Yearbook Japan*, 2008, no. 37, pp. 217–240. (In Russian)
4. Nakorchevsky A. A. Shinto. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2000, 454 p. (In Russian)
5. Bell Catherine. *Ritual Theory, Ritual Practice*. New York, Oxford: Oxford University Press, 1992, 270 p. (In English)
6. Gluck Carol. *Japan’s Modern Myths: Ideology in the Late Meiji Period*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1985, 407 p. (In English)
7. Lippit Yukio (ed.). *The Artist in Edo*. Washington, D.C.: National Gallery of Art; New Haven; London: Yale University Press, 2018, 295 p. (In English)
8. Rambelli Fabio. Gagaku in Medieval Japanese Religion. *Religions*, 2022, Vol. 13 (7), 582 p. (In English)
9. Screech Timon. *The Shogun’s Painted Culture: Fear and Creativity in the Japanese States, 1760–1829*. London: Reaktion Books, 2000. (In English)
10. 池田泉 (Ikeda Izumi). 土佐光則筆「雑画帖」舞楽図の系統と曲目再検討 (Systematics and Reexamination of the Bugaku Dance Repertoire in the “Album of Various Paintings” by Tosa Mitsunori). *Bulletin of the Graduate School of Letters*, Waseda University, 2026, Vol. 71. (In Japanese)
11. 内藤正人 (Naito Masato). 「源氏絵」の継承と創造——絵巻 扇面から屏風絵、そして江戸浮世絵へ (Continuity and Creativity in Genji Painting: From Scrolls and Fans to Screens and Edo Ukiyo-e). *Kokubungaku: Interpretation and Study of Teaching Materials*, 2005, vol. 50, no. 4, pp. 36–45. (In Japanese)
12. 内藤正人 (Naito Masato). 现代剧画鼻祖月冈芳年与明治时期的浮世绘 (On the Founder of Modern Printmaking Tsukioka Yoshitoshi and Ukiyo-e of the Meiji Period). *Report Series on the Collection of the National Museum of China: One Hundred Aspects of the Moon*. Anhui Fine Arts Publishing House, 2025, pp. 17–21. (In Japanese)

Информация об авторах

З. И. Резниченко, бакалавр, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, reniko0607@gmail.com

М. В. Калюжнова, магистр педагогики, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, mkalyuzhnova@gmail.com

Information about authors

Zlata I. Reznichenko, Bachelor, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, reniko0607@gmail.com

Marina V. Kalyuzhnova, Master of Pedagogy, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, mkalyuzhnova@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 24.03.2026

Одобрена после рецензирования: 28.04.2026

Принята к публикации: 28.04.2026

The article was submitted: 24.03.2026

Approved after reviewing: 28.04.2026

Accepted for publication: 28.04.2026

Научная статья
УДК 008:72(571.14)

Доходный дом М. Л. Вишнякова в Ново-Николаевске как культурный трансфер мещанской культуры

Суворов Александр Борисович¹

¹Новосибирская областная молодежная библиотека, Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу феномена доходного дома в сибирском городе Ново-Николаевске (современный Новосибирск) как проводника общероссийской мещанской культуры. На примере здания, построенного в 1909 году мещанином М. Л. Вишняковым, автор рассматривает механизмы культурного трансфера – процесса переноса и переосмысления культурных форм из европейской части России в азиатскую. Работа опирается на концепцию французского историка Мишеля Эспаня, который определяет культурный трансфер как «переозначивание», сопровождающее переход культурного объекта в иную среду. В статье показывается, что доходные дома в Сибири конца XIX – начала XX века выполняли не столько жилую, сколько коммерческую и развлекательную функцию, отражая потребности городского населения, стремившегося не отставать от столичных жителей в сфере досуга и потребления. Особое внимание уделяется личности М. Л. Вишнякова – выходца из крестьян, который, переселившись в Сибирь, записался в мещанское сословие, занялся строительным бизнесом и возвел здание, ставшее важным центром городской жизни. В доходном доме размещались не только отделение Русско-Китайского (впоследствии Русско-Азиатского) банка, но и театр «Электро-Централь», магазины, гостиничные номера. Автор анализирует социокультурный контекст эпохи, подчеркивая роль мещанства как сословия, которое, вопреки устоявшимся негативным стереотипам, внесло значительный вклад в формирование городской среды и культурного ландшафта Сибири. Мещанские ценности – личная ответственность, уважение к труду, религиозность – нашли свое материальное воплощение в архитектуре доходных домов. В заключение делается вывод, что здание доходного дома М. Л. Вишнякова выступает не просто памятником архитектуры, но живым свидетельством процессов межкультурного взаимодействия, адаптации и трансформации культурных форм в условиях сибирского города. Сегодня в этом здании располагается Новосибирская областная молодежная библиотека, что продолжает его историю как общественного пространства.

Ключевые слова: культурный трансфер; доходный дом; мещанская культура; Ново-Николаевск; городская среда; архитектурное наследие

Для цитирования: Суворов А. Б. Доходный дом М. Л. Вишнякова в Ново-Николаевске как культурный трансфер мещанской культуры // Культурно-антропологические исследования. – 2026. – № 2. – С. 42–48.

Scientific article

The Tenement House of M. L. Vishnyakov in Novo-Nikolaevsk as a Cultural Transfer of Petty Bourgeois Culture

Aleksandr B. Suvorov¹

¹Novosibirsk Regional Youth Library, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article examines the phenomenon of the tenement house in the Siberian city of Novo-Nikolaevsk (present-day Novosibirsk) as a vehicle for the all-Russian petty bourgeois (*meshchanstvo*) culture. Using the example of a building erected in 1909 by the petty bourgeois Matvey L. Vishnyakov, the author explores the mechanisms of cultural transfer – the process of transferring and reinterpreting cultural forms from the European part of Russia to the Asian part. The study draws on the concept of the French historian Michel Espagne, who defines cultural transfer as “resemantization” that accompanies the transition of a cultural object into a different environment. The article demonstrates that tenement houses in Siberia at the turn of the 20th century served not so much a residential function as a commercial and entertainment one, reflecting the needs of the urban population who aspired to keep pace with the capital’s residents in matters of leisure and consumption. Special attention is paid to the personality of M. L. Vishnyakov – a former peasant who, after moving to Siberia, enrolled in the petty bourgeois estate, engaged in the construction business, and erected a building that became an important hub of city life. The tenement house housed not only a branch of the Russo-Chinese Bank (later the RussoAsian Bank) but also the “Electro-Tsentrал” theatre, clothing shops, grocery stores, and hotel rooms. The author analyses the socio-cultural context of the era, emphasising the role of the petty bourgeoisie as an estate that, contrary to persistent negative stereotypes, made a significant contribution to the formation of the urban environment and cultural landscape of Siberia. Petty bourgeois values – personal responsibility, respect for labour, religiosity – found their material embodiment in the architecture of tenement houses. The article concludes that Vishnyakov’s tenement house is not merely an architectural monument but a living testimony to the processes of intercultural interaction, adaptation, and transformation of cultural forms in the conditions of a Siberian city. Today, the building houses the Novosibirsk Regional Youth Library, which continues its history as a public space.

Keywords: cultural transfer; tenement house; petty bourgeois (*meshchanstvo*) culture; Novo-Nikolaevsk; urban environment; architectural heritage

For citation: Suvorov A. B. The Tenement House of M. L. Vishnyakov in Novo-Nikolaevsk as a Cultural Transfer of Petty Bourgeois Culture. *Culture and anthropology research journal*, 2026, no. 2, pp. 42–48.

В современном культурологическом дискурсе существует несколько концепций для интерпретации процессов жизни культурных текстов и их перемещений между культурными пространствами.

Комплексному рассмотрению межкультурного взаимодействия уделяется внимание в относительно новой концепции культурного трансфера. Историк культуры Мишель Эспань определяет культурный трансфер как процесс переозначивания (ресемантизации), который сопровождает переход культурного объекта из одного пространства в другое [7, с. 685]. Изначально концепция

касалась только литературоведения, но скоро стала применяться ко всем формам культуры.

Теория культурного трансфера рассматривает взаимодействия отличных друг от друга культурных пространств, и данный термин сам по себе не является прерогативой отдельной дисциплины, будь то культурология, филология или история. Всякое взаимодействие, неизбежное в человеческой культуре, порождает целый спектр новых смыслов, следовательно, в зависимости от контекста такого взаимодействия, культурный трансфер в каждом конкретном случае будет создавать новые смыслы. Культурный трансфер становится возможным в результате трансляции культурного опыта от одной конкретной культуры к другой на основе имеющихся культурных универсалий.

Культурный опыт формируется в результате длительного взаимодействия между носителями культуры, которые, имея отличные друг от друга концепты культуры, рано или поздно составляют нечто общее. При отсутствии аналогичного культурного опыта в другой культуре, культурный текст переносится из первой, и начинает развиваться в новой среде другой культуры. Восприятие и «приживаемость» результата культурного трансфера принимающей стороной обеспечивается общей для всех культур почвой культурных универсалий. Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что включение культурного текста в новый контекст может придать ему смысл, отличный от того, который он имел в исходном контексте.

Посмотреть на культуру через призму методологии М. Эспаня предложила кандидат исторических наук, заведующий кафедрой теории, истории культуры и музеологии ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет» Людмила Ивановна Дрёмова, которая в 2017–2019 годах руководила моей магистерской диссертацией.

Возникает вопрос, чем обеспечивается свободное перемещение –трансфер культурных текстов из одной среды в другую. Культурный трансфер становится возможным в результате культурного опыта у одной конкретной культуры на основе имеющихся культурных универсалий. При отсутствии аналогичного культурного опыта в другой конкретной культуре культурный текст переносится из первой и начинает развиваться в новой среде другой культуры. Восприятие и «приживаемость» результата культурного трансфера принимающей стороной обеспечивается общей для всех культур почвой культурных универсалий.

Одним из примеров того, как функционируют культурные трансферы в архитектуре, являются, на наш взгляд, доходные дома.

Такое явление, как доходный дом, изначально возникло для решения вопроса расселения приезжих в крупных городах. Часто первые этажи этих многоэтажных зданий занимали торговые площади, а на остальных располагались жилые помещения. Прибыль от сдачи внаем площадей доходного дома приносила доход его владельцу.

Если для Санкт-Петербурга и Москвы в XIX веке доходные дома были обычным явлением городской жизни, то в Сибири картина была ожидаемо иной.

Как известно, в Сибирь из европейской части России переселялись по большей части крестьяне и в основном для того, чтобы заниматься тем же крестьянским трудом, каким они занимались в родных селах. Одним из мотивов переселения было решение земельного вопроса, поэтому большого наплыва переселенцев именно в городах Сибири в XIX и начале XX века не наблюдается. Однако городская жизнь в Сибири во многом была отражением столичной городской жизни. Жители сибирских городов, как и жители столиц, были заняты в таких сферах, как образование, искусство, банковская сфера, торговля, транспорт. Конечно, их развлечения уступали столичным, но не во многом.

Если первые кинотеатры (как они тогда назывались – *электротеатры*) появились в Париже в 1895 году, в Санкт-Петербурге – в начале 1896 года, то в Ново-Николаевске первые кинопоказы были даны в конце того же 1896 года, а следом за этим открылось еще несколько заведений подобного типа. Проходили в сибирских городах и балы. Уже в период губернаторства Н. И. Трескина (1806–1819) в Иркутске ежегодно давались балы в день именин губернатора 6 декабря и в день именин губернаторши 21 января. В балах в Томске принимали участие студенты и интеллигенция, в омских балах – кадеты. Что касается Ново-Николаевска, то и здесь в начале XX века проходили балы в здании Коммерческого собрания для соответствующей группы населения города [3, с. 13].

Исходя из того, что сибирские города в конце XIX – начале XX века не имели большого притока переселенцев, и того, что городское население хотело не отставать в увеселениях от жителей столиц, можно сказать, что при строительстве городских зданий и в особенности доходных домов это учитывалось в первую очередь. Основными функциями доходного дома в Сибири будут преимущественно торговые операции и развлечения, а сдача жилых площадей в аренду будет им уступать. Этажность доходных домов в Сибири не превышает три этажа (дома Е. Н. Кухтерина в Томске), самыми же распространенными являются двухэтажные.

Известно, что городская культура конца XIX – начала XX века создавалась преимущественно мещанами и для мещан. Следует сказать об этом многочисленном и значимом сословии в контексте жизни сибирских городов в этот период. В дореволюционной России численность мещанского сословия составляла около десятой части всего населения страны, согласно данным Первой всеобщей переписи населения 1897 года [6]. Среди городского населения Сибири численность мещан в 1860-х годах составляла около 40 % [2, с. 31], а ко времени Первой всеобщей переписи населения в 1897 году мещане составляли почти половину городского населения [2, с. 33].

Как нам кажется, именно мещанин был тем человеком, ради которого, в том числе, и были предприняты реформы Александра II. Мещане – единственное сословие, которое могло заниматься тем, чем захочет. Мещанин мог заниматься скотоводством и огородничеством, мог преподавать или быть врачом, мог заниматься торговлей и извозом. Эти роли могли меняться, и хотя, конечно, чаще всего, человек занимался тем же, чем его предки, он делал это по соб-

ственному свободному выбору, и по своему же свободному выбору мог свое занятие сменить, пример чего будет приведен далее.

Часто нахождение в мещанском сословии было своего рода промежуточной станцией на пути из крестьянства в купечество. Часть сибирских мещан занималась крестьянским трудом, в то время как другая часть была состоятельными торговцами. Известны примеры томских мещан, оборот торговли которых составлял десятки тысяч рублей и которые не спешили записываться в купечество [2, с. 41].

Словари помечают до сих пор в словах *мещанство* и *мещанская культура* отрицательные коннотации, сформированные в годы, когда лишь рабочие и крестьяне считались достойными сословиями, а классовая борьба объявлялась единственным смыслом жизни. Во многом эти идеи формулировали советские писатели, в частности М. Горький, хотя и в дореволюционной России отношение к мещанству среди дворянства и интеллигенции не было однозначным. Действительно, мещанам не были близки идеи мировой революции. Их основные интересы лежали рядом с их повседневным трудом, простыми заботами и небольшими радостями. Как отмечает Ю. М. Гончаров, мещанские ценности – это, прежде всего, «личная ответственность, чувство долга, уважение к труду, почитание старших, религиозность» [2, с. 23]. Результатами такого отношения к жизни является, в том числе, то культурное наследие, которое оставлено мещанами. В большей мере это памятники архитектуры, которые сегодня выступают в роли рассказчиков о вкусах и идеалах создавших их людей.

Доходные дома появляются в Ново-Николаевске уже в первые годы его существования. Сегодня из сохранившихся до наших дней известны доходные дома мещанина М. Л. Вишнякова (1909 год, Красный проспект, 26), мещанина М. А. Лихачёва (1910 год, ул. Каинская, 15), купчихи Е. Дудихиной (1910-е годы, ул. Чаплыгина, 53) и другие.

Здание доходного дома мещанина Матвея Леонтьевича Вишнякова в Ново-Николаевске построено на пересечении Николаевского проспекта (сейчас – Красный проспект) и ул. Болдыревой (Октябрьская), предположительно, по проекту архитектора К. К. Лыгина [1].

Матвей Леонтьевич был крестьянином, жил в Пензенской губернии, но переехал в Колывань и в 1887 году купил там двухэтажный деревянный дом, о чем написали в газете «Томские Губернские ведомости». Переехав в Сибирь и строя дальние планы развития, решил вступить в мещанское общество. Запись в городское мещанское общество была возможна при соблюдении ряда условий и только в момент проведения очередной ревизии (переписи податного населения). Здесь учитывалась, прежде всего, давность проживания в данном городе, наличие собственности и капитала. В 1898 году М. Л. Вишняков переселился в юный поселок Ново-Николаевский, который в это время бурно развивался. Туда стекались крестьяне из близлежащих деревень, мещане и купцы Барнаула, Томска, Бердска, Колывани, а также переселенцы из центральных областей России. Здесь Матвей Леонтьевич занялся скупкой и продажей усадеб и дворов, а также строительством, а возможно, и покупкой «кирпичных сараев» –

заводов по производству обожженного кирпича. В то время этот дорогой, но ходовой товар давал приличный доход и известность в городе. За Вишняковым числилось три таких «сарая». Благодаря их наличию, Матвей Леонтьевич мог возводить необходимые строения для личных нужд и производить кирпич для продажи. Одним из его строений, единственным сохранившимся до сего дня, является доходный дом. Заявление о строительстве было подано в Ново-Николаевскую городскую управу в 1909 году, и, вероятно, дом был построен в ближайшее к этому время [8].

Особую известность зданию придало то, что на его втором этаже располагалось отделение Русско-Китайского банка (с 1910 года – Русско-Азиатский банк). Банк занял помещения на втором этаже доходного дома [4]. Благодаря тому, что в здании доходного дома располагалось отделение сначала Русско-Китайского, а затем Русско-Азиатского банка, зданию часто присваивают именно это название. Это видно даже в таких изданиях, как каталог «Памятники истории, архитектуры и монументального искусства Новосибирской области» [5, с. 104]. Однако кроме банка в доходном доме размещалось немало других заведений: «Электро-Централь – театр» Ф. Х. Ганзена и А. Д. Пиратинского, магазин готового платья, магазины бакалейных колониальных товаров Д. Ф. Манакова и М. В. Можарова, гостиничные номера.

Доходный дом М. Л. Вишнякова с располагавшимися в нем заведениями можно рассматривать как культурный трансфер городской мещанской культуры из европейской части России в Сибирь. В только что возникшем Ново-Николаевске, мало походившем на город, транслируются общероссийские явления культуры, и нам кажется, что именно доходные дома были их проводниками.

С 1985 года в здании располагается Новосибирская областная молодежная библиотека. И у нее есть свое богатое наследие, но это – другая история.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Ваганов А. С.** Колыванский мещанин Матвей Леонтьевич Вишняков [Электронный ресурс]. – URL: <http://bsk.nios.ru/content/kolyvanskiy-meshchanin-matvey-leontevich-vishnyakov-0#comment-2842> (дата обращения: 14.09.2020).
2. **Гончаров Ю. М.** Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX–XX в.): историческая литература. – Новосибирск: Сова, 2004. – 357 с.
3. Материалы по истории кино в Сибири 1896–1917 гг. (аннотир. справочник архив. док., газет-журн. публикаций, отдел. изданий) / сост. В. А. Ватолин. – Новосибирск, 2001. – 64 с.
4. **Пашенко Л. С.** Русско-Китайский банк в Новониколаевске (Новосибирске) (К истории российских финансов) // Новосибирск на рубеже XXI века: перспективы развития и инвестиционные возможности, Научно-практическая конференция 21–24 сентября 1999 года, Тезисы докладов и выступлений, Новосибирск, 1999. – URL: <http://bsk.nios.ru/content/russko-kitayskiy-bank-v-novonikolaevske-novosibirske-k-istorii-rossiyskih-finansov> (дата обращения: 14.09.2020).
5. Памятники истории, архитектуры и монументального искусства Новосибирской области: материалы «Свода памятников истории и культуры Новосибирской области» (Каталог). – Кн. 1. Город Новосибирск (памятники, состоящие на государственной охране) / Т. В. Воеводина [и др.]; отв. ред. А. В. Кошелев; Управление по государственной охране объектов культурного наследия Новосибирской области. – 3-е изд., перераб. – Новосибирск: ГАУ НСО НПЦ, 2011. – 278 с.

6. Распределение населения по главнейшим сословиям, вероисповеданиям, родному языку и по некоторым занятиям. – URL: <https://www.prlib.ru/item/441801?fg=1648637&p=6> (дата обращения: 21.02.2026).
7. **Эспань М.** История цивилизаций как культурный трансфер. – М.: НЛО, 2018. – 816 с.
8. ГАОУ, Р-34, Оп. 1, Д. 83.

REFERENCES

1. Vaganov A. S. Kolyvansky Meshchanin Matvey Leontyevich Vishnyakov [online]. URL: <http://bsk.nios.ru/content/kolyvanskiy-meshchanin-matvey-leontevich-vishnyakov-0#comment-2842> (accessed: 14.09.2020). (In Russian)
2. Goncharov Yu. M. Essays on the History of Urban Life in Pre-Revolutionary Siberia (mid-19th–20th Centuries): Historical Literature. Novosibirsk: Sova Publ., 2004, 357 p. (In Russian)
3. Materials on the history of cinema in Siberia in 1896–1917 (annotated directory of archives. doc., Journal of Publications, department. editions) / comp. V. A. Vatolin. Novosibirsk, 2001, 64 p. (In Russian)
4. Pashchenko L. S. The Russian-Chinese Bank in Novonikolaevsk (Novosibirsk) (On the History of Russian Finance). Novosibirsk at the Turn of the 21st Century: Prospects for Development and Investment Opportunities, Scientific and Practical Conference, September 21–24, 1999, Abstracts of Papers and Presentations, Novosibirsk, 1999. URL: <http://bsk.nios.ru/content/russko-kitayskiy-bank-v-novonikolaevske-novosibirske-k-istorii-rossiyskih-finansov> (accessed: 14.09.2020) (In Russian)
5. Monuments of History, Architecture, and Monumental Art of the Novosibirsk Region: Materials from the “Collection of Monuments of History and Culture of the Novosibirsk Region” (Catalog). Book 1. Novosibirsk City (Monuments under State Protection) / T. V. Voevodina [et al.]; ed. by A. V. Koshelev; Department of State Protection of Cultural Heritage Objects of the Novosibirsk Region. 3rd ed., revised. Novosibirsk: GAU NSO NPC, 2011, 278 p. (In Russian)
6. Distribution of the population by major social classes, religions, native languages, and some occupations. URL: <https://www.prlib.ru/item/441801?fg=1648637&p=6> (accessed: 21.02.2026) (In Russian)
7. Espagne M. History of Civilizations as Cultural Transfer. Moscow: NLO, 2018, 816 p. (In Russian)
8. Novosibirsk Region State Archives, Section 34, Inventory 1, File 83. (In Russian)

Информация об авторе

А. Б. Суворов, магистр культурологии, ведущий библиотекарь, Новосибирская областная молодежная библиотека, Новосибирск, Россия, alle.suv@gmail.com

Information about the author

Aleksandr B. Suvorov, Master of Cultural Studies, Leading Librarian, Novosibirsk Regional Youth Library, Novosibirsk, Russia, alle.suv@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 16.03.2026

Одобрена после рецензирования: 20.04.2026

Принята к публикации: 20.04.2026

The article was submitted: 16.03.2026

Approved after reviewing: 20.04.2026

Accepted for publication: 20.04.2026

Научная статья
УДК 316.6+101

**Цифровая грамотность и организационное поведение
как защитные механизмы культурной адаптации
к цифровым изменениям культурной среды**

Пушкарева Ирина Юрьевна¹

¹Новосибирский государственный медицинский университет, Новосибирск, Россия

Аннотация. Актуальность исследуемой в статье проблематики существенно возросла в последние несколько лет в связи с акцентированием внимания на возможностях и практическом применении в различных сферах жизнедеятельности и культурной практики искусственного интеллекта.

Данное направление исследований рассматривается в контексте более широкого круга проблем – формирования цифровой культурной среды современного общества в целом. Конкретизация же исследований представлена разнообразием культурной практики. В контексте настоящего исследования важным представляется понимание специфики организационной, психологической и иных форм готовности личности к складывающимся цифровым изменениям культурной среды, ее защитных механизмов культурной адаптации.

Методологическими основаниями исследования являются такие подходы к исследованию, как личностный, системно-деятельностный, культурологический, социологический.

В статье выявляются особенности защитных механизмов культурной адаптации к цифровым изменениям культурной среды, формирующихся в условиях современных цифровых изменений; раскрывается специфика цифровой грамотности и организационного поведения личности как элементов ее культурной практики, способных повысить культурную адаптацию в изменяющихся условиях культурного развития, приводятся аргументы современных исследований в данном направлении.

Показано, что цифровая грамотность рассматривается как способность с помощью различных цифровых устройств и программных продуктов осуществлять взаимодействие и создание информации. Однако цифровизация в образовательных организациях представляет собой не только внедрение технологических решений, но и глубинную трансформацию устоявшихся профессиональных практик, организационных процессов и моделей труда. Цифровую грамотность персонала важно рассматривать как результат обучения сотрудника цифровым изменениям.

Ключевые слова: цифровая трансформация культурных процессов; цифровая культура; изменяющиеся условия культурного развития; формирование цифровой культурной среды; адаптация к цифровым изменениям

Для цитирования: Пушкарева И. Ю. Цифровая грамотность и организационное поведение как защитные механизмы культурной адаптации к цифровым изменениям культурной среды // Культурно-антропологические исследования. – 2026. – № 2. – С. 49–59.

Digital Literacy and Organizational Behavior as Protective Mechanisms of Cultural Adaptation to Digital Changes in the Cultural Environment

Irina Yu. Pushkareva¹

¹Novosibirsk State Medical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. The relevance of the issues studied in the article has increased significantly in the last few years due to the emphasis on the possibilities and practical application of artificial intelligence in various spheres of life and cultural practice.

This area of research is considered in the context of a broader range of issues – the formation of the digital cultural environment of modern society as a whole. The concretization of research is represented by a variety of cultural practices. In the context of this study, it is important to understand the specifics of organizational, psychological and other forms of individual readiness for emerging digital changes in the cultural environment, its protective mechanisms of cultural adaptation.

The methodological foundations of the research are such research approaches as: personal; system-activity; cultural, sociological.

The article identifies the features of protective mechanisms of cultural adaptation to digital changes in the cultural environment that are emerging in the context of modern digital changes; reveals the specifics of digital literacy and organizational behavior of individuals as elements of their cultural practice that can enhance cultural adaptation in changing conditions of cultural development, and provides arguments for modern research in this area.

It is shown that digital literacy is considered as the ability to interact and create information using various digital devices and software products. However, digitalization in educational institutions represents not only the introduction of technological solutions, but also a profound transformation of established professional practices, organizational processes and work models. It is important to consider staff digital literacy as a result of employee training in digital change.

Keywords: digital transformation of cultural processes; digital culture; changing conditions of cultural development; formation of a digital cultural environment; adaptation to digital changes

For citation: Pushkareva I. Yu. Digital literacy and organizational behavior as protective mechanisms of cultural adaptation to digital changes in the cultural environment. *Culture and anthropology research journal*, 2026, no. 2, pp. 49–59.

Введение. В статье выявляются особенности защитных механизмов культурной адаптации к цифровым изменениям культурной среды, формирующихся в условиях современных цифровых изменений; раскрывается специфика цифровой грамотности и организационного поведения личности как элементов ее культурной практики, способных повысить культурную адаптацию в изменяющихся условиях культурного развития, приводятся аргументы современных исследований в данном направлении.

Актуальность исследуемой проблематики существенно возросла в последние несколько лет в связи с акцентированием внимания на возможностях [1]

и практическом применении [2] в различных сферах жизнедеятельности и культурной практики [3] искусственного интеллекта.

Данное направление исследований рассматривается в контексте более широкого круга проблем – формирования цифровой культурной среды современного общества в целом [4]. Конкретизация же исследований представлена разнообразием культурной практики [5; 6; 7].

В контексте настоящего исследования важным представляется понимание специфики организационной, психологической и иных форм готовности личности к складывающимся цифровым изменениям культурной среды, ее защитных механизмов культурной адаптации.

Методология. Теоретико-методологической основой исследования проблем складывающихся цифровых изменений культурной среды являются личностный (А. Г. Асмолов [8] (понимание личности), И. С. Кон [9] (самосознание личности), А. Н. Леонтьев [10]) и системно-деятельностный (Б. Г. Ананьев [11], А. Г. Асмолов [12], К. А. Абульханова-Славская [13], М. С. Каган [14]; Б. Ф. Ломов [15] и др.) подходы к исследованию проблем адаптационных механизмов личностного развития; теоретические работы, определяющие понятие и выявляющие сущность адаптации к организационным изменениям в профессиональной деятельности (Е. П. Ильин [16; 17]; Р. Л. Кричевский [18]; Э. Ф. Зеер, Э. Э. Сыманюк [19]; Х. Хеккаузен [20]); культурологические исследования основ организационной культуры, ее становления и развития (Э. Шейн [21; 22], Б. З. Мильнер [23], Т. Е. Deal, А. А. Kennedy [24]; Р. Р. Harris, R. T. Moran [25]; А. Н. Пригожин [26], А. Н. Занковский [27] и др.); теоретические основания социологических исследований культуры [28; 29; 30], в которых проблема индивидуального поведения и механизмов адаптации характеризует основу жизнедеятельности социальной группы в частности и общества в целом.

Результаты и обсуждение.

Адаптация к цифровым изменениям культурной среды. В современных условиях развития обновляющейся культурной среды неизбежно возникают вопросы устойчивого развития современной организации [31; 32] и формируется в ответ практика сопротивления возникающим изменениям культурной среды [33; 34]. При этом отмечается [33], что проблема сопротивления организационным изменениям культурной среды также появляется в условиях современных трансформаций культурной среды. Цифровая же трансформация культуры образовательных организаций требует не только внедрения современных инструментов управления, но и обеспечения психологической готовности сотрудников к изменению формата работы в изменяющихся условиях культурной среды. Отмечается [33] также, что цифровизация в образовательных организациях представляет собой внедрение технологических решений культурной среды, а также глубинную трансформацию устоявшихся профессиональных практик, организационных процессов и моделей труда. В вузовской среде, характеризующейся высокой сложностью и фрагментированностью рабочих процессов, такие изменения неизбежно затрагивают базовые профессиональные роли и способы распределения нагрузок.

Важно подчеркнуть, что в современных условиях развития цифровой культурной среды *проблема сопротивления цифровым культурным изменениям* рассматривается и исследуется с нескольких сторон [31–35]:

- рассмотрение феномена сопротивления изменениям культурной среды в целом;
- раскрытие причин, почему изменение как таковое вызывает состояние сопротивления;
- выявление особенностей механизма сопротивления как части системного явления;
- раскрытие особенностей адаптации к изменениям.

Вопросы формирования цифровой грамотности в контексте проблем культурной адаптации. В классических работах по исследованию организационной культуры [24; 25; 36; 37] показано, что ключевым аспектом как сохранения, так и развития культурной среды является *процесс обучения происходящим изменениям*.

В контексте настоящего исследования важным является вопрос о формировании цифровой грамотности современных специалистов. Цифровую грамотность персонала следует рассматривать как результат обучения сотрудника цифровым изменениям. В данном направлении также существует много работ, которые посвящены различным аспектам:

- теоретическому анализу и систематизации вопросов информационного менеджмента как управления информацией, знаниями, технологиями [38; 39];
- отдельному направлению – управлению информационными системами [40];
- анализу отечественной практики работы с кадрами, способствующей развитию грамотности персонала [31; 41];
- специфике влияния на процессы развития цифровой культуры руководителя организации [32; 42].

Вопросы формирования цифровой грамотности современных специалистов в условиях возрастающей цифровой нагрузки [4; 5] активно исследуются как в отечественных [6; 7; 43], так и в зарубежных работах [44; 45], и на уровне практики, и на уровне нормативно-правового регулирования.

Так, к примеру, в международном отчете 2024 года¹ OECD рекомендует формировать цифровую грамотность с раннего детства, поддерживать и предоставлять ресурсы для школ и сообществ, проводить целевую политику в этом вопросе². В докладе ОЭСР³ анализируются глобальные тенденции в сфере образования, подчеркивается, что «цифровые навыки становятся все более

¹ Международный отчёт OECD [Электронный ресурс]. – URL: <https://digital-skills-jobs.europa.eu/en/inspiration/research/education-glance-2024> (дата обращения: 02.11.2025).

² Там же.

³ Доклад ОЭСР [Электронный ресурс]. – URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2025/09/education-at-a-glance-2025_c58fc9ae/1c0d9c79-en.pdf (дата обращения: 02.11.2025).

важными как для образования, так и для трудоустройства»⁴, особенно в свете растущей зависимости от цифровых технологий.

Цифровая грамотность рассматривается специалистами [41] как способность с помощью различных цифровых устройств и программных продуктов осуществлять взаимодействие и создание информации. Однако цифровизация в образовательных организациях представляет собой не только внедрение технологических решений, но и глубинную трансформацию устоявшихся профессиональных практик, организационных процессов и моделей труда. В вузовской среде, характеризующейся высокой сложностью и фрагментированностью рабочих процессов, такие изменения неизбежно затрагивают базовые профессиональные роли и способы распределения нагрузки.

Организационное поведение как защитный механизм культурной адаптации к цифровым изменениям культурной среды. Необходимо отметить, что обучение сотрудника изменениям является важным аспектом исследуемой проблемы. Индивидуальное поведение и организационное поведение называют [27; 46; 47] важнейшими составляющими процесса происходящих культурных изменений. При этом индивидуальное поведение характеризуется с позиции ответственного самостоятельного принятия решений, организационное поведение же связывают с принятием решений под влиянием определенных внешних требований, на уровне взаимодействия со значимыми другими. Так, R. Hersey и K. Blanchard⁵ [46], показывают процесс изменений на следующих уровнях: уровень информации об изменении; уровень принятия / непринятия изменений; уровень индивидуальных действий в поддержку изменений (индивидуальное поведение); уровень взаимодействия с другими в соответствии с новыми требованиями (организационное поведение). При этом указывается, что изменение на завершающем уровне организационного взаимодействия является наиболее важным и сложным с позиции адаптации.

Процесс индивидуального сопротивления происходящим изменениям со стороны отдельной личности исследуется [48; 49; 50] как механизм психологической защиты. Психологическая защита характеризуется [49; 50] как «специфическая система поддержания внутреннего мира личности и сохранения ее самоуважения, путем ограждения сознания от неприятных травмирующих переживаний внутреннего беспокойства, озабоченности, беспомощности, неуверенности в себе и других возбуждений непродуктивного, демобилизующего характера, сопряженных с внешними и внутренними конфликтами» [49]. «В современном представлении защитные механизмы представляют собой продукты развития и научения. Действующие в подсознании, они запускаются в ситуации конфликта, фрустрации и стресса» [49]. В итоге «механизмы психологической защиты обеспечивают регулятивную систему стабилизации

⁴ Доклад ОЭСР [Электронный ресурс]. – URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2025/09/education-at-a-glance-2025_c58fc9ae/1c0d9c79-en.pdf (дата обращения: 02.11.2025).

⁵ Hersey P., Blanchard K. H. Management of Organizational Behavior – Utilizing Human Resources. New Jersey/Prentice Hall, 1969.

личности, направленную, прежде всего, на уменьшение тревоги, неизбежно возникающей при осознании конфликта или препятствии к самореализации. В широком психологическом контексте психологическая защита включается при возникновении негативных, психотравмирующих переживаний и во многом определяет поведение личности, устраняя психический дискомфорт и тревожное напряжение. По своим проявлениям она является формой бессознательной психической активности, формирующейся в онтогенезе на основе взаимодействия типологических свойств с индивидуальным, конкретно-историческим опытом развития личности в определенной социальной среде и культуре. С помощью механизмов психологической защиты Я человека стремится удерживать систему отношений в устойчивом положении. Происходит ослабление эмоционального конфликта и стабилизация позитивной Я-концепции» [49; 50].

Заключение. Обобщая сказанное, отметим следующие важные выявленные аспекты для понимания специфики организационной, психологической и иных форм готовности личности к складывающимся цифровым изменениям культурной среды, ее защитных механизмов культурной адаптации.

В контексте настоящего исследования важным является вопрос о формировании цифровой грамотности современных специалистов. Цифровую грамотность персонала важно рассматривать как результат обучения сотрудника цифровым изменениям. В данном направлении существует много работ, которые посвящены теоретическому анализу и систематизации вопросов информационного менеджмента как управления информацией, знаниями, технологиями; управлению информационными системами как отдельному направлению; специфике влияния на процессы развития цифровой культуры руководителя организации; анализу отечественной практики работы с кадрами, способствующей развитию грамотности персонала. В итоге, отметим, что вопросы формирования цифровой грамотности современных специалистов в условиях возрастающей цифровой нагрузки активно исследуются как в отечественных, так и в зарубежных работах, и на уровне практики, и на уровне нормативно-правового регулирования.

Цифровая грамотность рассматривается как способность с помощью различных цифровых устройств и программных продуктов осуществлять взаимодействие и создание информации. Однако цифровизация в образовательных организациях представляет собой не только внедрение технологических решений, но и глубинную трансформацию устоявшихся профессиональных практик, организационных процессов и моделей труда. В вузовской среде, характеризующейся высокой сложностью и фрагментированностью рабочих процессов, такие изменения неизбежно затрагивают базовые профессиональные роли и способы распределения нагрузки.

Обучение сотрудника изменениям является важным аспектом исследуемой проблемы. Индивидуальное поведение и организационное поведение называют важнейшими составляющими процесса происходящих культурных изменений. При этом индивидуальное поведение характеризуется с позиции ответственного самостоятельного принятия решений, организационное по-

ведение же связывают с принятием решений под влиянием определенных внешних требований, на уровне взаимодействия со значимыми другими.

Процесс индивидуального сопротивления происходящим изменениям со стороны отдельной личности исследуется как механизм психологической защиты, с помощью которой осуществляется удержание личностных взаимодействий в устойчивом положении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Токтарова В. И., Семенова Д. А.** Модель интеграции нейрокогнитивного ассистента в образовательный процесс вуза: структурно-содержательный анализ // *Science for Education Today*. – 2025. – № 3. – С. 159–179. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2503.08>
2. **Стешина Л. А., Стешин И. С., Велев Д., Златева П., Петухов И. В.** Специфика когнитивных процессов восприятия в образовании: выявление взаимосвязи между точностью решения задачи простого зрительно-моторного слежения и технологией предъявления информации // *Science for Education Today*. – 2025. – № 5. – С. 116–138. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2505.06>
3. **Гладкова Л. Н., Крежевских О. В., Скоробогатов Д. В., Савельева А. А., Булатова О. В., Гафнер А. И.** Специфика результативности чтения сложных профессиональных текстов при работе с ИИ-агентом: оценка уровня усвоения с учетом установления длительности и количества фиксации взгляда // *Science for Education Today*. – 2026. – № 1. – С. 246–270. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2601.11>
4. **Пушкарёв Ю. В., Пушкарёва Е. А.** Цифровые трансформации системы образования: тенденции, проблемы, приоритеты личностного развития (обзор) // *Science for Education Today*. – 2025. – № 6. – С. 71–96. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2506.04>
5. **Авалуева Н. Б., Гаркуша Н. С., Кролевецкая Е. Н.** Тенденции обновления российской системы высшего образования: оценка культурно-ценностного содержания современных вызовов (обзор) // *Science for Education Today*. – 2026. – № 1. – С. 82–106. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2601.04>
6. **Кормильцева Е. А., Адельшин А. В., Букушева А. В., Сокур Е. А., Шмакова А. П., Бурмистрова Н. А.** Модель управленческих компетенций преподавателя высшей школы: анализ перспектив развития в условиях цифровизации образования // *Science for Education Today*. – 2025. – № 2. – С. 139–160. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2502.07>
7. **Цветкова Л. А., Никитина Е. А., Сутормина Н. В., Сбитнева А. А., Микляева А. В.** Взаимосвязи самооценки трудностей в понимании студентами научного текста, представленного на бумажном и цифровом носителях, с окулографическими показателями // *Science for Education Today*. – 2025. – № 1. – С. 24–46. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2501.02>
8. **Асмолов А. Г.** Историко-эволюционный подход к пониманию личности: проблемы и перспективы исследования // *Вопросы психологии*. – 1986. – № 1. – С. 28–40.
9. **Кон И. С.** В поисках себя: личность и ее самосознание. – М.: Политиздат, 1984. – 336 с.
10. **Леонтьев А. Н.** Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Смысл; Академия, 2005. – 346 с.
11. **Ананьев Б. Г.** Человек как предмет познания. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.
12. **Асмолов А. Г.** Принципы организации памяти человека: системно-деятельностный подход к изучению познавательных процессов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. – 104 с.
13. **Абульханова-Славская К. А.** Деятельность и психология личности. – М., 1980. – 304 с.
14. **Каган М. С.** Человеческая деятельность: опыт системного анализа. – М.: Политиздат, 1974. – 328 с.
15. **Ломов Б. Ф.** Проблема общения в психологии // *Проблема общения в психологии*. – М., 1981.
16. **Ильин Е. П.** Дифференциальная психология профессиональной деятельности. – СПб.: ПИТЕР, 2011. – 428 с.
17. **Ильин Е. П.** Мотивация и мотивы. – СПб.: Питер, 2004. – 512 с.
18. **Кричевский Р. Л.** Если вы – руководитель. Элементы психологии управления в повседневной работе. – М., 2003.

19. Зеер Э. Ф., Сыманюк Э. Э. Кризисы профессионального становления личности // Психологический журнал. – 1997. – № 6. – С. 35–44.
20. Хеккаузен Х. Мотивация к деятельности. – М.: Просвещение, 1986.
21. Шейн Э. Организационная культура и лидерство. – СПб.: Питер, 2002. – 336 с.
22. Schein E. N. The role of the founder in creating organizational culture. *Organizational dynamics*, summer, 1983.
23. Мильнер Б. З. Теория организации. – М.: ИНФРА-М, 2000. – 469 с.
24. Deal T. E., Kennedy A. A. *Corporate Cultures: The Rites and Rituals of Corporate Life*. – Reading, Mass.: Addison-Wesley Pub. Co., 1982. – 232 p.
25. Harris P. P., Moran R. T. *Managing cultural differences*. – Gulf Publishing Company, 1991.
26. Пригожин А. Н. Современная социология организаций. – М.: Фирма «Интерпракс», 1995. – 295 с.
27. Занковский А. Н. Организационная психология. – М.: Флинта: МПСИ, 2002. – 648 с.
28. Ядов В. А. Какие теоретические подходы полезны для понимания и объяснения социальных реалий российского общества и России? // Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2010. Выпуск 9. – М.: Новый Хронограф, 2010. – С. 20–23.
29. Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: курс лекций для студентов магистратуры по социологии. Изд. второе, исправл. и дополн. – СПб.: Интерсоцис, 2009. – 138 с.
30. Добренков В. И., Кравченко А. И. Фундаментальная социология: в 15 т. Т. 7: Человек. Индивид. Личность. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 960 с.
31. Латуха О. А. Оценка потенциала устойчивости развития организации // *Science for Education Today*. – 2021. – № 6. – С. 142–159. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2106.08>
32. Латуха О. А. Обучение менеджменту устойчивого развития руководителей организации // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2018. – № 3. – С. 225–236. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1803.16>
33. Пушкарева И. Ю., Кохан Н. В. Формирование цифровой культурной среды: о необходимости адаптации к цифровым изменениям (историко-теоретические основания проблематики исследований) // Культурно-антропологические исследования. – 2026. – № 1. – С. 8–20. – URL: <https://elibrary.ru/xyndzz>
34. Гусейнов А. А., Кохан Н. В., Башаева С. А. Условия формирования организационной готовности педагогического коллектива к изменениям в образовательной организации // Вестник педагогических инноваций. – 2024. – № 4 (76). – С. 79–88. DOI: 10.15293/1812-9463.2404.05
35. Елкин С. Е. Управление персоналом организации. Теория управления человеческим развитием. – М.: Ай Пи Ар Медиа, 2026. – 233 с.
36. Smircich I. Concepts of culture and organizational analysis // *Administrative science quarterly*. – 1983. – Vol. 28. – P. 339–358.
37. Kilmann R., Saxton M. J., Serpa R. Issues in understanding and changing culture. *California management review*, winter, 1986. – P. 89.
38. Жданкин Н. А. Менеджмент. Управление в цифровой экономике. – М.: Издательский Дом МИСиС, 2020. – 252 с.
39. Гиляревский Р. С. Информационный менеджмент: управление информацией, знаниями, технологиями. – СПб.: Профессия, 2009. – 304 с.
40. Долженко А. И. Управление информационными системами. – М.: Интернет-Университет Информационных Технологий (ИНТУИТ): Ай Пи Ар Медиа, 2025. – 180 с.
41. Байгушева И. А., Букушева А. В., Селезнева Е. В., Стариков В. И., Бурмистрова Н. А. Перспективы профессиональной карьеры будущих экономистов: оценка уровня цифровой грамотности в условиях развития платформенных технологий // *Science for Education Today*. – 2024. – № 6. – С. 156–175. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2406.07>
42. Гаркуша Н. С., Алексеева А. С., Асмолова Л. М. Цифровая культура руководителя образовательной организации: методологические подходы к исследованию // *Science for Education Today*. – 2023. – № 4. – С. 123–147.
43. Трофимов В. М. Точные инструменты мышления и влияние компьютерных наук на профессиональную деятельность // *Science for Education Today*. – 2022. – Т. 12, № 5. – С. 72–89.

44. **Tang L., Gu J., Xu J.** Constructing a digital competence evaluation framework for in-service teachers' online teaching // *Sustainability*. – 2022. – Vol. 14 (9). – P. 5268.
45. **Bhise A., Munsh A., Rodrigues A., Sawant V.** Overview of AI in Education // *Artificial Intelligence in Higher Education*. – London: Taylor & Francis Group, LLC., 2023. – 267 p.
46. **Del Pino-Marchito A., Galán-García A., Plaza-Mejía M. d. I. Á.** The Hersey and Blanchard's Situational Leadership Model Revisited: Its Role in Sustainable Organizational Development // *World*. – 2025. – № 6(2). – P. 63. DOI: <https://doi.org/10.3390/world6020063>
47. **Бражников М. А., Хорина И. В.** Управление изменениями: базовый курс. – Самара: Самарский государственный технический университет: ЭБС АСВ, 2015. – 238 с.
48. **Верещагина Л. С., Неруш Т. Г., Шорина А. В.** Управление социально-психологическим климатом в коллективе. – Саратов: Саратовский государственный технический университет имени Ю. А. Гагарина: ЭБС АСВ, 2021. – 236 с.
49. **Плотникова И. Е., Берлева С. Ю., Филозоф А. А., Крюкова О. Н.** Актуальные вопросы организации педагогического процесса в высшей медицинской школе. – Воронеж: ВГМУ им. Н. Н. Бурденко, 2017. – 264 с.
50. **Субботина Л. Ю.** Психология защитного поведения. – Ярославль: ЯрГУ, 2006. – 219 с.

REFERENCES

1. Toktarova V. I., Semenova D. A. The model of integrating a neurocognitive assistant into the educational process of the HEI: Structural and content analysis. *Science for Education Today*, 2025, vol. 15, no. 3, pp. 159–179. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2503.08> (In Russian)
2. Steshina L. A., Steshin I. S., Velev D., Zlateva P., Petukhov I. V. The specifics of cognitive perception processes in education: Identification of the relationship between the accuracy of solving the problem of simple visual-motor tracking and the technology of information presentation. *Science for Education Today*, 2025, vol. 15, no. 5, pp. 116–138. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2505.06> (In Russian)
3. Gladkova L. N., Krezhevskikh O. V., Skorobogatov D. V., Savelyeva A. A., Bulatova O. V., Gafner A. I. The specifics of the effectiveness of reading complex professional texts when working with an AI agent: Assessment of the level of assimilation, taking into account the establishment of the duration and amount of gaze fixation. *Science for Education Today*, 2026, vol. 16, no. 1, pp. 246–270. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2601.11> (In Russian)
4. Pushkarev Y. V., Pushkareva E. A. Digital transformations of the education system: Trends, problems, and priorities of personal development (A critical review). *Science for Education Today*, 2025, vol. 15, no. 6, pp. 71–96. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2506.04> (In Russian)
5. Avalueva N. B., Garkusha N. S., Krolevetskaya E. N. Updating the Russian higher education system: A review and evaluation of cultural and value-based content of modern challenges. *Science for Education Today*, 2026, vol. 16, no. 1, pp. 82–106. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2601.04> (In Russian)
6. Kormiltseva E. A., Adelshin A. V., Bukusheva A. V., Sokur E. A., Shmakova A. P., Burmistrova N. A. Model of managerial competencies of academic staff: Analysis of development prospects in the context of education digitalization. *Science for Education Today*, 2025, vol. 15, no. 2, pp. 139–160. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2502.07> (In Russian)
7. Tsvetkova L. A., Nikitina E. A., Sutormina N. V., Sbitneva A. A., Miklyaeva A. V. The relationship between students' self-assessments of difficulties in understanding scientific texts presented on paper or digital devices and eye-tracking indicators. *Science for Education Today*, 2025, vol. 15, no. 1, pp. 24–46. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2501.02> (In Russian)
8. Asmolov A. G. Historical and evolutionary approach to understanding personality: problems and research prospects. *Questions of psychology*, 1986, no. 1, pp. 28–40. (In Russian)
9. Kon I. S. In search of oneself: personality and its self-awareness. Moscow: Politizdat Publ., 1984, 336 p. (In Russian)
10. Leontiev A. N. Activity. Conscience. Personality. Moscow: Sense; Academy Publ., 2005, 346 p. (In Russian)
11. Ananyev B. G. Man as an object of knowledge. St. Petersburg: Peter Publ., 2001, 288 p. (In Russian)

12. Asmolov A. G. Principles of human memory organization: a system-activity approach to the study of cognitive processes. Moscow: Moscow University Publ., 1985, 104 p. (In Russian)
13. Abulkhanova-Slavskaya K. A. Activity and personality psychology. Moscow, 1980. 304 p. (In Russian)
14. Kagan M. S. Human activity: the experience of system analysis. Moscow: Politizdat Publ., 1974, 328 p. (In Russian)
15. Lomov B. F. The problem of communication in psychology. The problem of communication in psychology. Moscow, 1981. (In Russian)
16. Ilyin E. P. Differential psychology of professional activity. St. Petersburg: Peter Publ., 2011. 428 p. (In Russian)
17. Ilyin E. P. Motivation and motives. St. Petersburg: Peter Publ., 2004, 512 p. (In Russian)
18. Krichevsky R. L. If you are a leader. Elements of management psychology in everyday work. Moscow, 2003. (In Russian)
19. Zeer E. F., Simanyuk E. E. Crises of professional personality development. *Psychological Journal*, 1997, no. 6, pp. 35–44. (In Russian)
20. Heckausen H. Motivation for activity. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1986. (In Russian)
21. Shane E. Organizational culture and leadership. St. Petersburg: Peter Publ., 2002, 336 p. (In Russian)
22. Shane E. N. The role of the founder in creating an organizational culture. "Organizational dynamics", summer 1983. (In English)
23. Milner B. Z. Theory of organization. Moscow: INFRA-M, 2000, 469 p. (In Russian)
24. Deal T. E., Kennedy A. A. Corporate Cultures: The Rites and Rituals of Corporate Life. Reading, Mass.: Addison-Wesley Pub. Co., 1982, 232 p. (In English)
25. Harris P. P., Moran R. T. Managing cultural differences. Gulf Publishing Company, 1991. (In English)
26. Prigozhin A. N. Modern sociology of organizations. Moscow: Interprax Company, 1995, 295 p. (In Russian)
27. Zankovsky A. N. Organizational psychology. Moscow: Flint: MPSI Publ., 2002, 648 p. (In Russian)
28. Yadov V. A. What theoretical approaches are useful for understanding and explaining the social realities of Russian society and Russia? *Reforming Russia: Yearbook* 2010. Issue 9. Moscow: Novy Chronograf Publ., 2010, pp. 20–23. (In Russian)
29. Yadov V. A. Modern theoretical sociology as a conceptual framework for the study of Russian transformations: A course of lectures for graduate students in sociology. Second edition, corrected. and the add-on. St. Petersburg: Intersocis Publ., 2009, 138 p. (In Russian)
30. Dobrenkov V. I., Kravchenko A. I. Fundamental sociology: in 15 volumes vol. 7: Man. An individual. Personality. Moscow: INFRA-M Publ., 2005, 960 p. (In Russian)
31. Latuha O. A. Assessing the sustainability development of an organization. *Science for Education Today*, 2021, vol. 11, no. 6, pp. 142–159. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2106.08> (In Russian)
32. Latuha O. A. Training leaders of organizations in sustainable development management. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*, 2018, vol. 8, no. 3, pp. 225–236. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1803.16> (In Russian)
33. Pushkareva I. Yu., Kohan N. V. Formation of the digital cultural environment: On the need to adapt to digital changes (historical and theoretical foundations of research issues). *Culture and anthropology research journal*, 2026, no. 1, pp. 8–20. URL: <https://elibrary.ru/xyndzz> (In Russian)
34. Huseynov A. A., Kohan N. V., Bashaeva S. A. Conditions for the formation of organizational readiness of a teaching staff for changes in an educational organization. *Bulletin of Pedagogical Innovations*, 2024, no. 4(76), pp. 79–88. DOI: 10.15293/1812-9463.2404.05 (In Russian)
35. Elkin S. E. Personnel management of the organization. Theory of human development management. Moscow: AI Art Media Publ., 2026, 233 p. (In Russian)
36. Smircic L. Concepts of culture and organizational analysis. *The journal Administrative science quarterly*, 1983, vol. 28, pp. 339–358. (In English)
37. Kilmann R., Saxton M. J., Serpa R. Problems of understanding and changing culture. California management review, winter, 1986, p. 89. (In English)
38. Zhdankin N. A. Management. Management in the digital economy. Moscow: MISiS Publ., 2020, 252 p. (In Russian)

39. Gilyarevskiy R. S. Information management: management of information, knowledge, technologies. Saint Petersburg: Profession Publ., 2009, 304 p. (In Russian)
40. Dolzhenko A. I. Information Systems Management. Moscow: Internet University of Information Technologies (INTUIT): IP Art Media, 2025, 180 p. (In Russian)
41. Baygusheva I. A., Bukusheva A. V., Selezneva E. V., Starikov V. I., Burmistrova N. A. Career prospects for future economists: Assessing the level of digital literacy in the context of developing platform technologies. *Science for Education Today*, 2024, vol. 14, no. 6, pp. 156–175. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2406.07> (In Russian)
42. Garkusha N. S., Alekseeva A. S., Asmolova L. M. Digital culture of the head of an educational institution: Methodological approaches to research. *Science for Education Today*, 2023, vol. 13, no. 4, pp. 123–147. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2304.06> (In Russian)
43. Trofimov V. M. Precise thinking tools and the impact of computer science on professional practice. *Science for Education Today*, 2022, vol. 12, no. 5, pp. 72–89. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2205.05> (In Russian)
44. Tang L., Gu J., Xu J. Constructing a digital competence evaluation framework for in-service teachers' online teaching. *Sustainability*, 2022, vol. 14 (9), p. 5268. (In English)
45. Bhise A., Munsh A., Rodrigues A., Sawant V. Overview of AI in Education. *Artificial Intelligence in Higher Education*. London: Taylor & Francis Group, LLC, 2023, 267 p. (In English)
46. Del Pino-Marchito A., Galán-García A., Plaza-Mejía M. d. l. Á. The Hersey and Blanchard's Situational Leadership Model Revisited: Its Role in Sustainable Organizational Development. *World*, 2025, vol. 6 (2), p. 63. DOI: <https://doi.org/10.3390/world6020063> (In English)
47. Brazhnikov M. A., Khorina I. V. Change management: a basic course. Samara: Samara State Technical University: EBS DIA, 2015, 238 p. (In Russian)
48. Vereshchagina L. S., Nerush T. G., Shorina A. V. Managing the socio-psychological climate in a team. Saratov: Saratov State Technical University named after Yuri Gagarin: EBS DIA, 2021, 236 p. (In Russian)
49. Plotnikova I. E., Berleva S. Yu., Filozop A. A., Kryukova O. N. Actual issues of the organization of the pedagogical process in higher medical school. Voronezh: Voronezh Burdenko State Medical University, 2017, 264 p. (In Russian)
50. Subbotina L. Y. Psychology of defensive behavior. Yaroslavl: YarGU Publ., 2006, 219 p. (In Russian)

Информация об авторе

И. Ю. Пушкарёва, ассистент, кафедра организации здравоохранения и общественного здоровья, факультет повышения квалификации и переподготовки врачей, Новосибирский государственный медицинский университет, Новосибирск, Россия, ORCID <https://orcid.org/0009-0008-6344-1694>, irina.phr@mail.ru

Information about the author

Irina Yu. Pushkareva, Assistant, Department of Healthcare Organization and Public Health, Faculty of Advanced Training and Retraining of Doctors, Novosibirsk State Medical University, Novosibirsk, Russian Federation, ORCID <https://orcid.org/0009-0008-6344-1694>, irina.phr@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 24.03.2026

Одобрена после рецензирования: 20.04.2026

Принята к публикации: 20.04.2026

The article was submitted: 24.03.2026

Approved after reviewing: 20.04.2026

Accepted for publication: 20.04.2026

РАЗДЕЛ III. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

PART III. SOCIOLOGY OF CULTURE

Культурно-антропологические исследования. 2026. № 2

Culture and anthropology research journal. 2026. № 2

Научная статья

УДК 75.011.2

Социокультурный контекст восприятия советской дачи в русской живописи

Воробьев Тимофей Александрович¹, Чапля Татьяна Витальевна¹

¹Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

Статья посвящена малоизученному вопросу дачного строительства в СССР и его отражению в русской живописи XX века. В изобразительном искусстве советского периода образ дачного отдыха получил глубокую художественную проработку, что позволяет проследить его эволюцию и социокультурный контекст на основе анализа картин разных авторов, созданных в хронологическом порядке – от 1918 года до конца перестройки. Цель исследования – реконструкция социокультурного контекста советской дачи как уникального феномена через анализ живописных произведений. В работе использован культурно-исторический подход, позволивший выявить ключевые тенденции: переход от дореволюционных усадебных и крестьянских мотивов к типовым дачным поселкам индустриального типа; формирование летнего и зимнего направлений в дачной живописи; преобладание женских и детских образов, отражающее гендерный дисбаланс советского общества; особую роль зеленых насаждений как композиционного элемента, создающего приватность и уют. На материале анализа картин русских и советских художников показано, как дача прошла путь от элитного летнего жилья до массового источника продовольствия и предмета самостроя. Особое внимание уделено функциям дачи: психологическая разгрузка, физическая безопасность, продовольственное обеспечение, творческая мастерская. В заключении делается вывод, что советская живопись не только фиксировала, но и рефлексировала социальные процессы, связанные с дачным строительством, включая имущественное расслоение и ослабление государственного контроля в поздний период.

Ключевые слова: дача; живопись; дачный поселок; дачный пейзаж; дачная культура

Для цитирования: Воробьев Т. А., Чапля Т. В. Социокультурный контекст восприятия советской дачи в русской живописи // Культурно-антропологические исследования. – 2026. – № 2. – С. 60–70.

Scientific article

Sociocultural Context of the Perception of the Soviet Dacha in Russian Painting

Timofey A. Vorobyov¹, Tatiana V. Chaplia¹

¹Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. This article addresses the understudied issue of dacha construction in the USSR and its reflection in Russian painting of the 20th century. In Soviet visual art, the image of dacha leisure received profound artistic elaboration, making it possible to trace its evolution and sociocultural context through the analysis of works by different authors created in chronological order – from 1918 to the end of perestroika. The aim of the study is to reconstruct the sociocultural context of the Soviet dacha as a unique phenomenon through the analysis of paintings. The research employs a cultural-historical approach, which has made it possible to identify key trends: the transition from pre-revolutionary estate and peasant motifs to standardised dacha settlements of an industrial type; the formation of summer and winter directions in dacha painting; the predominance of female and child figures, reflecting the gender imbalance of Soviet society; and the special role of vegetation as a compositional element creating privacy and comfort. Through an analysis of paintings by Russian and Soviet artists, the paper demonstrates how the dacha transformed from an elite summer dwelling into a mass-scale food source and a product of unauthorized self-construction. Special attention is paid to the functions of the dacha: psychological relief, physical safety, food supply, and creative studio. The conclusion states that Soviet painting not only documented but also reflected upon the social processes associated with dacha construction, including property stratification and the weakening of state control during the late Soviet period.

Keywords: dacha; painting; dacha village; dacha landscape; dacha culture

For citation: Vorobyov T. A., Chaplia T. V. Sociocultural Context of the Perception of the Soviet Dacha in Russian Painting. *Culture and anthropology research journal*, 2026, no. 2, pp. 60–70.

Введение. Тема загородного отдыха для России всегда была актуальной, в связи с особым отношением русского человека к природе и сложившимися условиями жизни в эпоху советской власти, когда дачный участок стал не только возможностью проведения досуга на лоне природы, но и огородом, обеспечивающим всю семью натуральными продуктами на год вперед. По данным мониторингового опроса ВЦИОМ, на 2022 г. дачными участками владели 52 % горожан [2]. Это рекордное для мира значение стало результатом массового дачного строительства в СССР. Уникальная градостроительная практика сформировала социальный контекст крупных городов нашей страны, что не могло не стать одной из тем советской живописи.

Обсуждение. Дачный вопрос остается во многом малоизученным в отечественной науке ввиду своего мультидисциплинарного характера. Нет обобщающего труда, который бы в полной мере раскрывал исторический, экономический, культурный и социологический аспекты данного феномена.

В зарубежной исследовательской литературе имеется монография «Дачники» С. Ловелла, изданная в переводе на русский в 2008 г. [5]. Автор проследил становление и развитие данного явления с 1703 г.: от основания Санкт-Петербурга до начала XXI века. С его точки зрения, русская дача – это явление одного порядка с европейскими загородными домами, однако в отечественной литературе доминирует представление о даче, как о специфическом феномене. О том, что дачу следует выделить на фоне европейских вилл и коттеджей в отдельный тип загородного жилья, пишет О. И. Черных в статье «Русская дача как социокультурный феномен» [9].

Большинство современных исследований имеют либо локальный характер, либо исследуют отдельные аспекты темы, не привязываясь к конкретному месту. Монография А. В. Русанова [7], посвященная анализу дач Подмосковья с точки зрения экономики и социологии, относится к первому типу работ. Статья Т. С. Серегиной [8], раскрывающая правовой аспект темы, является примером второго подхода к исследованию дачного вопроса. Анализ изменений в дачном законодательстве позволяет проследить путь, который прошла культура дачного отдыха в СССР.

Существует множество работ, посвященных образу дачи в литературе и искусстве. В коллективной монографии «Усадебно-дачный локус в литературе и искусстве социалистического реализма» под редакцией А. В. Маркова [6] представлены основные положения для стилистического анализа произведений. Это особенно важно для понимания главных принципов соцреализма как доминирующего художественного стиля в СССР. Помимо вышеупомянутых исследований, необходимый тезаурус для анализа дачного образа в искусстве дан в статье О. А. Богдановой.

20-е годы XX века связаны с подъемом интереса к исследованию эстетики и культурного влияния русской дачи, о чем свидетельствуют работы выпускников Высшей школы экономики и их документальные проекты «Визуальный образ русской дачи» Е. Тамм (2020 г.) и «Дача как социокультурный феномен и семейный архив» В. Панюшкиной (2021 г.). Эти проекты послужили источниками некоторых иллюстраций и примерами культурологического анализа предметов искусства.

Целью исследования является реконструкция социокультурного контекста советской дачи на примере живописных произведений советского периода.

Источниками для культурологической реконструкции послужили картины советских художников, посвященные дачной тематике, выстроенные в хронологическом порядке. Исследование охватывает весь период существования советской дачи с 20-х гг. XX века по 1991 г.

В качестве методологической базы использовался культурно-исторический подход, позволивший провести анализ социокультурного контекста советской дачи в хронологическом порядке и выявить тенденции его развития, а также определить причины, их вызывавшие.

Результаты. Одна из самых ранних работ советского периода – «На даче» Н. П. Шлеина, написанная в 1918 г. На картине виден деревянный сруб стены,

наличники. Строение скорее напоминает крестьянскую избу, чем привычную нам дачу, в таком срубе с хорошей печью можно жить зимой, однако сочная летняя зелень передает знакомую каждому дачнику атмосферу. Можно обратить внимание, что в ранней дачной живописи первой четверти XX века пока трудно отделить дачу от крестьянского жилища или дворянской усадьбы конца XIX – начала XX в.

Для И. М. Грабовского умиротворенные пейзажи были не свойственны, но и этот творец, незадолго до трагической смерти, искал спокойствия в дачном быте. Картина «Дачный натюрморт» (1920 г.) напоминает знаменитую «Девочку с персиками», однако вместо старой дворянской усадьбы в Абрамцево, с кирпичными стенами, белоснежной штукатуркой и двойным остеклением для сохранения тепла, как у В. А. Серова, на картине изображена легкая летняя веранда. Дача на картине И. М. Грабовского во много раз скромнее, чем имение Саввы Мамонтова. В 1920 году художников не спонсируют богатые меценаты-предприниматели, но расслабляющую дачную обстановку всегда приходилось искать вдали от города. Во все времена на даче можно было укрыться от лишнего стресса, а в условиях начала XX века отдаленность от большого скопления людей давала не только психологическую разгрузку, но и физическую безопасность.

Первые дачные поселки индустриального типа, возникшие благодаря выдаваемым участкам земли работникам предприятий, появляются после постановления 1927 г. На картине П. Н. Крылова (1934 г.) изображен семейный обед. Окно террасного типа на заднем плане не было свойственно сельским домам, зато встречается в проектах дачных домиков [5, с. 175], то есть перед нами уже дача. В этот период садовые и огороднические товарищества еще не были массовым явлением, наличие летнего дома говорит о семейном достатке. Такая дача может принадлежать ответственному деятелю местной партийной организации, передовику производства или заслуженному человеку творческой профессии. В композицию вписан лишь угол стола, его женская половина. Возможно, сам хозяин дачи помещен вне композиции, в то время, как внимание автора привлеч маленький ребенок, с интересом разглядывающий угощения. Мать, судя по простой одежде, на контрасте с опрятным мальчиком, тратит все свое время на уход за ребенком, ее взгляд сосредоточен, ее цель – накормить семью. Бабушка тянется за кружкой, однако ее взгляд не направлен, она погружена в раздумья. Поместив в центр картины ребенка, автор живо проиллюстрировал семейный характер дачного отдыха, который объединял за одним столом несколько поколений.

В 1938 году для расселения ценных партийных кадров государственных служащих могли использоваться старые дворянские или купеческие дачи. По всей видимости, одна из таких изображена на картине П. П. Кончаловского «Первый снег. Синяя дача». Две видимые печные трубы двухэтажного дома дают понять, что в этом доме можно жить круглый год. О том, что это старая дореволюционная постройка, косвенно свидетельствуют темные окна и дым печной трубы. Дом не пуст, но свет не горит. Он не электрифицирован. Мало-

вероятно, что индустриальное дачное строительство такой роскошной дачи в 1938 г. обошлось бы без электрического освещения. «Синяя дача» в названии дает намек, что автор выбрал самый красивый и ухоженный дом в округе, достойный восхищения, то есть не типичный для того времени. Это пример элитной дачи, которая могла стать как предметом гордости, так и источником зависти. Вместе с тем следует отметить второе направление дачной живописи – изображение зимнего сезона. Несмотря на то что дачный отдых надежно ассоциируется с теплом, солнцем и зеленью, внимание художников часто привлекал контраст бурного летнего отдыха и будто застывшего во времени зимнего пейзажа.

В. С. Титуленко в 1939 году удалось запечатлеть более приземленный образ дачного быта. В силу географических и климатических особенностей, дачный сезон был длиннее, а условия для садоводства более благоприятными на юге большой страны. К дачной тематике обращались многие художники из Украинской ССР. Маленький летний домик на картине не рассчитан ни на что большее, чем коротать внутри теплые летние ночи. Два места для отдыха: гамак и кресло находятся в тени в разное время суток, корзина с яблоками говорит о наличии плодовых деревьев, сада. Эти детали знакомы каждому дачнику и, по всей видимости, сам автор был глубоко погружен в летний дачный отдых, когда писал эту картину. Отсутствие на картине самих дачников сделано сознательно, чтобы передать общее представление о дачном быте. Однако дом не пуст: можно обратить внимание, как ярко в дальнем окне горит свет – и это не свеча. В отличие от элитной «Синей дачи» из прошлого, новый дачный быт неразрывно связан с индустрией. Заводской рабочий видит результаты своих трудов, даже отдыхая вдали от шумного цеха. Электрический свет на этой картине органически встроен в уютный отдых на природе и является символом благ, которые принесло индустриальное развитие.

1940-е в исторической памяти, в первую очередь, связаны с войной и тяжелым трудом по восстановлению страны, именно в этот период дача приобретает важную функцию продовольственного обеспечения, горожане ощущают реальную потребность в обладании вторым домом [5, с. 195]. С. Я. Лапицкий уделил внимание не самой даче, а дачникам. Вниманию зрителя снова предлагается семейный отдых, однако в этот раз взят общий план с видом на дорогу. Во дворе, ближе к ограде, прилично выглядящая женщина в закрытом платье читает книгу, сидя на лавочке возле играющих детей. Это публичное пространство. Молодая девушка смотрит на них, сидя на балконе второго этажа, в полуобнаженном виде. Она вовсе не смущается, что ее могут увидеть из проезжающей мимо машины. По меркам середины XX века образ девушки можно назвать вульгарным, однако для нее дача – это приватное пространство. Композиция картины замкнута густой зеленью, с одной стороны, и углом дома – с другой. Таким образом, автор передает зрителю не ощущение приватности, а чувство уюта и защищенности. Единственный отголосок далекого города здесь – редко проезжающие автомобили, на которые можно не обращать внимания.

Две картины знаменитого соцреалиста А. А. Дейнеки 1949 и 1950 гг. завершают дачный образ. Картина «Вечер. Чай на террасе» показывает соседское застолье. Несколько семей встретились, чтобы скоротать летний вечер. Стоит обратить внимание на размер террасы. Она настолько огромная, что в композицию картины не попали ни ее стены, ни навес. Возможно, что эти элементы полностью отсутствуют по замыслу автора. Трудно поверить, что такая гигантская терраса может встретиться в дачном поселке. Скорее всего, в этом образе отражена идея общего пространства. Ни что не указывает напрямую, что изображена именно дача, однако отчетливо заметна разница в одежде. Городские туфли и желтое платье девушки, брюки и белая рубашка мужчины в центре контрастируют с рабочими фартуками женщин на заднем плане. «Городские» приехали в гости к родственникам, и автор виртуозно показывает горожан на фоне сельской жизни, что и порождает дачные ассоциации.

В то же время вторая картина Александра Александровича не оставляет никаких сомнений в том, что перед нами дача. Знакомые нам цветные домики с треугольными или ломаными двускатными крышами по сей день окружают города нашей страны. «Подмосковные дачки» написана в 1950 г., через год после принятия Постановления Совмина № 807 [1], с которого и началось массовое дачное строительство. Первые результаты этой работы А. А. Дейнека запечатлел в своей картине. Благодаря этому облик советских дач хорошо считается даже спустя 76 лет.

В 50-е годы образ дачного отдыха в живописи окончательно сформировался, это видно по картине «На даче» А. М. Руднева 1951 г. Игра теней, просветы в заборе и листве, через которые проникают солнечные лучи, и светлые тона передают спокойствие и безмятежность. И снова семейный отдых, и снова женские и детские фигуры. В дачной живописи, как в бытовом жанре, преобладают женские и детские образы, однако не стоит упускать из внимания социальный фактор. Весь XX век, ввиду потрясений и войн, нашу страну сопровождал гендерный дисбаланс. Мужчины погибали на войне, не щадили себя на вредных производствах и умирали раньше. Женщина, тянущая на себе воспитание детей, домашнее хозяйство и работу в одиночку, на уровне подтекста отражает социальную действительность и в дачной живописи.

В 1956 г. Ю. А. Волков пишет две картины на дачную тематику. В композиции «Дача. Кратово» будто нет центрального элемента. На переднем плане – лишь неприметный кустарник, растущий между дачными домиками, который не обратил бы на себя внимание, если бы не внимательный взгляд художника. Несмотря на кажущуюся однотонность, зеленый кустарник выделяется на фоне соснового леса. Именно он – главный персонаж картины. Зеленые насаждения: деревья, ягодные кусты, цветы, ботва в огороде – это то, без чего невозможно представить себе дачный отдых.

В 50-е гг. особое внимание уделялось планировке зеленых насаждений на дачных участках. Картина «Летний день» (1956 г.) снова рассказывает о дачной зелени. Толстый слой масляных красок, широкие мазки, отсутствие тонкой проработки создают ощущение текучего, изменчивого пространства. Высокая

трава сливается с темно-зеленым фоном, обволакивая единственную человеческую фигуру в красном. Человек на даче – это человек на природе. Оппозиция «дом – улица», четко выраженная в композиции, и тот факт, что человек находится именно на улице, а не стоит на террасе, иллюстрирует ощущение дачника, который находится за городом. Картину можно прочесть, как вывернутый наизнанку дачный пейзаж. Этот эффект создается грубым изображением крыши террасы, которое допускает двойное прочтение перспективы: прямой, как с точки зрения зрителя картины, или обратной, как с точки зрения фигуры в красном. Если представить эту же картину ее глазами, то сложится типичный дачный пейзаж с домиком в центре композиции.

Как раз такой узнаваемый пейзаж написал Б. В. Щербаков в картине «Дачи Дюковой» (1960 г.). На этот раз зритель помещен за забор, однако ворота широко открыты, подчеркивая дачное гостеприимство. Редкая для дачной живописи мужская фигура читает, сидя в кресле. Жена привлекла внимание мужа, чтобы что-то рассказать, а из окна на них смотрит детская фигура. Семья находится у себя дома и в полной безопасности, они заключены в рамку, которая создана из открытых створок ворот, опустившихся ветвей и тени, которую они отбрасывают. Помимо композиции, впечатляет проработка деталей картины: игра света и тени на листве, солнечные просветы в тени ветвей создают ощущение, будто листва колыхнется на ветру.

В 1960-е гг. дачный быт все еще тесно связан с огородничеством. Для большинства дачников огород был незаменимым подспорьем в домашнем хозяйстве. В условиях нестабильного аграрного сектора экономики летом на столе свежие овощи, а зимой консервация, компоты и варенье из ягод всегда были подспорьем для семьи. На картине «Огородницы» (1964 г.) П. Т. Фомин запечатлел открытие дачного сезона. Три женские фигуры встретились на распаханном участке. Молодая женщина крепкого телосложения в красном платье несет рассаду на грядки. Видно, как она довольна своей работой на зависть соседкам. Возможно соседки спросили у нее, как ей удалось вырастить такую здоровую и крепкую рассаду, а та с радостью ответила. Хороший огород был предметом гордости любого дачника. Интересно, что мужская фигура на картине тоже присутствует, но помещена на задний план: мужчина чинит трактор после пахоты. Это можно рассматривать, как гендерное разделение загородного труда: мужчина выполнял и выполняет тяжелую работу, связанную с техникой, а женщина остается хозяйкой огородных грядок.

Картина «Огороды весной» (1965 г.) В. Е. Попкова иллюстрирует ту же пору, но уже крупным планом. Нестройные ряды заборов подчеркивают неказистость дач весной. Только освободившись от снежного покрова, поля еще не заросли высокой травой. Весь дачный поселок видно, как на ладони, и соседи заглядывают друг другу через ограду. Несмотря на это, садоводам на картине сейчас некогда вести праздные беседы. Весна – время вспахивать, пропалывать и засеивать грядки, в этот ответственный процесс вовлечены и мужчины, и женщины, а потому «Огороды весной» – первая из рассмотренных в статье картин, где соблюден гендерный баланс.

Особенности ведения садового хозяйства на ограниченной площади зафиксировал В. В. Ягодин на картине «На даче» (1971 г.). Узкая тропинка шириной не более двух шагов тянется от дома к парнику, собранному из добытых где-то оконных рам. Каждый квадратный метр участка занят под грядку или клумбу, высажены деревья. Вблизи городов – 6 соток – максимум, на который могли рассчитывать дачники. Часто участки были еще меньше, что заставляло садоводов щепетильно ухаживать за своим двориком.

Во все десятилетия дача оставалась источником вдохновения и мерой поддержки для художников [5, с. 181]. Явление дачной живописи в определенный момент стало настолько значимым, что потребовало саморефлексии в живописи. Картина В. Линцева «На академической даче» 1981 г. показывает самих живописцев, которые уезжали за город, чтобы писать с натуры. Вместе с тем эта картина относится к зимнему направлению дачной живописи. Многочасовой труд на холоде явно знаком живописцу: видно, как кисти торчат из снега, потому что их некуда убрать, художники работают без перчаток, что требует немалой выдержки в зимнее время. Поражает точность – в композицию попала даже такая деталь, как сухой стебель борщевика, не занесенный снегом. Этот сорняк, главный враг садовода, знаком каждому дачнику. Снежный пригорок облюбовали дачники, и каждый из них увлечен живописью, а семья помещена на дальний план. Автор картины расставил приоритеты. Картина дает зрителю почти фотографически точный отпечаток творческого процесса дачной живописи, показывая ее не как высокое искусство, но как приятный досуг.

Самовар в наше время заменил электрический чайник, но традиция чаепития на свежем воздухе сохраняется. Соседская идиллия с теплотой изображена на картине Л. П. Демина «Лето на даче» (1981 г.). Самовар в центре композиции – символ дачного отдыха. Хозяйка уже принесла кружки, сейчас гости будут угощаться, а пышная зелень полностью укрывает их от суеты и забот, создавая практически райские кущи.

«Зимой на даче» А. Ю. Подляского показывает обратную сторону дачного быта: зимний застой. В 1986 году депрессивное настроение в обществе хорошо считывалось. Дачный домик холодел и пустел с концом дачного сезона, а пышная зелень опадала и уже не могла укрыть дачников от проблем социального характера, которые, как снежный ком, накапливались в то время. Картина не дает надежды, не говорит, вернется ли кто-то в этот дом, поставит ли новые цветы в вазу, а лишь констатирует: «Лето прошло». В отличие от более ранних зимних пейзажей Александр Юрьевич выбрал натюрморт на фоне окна, показав зиму с точки зрения опустевшего дома, передав тем самым ощущение холода и неопределенности.

Одной из негативных тенденций позднего периода дачного строительства в СССР стала самовольная застройка. С тех пор, как дачное движение стало по-настоящему массовым в 60-е гг., государственный контроль все более ослабевал [5, с. 245], а сами садоводы стремились любыми средствами улучшить свои жилищные условия [5, с. 228]. В результате появлялись настоящие монстры Франкенштейна, собранные из подручных материалов. Пример одного из

таких домов, построенных без всякого соблюдения нормативов, изображен на картине В. И. Галатенко «Дача в Тарасовке» (1988 г.). Покосившиеся окна разного размера, два отдельно стоящих сруба, объединенных под одной крышей и заколоченное окно второго этажа дают понять, что это здание многократно перестраивалось и достраивалось без четкого плана, а лишь в соответствии с инженерным гением хозяина. Крыша такой сложной конструкции чудом не обвалилась и пока еще держится на кривых стенах. Дом заброшен, это видно по запущенному двору, поросшему травой, а осенний выбор осеннего сезона лишь усиливает ощущение запустения.

Последняя картина в этом списке отражает переходный период от советской дачи к постсоветской. На общем плане картины «Дачный посёлок» Е. А. Спицевич снова выбирает не дачный сезон, а позднюю осень. Многие деревья еще не сбросили золотистые кроны, но земля и крыши домов уже надежно укутаны снегом. Рядом стоят домики совершенно разного достатка: ближе к воротам художник поместил временки небогатых дачников, а в дали – большие дома с самовольными пристройками. Автор наглядно показал нарастающее имущественное расслоение внутри дачного общества: не у всех дачников были ресурсы для самостоятельного строительства. И конечно же, символом эпохи перемен становится церковь, стоящая на фоне. В советском дачном поселке не может быть церкви, тем более столь монументальной. Если картина писалась с натуры, то наверняка можно утверждать, что храм принадлежит к старому селу, а дачный поселок построен поблизости от него. Тем не менее интересен сам выбор автора поместить в композицию дачного пейзажа храм, смешивая образы сельской жизни и дачного отдыха, который ранее был неразрывно связан с индустриальным городом, а теперь полностью отстранен от него.

В результате проведенного исследования были проанализированы примеры дачной живописи, отразившие не только различные авторские интерпретации дачного быта, но и социокультурный контекст уникального феномена советской дачи. Определены два направления дачной живописи в соответствии с сезонами: летний – изображение дачного сезона в самом разгаре на фоне пышной растительности, и противоположный ему зимний – связанный с затишьем в ожидании весны. Выявлены также некоторые тенденции в дачной живописи, такие как преобладание женских и детских фигур в сценах семейного застолья и особая роль растительности, укрывающей дачников от внешнего мира на уровне композиции.

На основании анализа картин в хронологическом порядке произведена реконструкция социокультурного контекста советской дачи. Особая роль дачных поселков заключалась в их тесной связи с городом. Каждый дачник – это рабочий предприятия, который заслужил свой участок и получил его от государства. В условиях бурного индустриального развития первой половины XX века дачи становились островками спокойствия и местом отдыха вблизи рек и лесов, вдали от городской суеты.

Середина XX века ознаменовалась тяжелыми социальными потрясениями. Дачные поселки зарекомендовали себя как дополнительный источник про-

довольствия для горожан, что послужило толчком для развития садоводства и огородничества [5, с. 195]. На каждом участке от 4 до 6 соток, в соответствии с планом застройки, разбивался палисадник, который становился предметом гордости.

Положительный социальный эффект не остался без внимания высшего руководства, с 60-х гг. XX века дачное строительство становится по-настоящему массовым, что, с одной стороны, окончательно закрепляет дачную культуру жителей городов, а с другой стороны, порождает негативные тенденции: низкий государственный контроль и самовольное строительство. В последней четверти XX века дачные поселки становятся отражением негативных социальных тенденций позднего СССР. Ослабевающий государственный контроль дает дачникам возможности беспрепятственно улучшать свои жилищные поселки, однако доступ к ресурсам для такого строительства был не у всех, что приводило к видимому имущественному расслоению соседних дачных участков.

Заключение. Советская живопись глубоко отразила в себе самые разные аспекты дачного быта. Дачи становились творческими студиями художников, позволяли им не только отдохнуть от работы и получить вдохновение, но и отразить ту социальную действительность, которая их окружала.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Люблю я вас, дачки [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.liveinternet.ru/users/rozasmoroza/post426207326/> (дата обращения: 08.04.2026).
2. Результаты мониторингового опроса россиян от 8 мая 2024 г. / ВЦИОМ новости [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sezon-u-dachi> (дата обращения: 08.12.2025).
3. СССР на даче [Электронный ресурс]. – URL: <https://yarodom.livejournal.com/1572409.html> (дата обращения: 18.12.2025).
4. **Богданова О. А.** Формирование исследовательского тезауруса при изучении феномена дачи в русской литературе XIX–XXI вв. // *Studia Litterarum*. – 2022. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-issledovatel'skogo-tezaurusa-pri-izuchenii-fenomena-dachi-v-russkoy-literature-xix-xxi-vv> (дата обращения: 08.04.2026).
5. **Ловелл С.** Дачники. История летнего жилья в России. 1710–2000. – СПб.: Академический проект; Издательство ДНК, 2008. – 348 с.
6. **Марков А. В.** Усадебно-дачный локус в литературе и искусстве социалистического реализма // *Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения: коллективная монография*. – М.: Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, 2024. – С. 74–87.
7. **Русанов А. В.** Подмосковные дачи: население, земля, хозяйство (XIX–XXI вв.): монография. – М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2024. – 132 с.
8. **Серегина Т. С.** Эволюция организационно-правовых форм объединений граждан в области садоводства и огородничества // *Ленинградский юридический журнал*. – 2019. – № 2 (56). – С. 96–105.
9. **Черных О. И.** Русская дача как социально-культурный феномен // *Преподаватель года 2020: сборник статей Международного научно-методического конкурса: в 2 частях*. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2020. – С. 185–194.

REFERENCES

1. I Love You, Dachas [online]. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/rozasmoroza/post426207326/> (accessed 08.04.2026) (In Russian)
2. Results of a Monitoring Survey of Russians from May 8, 2024 / VTsIOM News [online]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sezon-u-dachi> (accessed 08.12.2025) (In Russian)
3. The USSR at the Dacha [online]. URL: <https://yarodom.livejournal.com/1572409.html> (accessed 18.12.2025) (In Russian)
4. Bogdanova O. A. Formation of a Research Thesaurus in the Study of the Dacha Phenomenon in Russian Literature of the 19th–21st Centuries. *Studia Litterarum*, 2022, no. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-issledovatel'skogo-tezaurusa-pri-izuchenii-fenomena-dachi-v-russkoy-literature-xix-xxi-vv> (accessed: 08.04.2026) (In Russian)
5. Lovell S. Dacha Owners: A History of Summer Housing in Russia, 1710–2000. St. Petersburg: Akademicheskyy Proekt; DNK Publishing House, 2008, 348 p. (In Russian)
6. Markov A. V. The Estate-Dacha Locus in the Literature and Art of Socialist Realism. *The Estate and Dacha in the Literature of the Soviet Era: Losses and Gains: A Collective Monograph*. Moscow: A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 2024, pp. 74–87. (In Russian)
7. Rusanov A. V. Moscow Region Dachas: Population, Land, Economy (19th–21st Centuries): Monograph. Moscow: Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, 2024, 132 p. (In Russian)
8. Seregina T. S. The Evolution of Organizational and Legal Forms of Citizens' Associations in the Field of Gardening and Vegetable Gardening. *Leningrad Law Journal*, 2019, no. 2 (56), pp. 96–105. (In Russian)
9. Chernykh O. I. The Russian Dacha as a Socio-Cultural Phenomenon. *Teacher of the Year 2020: Collection of articles from the International Scientific and Methodological Competition*. In 2 parts. Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership "New Science", 2020, pp. 185–194. (In Russian)

Информация об авторах

Т. А. Воробьев, бакалавр, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, tibyov@yandex.ru

Т. В. Чапля, доктор культурологии, доцент, профессор, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, chap_70@mail.ru, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-9712-7478>

Information about the authors

Timofey A. Vorobyov, bachelor, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, tibyov@yandex.ru

Tatiana V. Chaplya, Doctor of Culturology, Associate Professor, Professor, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, chap_70@mail.ru, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-9712-7478>

Статья поступила в редакцию: 17.03.2026

Одобрена после рецензирования: 21.04.2026

Принята к публикации: 28.04.2026

The article was submitted: 17.03.2026

Approved after reviewing: 21.04.2026

Accepted for publication: 28.04.2026

РАЗДЕЛ IV. ЮБИЛЕИ

PART IV. ANNIVERSARY

Культурно-антропологические исследования. 2026. № 2
Culture and anthropology research journal. 2026. № 2

Научная статья

УДК 008+37.01

«Каждый должен возделывать свой сад»:

Л. И. Дрёмова в профессии и в жизни

Тихомирова Елена Евгеньевна¹

¹Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу жизненного и профессионального пути Людмилы Ивановны Дрёмовой – кандидата исторических наук, доцента, первого заведующего кафедрой теории, истории культуры и музеологии Новосибирского государственного педагогического университета. На материале доклада, приуроченного к двойному юбилею НГПУ (90 лет) и кафедры (30 лет), реконструируется модель организации научно-образовательной среды, которую Л. И. Дрёмова реализовывала на протяжении трех десятилетий. Автор показывает, что ключевым принципом ее работы стал проектный подход, описываемый формулой «ум замыслил, чувства восприняли, руки сделали». В статье прослеживаются основные этапы становления кафедры в сложных условиях 1990-х годов, когда культурология как дисциплина создавалась за Уралом практически с нуля. Отдельное внимание уделяется стратегии подбора кадров, привлечению ведущих археологов и этнологов, а также внедрению преподавания древних, новых и восточных языков, что стало визитной карточкой кафедры. В статье подробно освещается международная деятельность Л. И. Дрёмовой: установление контактов с Шаньдунским педагогическим университетом (Китай) с 1994 года, сотрудничество с Хоккайдским университетом (Япония), организация музейных практик в Эрмитаже и Русском музее, совместные археологические экспедиции с польскими университетами. Особое место отводится анализу просветительской миссии ученого – от передвижной выставки «В начале было Слово...» до поездок с поездом «За духовное возрождение России» в 125 сел Новосибирской области и проектов для дошкольников. В качестве главного наследия Л. И. Дрёмовой рассматриваются не только ее научные труды, основанный ею журнал «Культурно-антропологические исследования» и рисованная карта Новосибирска, но и сообщество учеников, продолжающих развивать идеи межкультурного диалога. Делается вывод, что созданная ею образовательная экосистема, основанная на синтезе культурологического, семиотического и аксиологического знания, остается действующей и сегодня, что подтверждается юбилейными мероприятиями 2025 года.

Ключевые слова: культурология; педагогика; просвещение; международное сотрудничество; наследие; диалог культур

Для цитирования: Тихомирова Е. Е. «Каждый должен возделывать свой сад»: Л. И. Дрёмова в профессии и в жизни // Культурно-антропологические исследования. – 2026. – № 2. – С. 71–79.

Scientific article

**“Everyone Must Cultivate their Own Garden”:
L. I. Dryomova in Profession and Life**

Elena E. Tikhomirova¹

¹Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article analyzes the life and professional career of Lyudmila Ivanovna Dryomova – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, and the first head of the Department of Theory, History of Culture and Museology at Novosibirsk State Pedagogical University (NSPU). Drawing on a report delivered during the double anniversary of NSPU (90 years) and the department (30 years), the author reconstructs the model of academic and educational environment that Dryomova implemented over three decades. The study shows that the key principle of her work was a project-based approach, encapsulated by the formula: “the mind conceived, the feelings embraced, the hands made.” The article traces the main stages in the department’s formation during the challenging 1990s, when cultural studies as a discipline was being created beyond the Urals practically from scratch. Special attention is given to her strategy of recruiting talent – attracting leading archaeologists and ethnologists – as well as introducing the teaching of ancient, modern, and Eastern languages, which became the department’s hallmark. The article also thoroughly examines Dryomova’s international activities: establishing contacts with Shandong Normal University (China) since 1994, cooperation with Hokkaido University (Japan), organizing museum internships at the Hermitage and the Russian Museum, and joint archaeological expeditions with Polish universities. A particular focus is placed on her educational mission – from the travelling exhibition “In the Beginning Was the Word...” to trips on the “For the Spiritual Revival of Russia” train to 125 villages in the Novosibirsk region, as well as projects for preschool children. Dryomova’s main legacy is considered not only her scholarly works, the journal *Cultural and Anthropological Research journal* she founded, and the hand-drawn map of Novosibirsk, but also the community of her students who continue to develop the ideas of intercultural dialogue. The article concludes that the educational ecosystem she created, based on a synthesis of cultural, semiotic, and axiological knowledge, remains active today – as confirmed by the anniversary events of 2025.

Keywords: cultural studies; pedagogy; enlightenment; international cooperation; heritage; dialogue of cultures

For citation: Tikhomirova E. E. “Everyone must cultivate their own garden”: L. I. Dryomova in profession and life. *Culture and anthropology research journal*, 2026, no 2, pp. 71–79.

Празднование юбилея Л. И. Дрёмовой сопряжено и с другими памяtnыми датами. 2025 год стал годом двойного юбилея для Новосибирского государственного педагогического университета и одного из его старейших факультетов.

тетов – исторического факультета / Института истории, гуманитарного и социального образования. А 35 лет назад, 3 мая 1991 года, официально обрела статус одна из самых молодых и динамичных кафедр института – кафедра истории мировой культуры / кафедра теории, истории культуры и музеологии. Говоря об этих датах, мы неизменно обращаемся к личности, без которой невозможно представить становление культурологического образования не только в Новосибирске, но и за Уралом в целом. Мы говорим о Людмиле Ивановне Дрёмовой – кандидате исторических наук, доценте, первом заведующем кафедрой, ее бессменном вдохновителе и руководителе на протяжении трех десятилетий. Название доклада «Каждый должен возделывать свой сад» – это не просто поэтическая строка. Это точная формула того, как Людмила Ивановна строила и науку, и жизнь. Она умела задумать масштабный проект, заразить им окружающих – так, что «чувства воспринимали» его как свой собственный, а затем вместе, «руками» коллег и студентов, воплотить в реальность. Сегодня мы попытаемся проследить, как эта формула работала на протяжении всей ее жизни, и какое наследие она нам оставила.

Создание кафедры связано с особым контекстом, временем перемен, временем духовных исканий и прокладыванием новых путей в образовании. Конец 1980-х – начало 90-х годов прошлого века стало временем кардинальных перемен в системе высшего образования России. В учебные планы вузов начала входить новая дисциплина – культурология, наука с широким диапазоном междисциплинарных связей, призванная заполнить мировоззренческий вакуум и дать целостное представление о развитии человечества. Однако если в Москве и Ленинграде процесс шел относительно быстро, то за Уралом все приходилось создавать с нуля [7, с. 367].

Инициатором создания новой кафедры в Новосибирском педагогическом институте выступила небольшая группа энтузиастов. Все началось с заметки в газете «Народный учитель», написанной двумя молодыми преподавателями кафедры всеобщей истории – Аркадием Евгеньевичем Демидчиком и Андреем Владимировичем Запорожченко. Они призвали изучать не только социально-экономическую и политическую историю, но и историю мировой культуры. Эта идея оказалась созвучна настроениям доцента кафедры истории СССР Людмилы Ивановны Дрёмовой. Именно она взяла на себя организационную и административную нагрузку, объединив вокруг себя инициативную группу.

Людмила Ивановна обладала уникальным опытом и авторитетом. Ее добрые отношения с администрацией факультета и вуза позволили ускорить бюрократические процессы. Но главное – она умела подбирать людей. Как пишут ее коллеги, она всю жизнь занималась «собираательством и охотой» – поиском талантливых специалистов. Первым делом она привлекла к работе таких маститых ученых, как доктор исторических наук Татьяна Николаевна Троицкая и кандидат исторических наук Владимир Иванович Соболев. Их приход сразу задал высокую научную планку. Благодаря им были разработаны программы археологической и этнологической практик, начал издаваться бюллетень полевой археологической практики (выходивший с 2000 по 2014 год).

Особой удачей стало приглашение Андрея Павловича Бородовского, доктора исторических наук, главного научного сотрудника Института археологии и этнографии СО РАН. Людмила Ивановна сумела убедить его заняться организацией учебного процесса на кафедре. Именно тогда, в начале 2000-х, при кафедре была создана научная лаборатория «История, археология, культура», а студенты получили возможность выезжать на настоящие раскопки – на Северный Алтай, в Умревинский острог. Этот синтез академической науки и педагогической практики стал визитной карточкой кафедры [1, с. 12; 2].

Уже в 1990-е годы Людмила Ивановна заложила еще один важнейший принцип: изучение культуры неразрывно связано с изучением языков. Она понимала: чтобы понять культуру, нужно читать ее тексты на языке оригинала. Поэтому с самого начала на кафедре стали преподавать древние и новые языки, а позднее – восточные. Это был смелый шаг, ведь исторический факультет традиционно не был связан с преподаванием иностранных языков, но Людмила Ивановна сумела отстоять эту необходимость перед руководством.

Если первый этап становления кафедры был связан с внутренней организацией, то уже с 1994 года Людмила Ивановна разворачивает активнейшую международную деятельность. Она развивала идею, что язык должен прокладывать путь к пониманию культуры, он должен стать инструментом ее постижения. Отсюда выросло понимание выстраивания различных векторов международного сотрудничества и расширение его географии: от Западной Европы до Дальнего Востока.

Восточное направление: Китай. В 1994 году были установлены первые контакты с Шаньдунским государственным педагогическим университетом (город Цзинань). Людмила Ивановна не просто подписала договор – она отправилась туда преподавать и создавать мосты. Она организовала стажировки китайских преподавателей русского языка в Новосибирске. Все восемь преподавателей факультета русского языка Шаньдунского университета прошли обучение на нашей кафедре. Они стали не просто коллегами, а «кафедрой единомышленников» – так Людмила Ивановна называла их, приезжая в Китай вновь.

В 2010 году ей выпала удача прожить целый год в Китае. В своих воспоминаниях она писала, как впечатления складывались в единую картину дружбы и взаимопомощи. Плодом этой работы стало учебное пособие «Экскурсия на русском языке по провинции Шаньдун», написанное в соавторстве с китайскими коллегами. Под руководством Людмилы Ивановны две китайские магистрантки защитили диссертации по русской культуре. Ее доклад о русской культуре на конференции в Нанкине в 2017 году был встречен с огромным интересом.

Особенно трогательны отзывы китайских студентов, которые приводятся в статье памяти. Они писали в прощальных альбомах: *«Для нас вы уже не только преподаватель, но и друг, наша дорогая бабушка. С вами всегда радостно». «Вы энергичная, гостеприимная и добрая. Вы знаете много и много знаний. Я хочу стать таким человеком, как вы». «Вы дали нам много радости, кроме того вы научили нас много о России».*

Эти строки – лучшее подтверждение тому, что ее миссия была не формальной, а глубоко человеческой.

Восточное направление: Япония. В том же 1994 году началось сотрудничество с Хоккайдским государственным педагогическим университетом (Саппоро). Преподавание японского языка начал Пётр Эдуардович Подалко (ныне профессор университета Аояма Гакуин в Токио). Он заложил традицию «вхождения в культуру через живое слово». Позднее эту эстафету подхватили японские преподаватели – Аmano Касуми, а затем Дохи Рика (Дохи сэнсэй), которая работает на кафедре до сих пор. Культурные контакты с центром «Сибирь-Хоккайдо» позволили студентам встраиваться не только в языковую среду, но и в культурную жизнь сибирского мегаполиса, участвовать в совместных проектах [4, с. 27].

Западное направление: Европа. Людмила Ивановна и Андрей Владимирович Запороженченко стали инициаторами уникальных музейных практик в Санкт-Петербурге. Благодаря их личным связям, студенты получили доступ в Государственный Эрмитаж, Русский музей, Музей этнографии. Они слушали лекции корифеев отечественной культурологической мысли – Арона Яковлевича Гуревича, Галины Ивановны Зверевой, Владимира Соломоновича Библера, Георгия Степановича Кнабе. Эти поездки формировали мышление будущих культурологов, давали им возможность соприкоснуться с живой наукой.

Кроме того, были организованы совместные археологические экспедиции с участием студентов НГПУ и представителей Краковского и Ягеллонского университетов (Польша). Раскопки на юге Западной Сибири под руководством А. П. Бородавского стали примером настоящего международного научного сотрудничества.

Студенческая исследовательская лаборатория «Межкультурная коммуникация: Россия – Запад – Восток: восточный клуб» была попыткой, с одной стороны, снять оппозицию «Запад – Восток», изучая специфику национальных культур, а с другой – изучить и осмыслить эту оппозицию как основу русской культурной идентичности. Было очевидно, что «Запад и Восток» – это не просто два разных региона, а парная категория, которая описывает мировую культуру как поляризованное целое. Именно эта мысль стала ведущей в планировании и осуществлении работы возглавляемой Л. И. Дрёмовой кафедры и восточного клуба. С одной стороны, она подразумевает, что человеческая культура едина и состоит из этих двух начал. С другой стороны, она фиксирует их кардинальное различие, взаимное исключение и противоположность. Они существуют в состоянии «дополнительности»: одно всегда подразумевает другое, компенсируя его неполноту. Это диалектика единства и множественности, где контекстом для одного культурного текста всегда выступает противоположный. Важной стала оппозиция «Север – Юг», которая часто приходит на смену «Западу – Востоку», когда последняя кажется недостаточной. Так, в XVIII–XIX вв. [10, с. 127] Россия, построив «Северную Пальмиру» (Петербург, куда и направлялись студенты на практику в течение многих лет), мыслила себя именно Западом, но более северным, холодным и сдержанным вариантом

Европы. Главными событиями в работе восточного клуба стали Дни востока, Фестиваль русской песни «Далеко и близко от России – везде поют на русском языке» и, конечно, Международный фестиваль культур «Весна с Востока на Запад», который с 2012 года традиционно проводится на базе лаборатории. Этот фестиваль стал настоящим мостом между традициями, объединяя студентов, преподавателей и гостей в атмосфере дружбы и творчества. Также регулярно проводится международная студенческая конференция с выпуском сборника материалов, индексируемых в РИНЦ.

Просвещение вообще стало для Людмилы Ивановны миссией. Она несла ее везде: от аудитории до отдаленных сел. Людмила Ивановна часто повторяла: «Высшее образование – это просвещение». Для нее это означало, что знание не должно замыкаться в стенах университета, оно должно идти в люди. И она воплощала это в самых разных форматах. В 2012 году по инициативе Людмилы Ивановны, протоиерея отца Андрея (Фёдорова) и доцента В. Н. Сорокина родился уникальный передвижной выставочный проект «В начале было Слово...». Концепция выставки отражала эволюцию знака: от пиктографии и иероглифики через кириллицу к современной «новой пиктографии». Основную часть экспонатов предоставил отец Андрей, но огромное количество предметов создали сами студенты, школьники, преподаватели и энтузиасты. Студенты не просто наблюдали – они проектировали и монтировали выставку, становились экскурсоводами, объясняли посетителям, как из рисунков древних людей родилась письменность. Для школьников проводились познавательные игры-конкурсы на знание азбуки и мастер-классы по основам каллиграфии. Сами студенты в процессе подготовки углубленно изучали историю письма. Выставка материализовала идею диалога культур и поколений, превращая традиционную экспозицию в живое образовательное пространство.

При активном содействии Людмилы Ивановны появилась авторская рисованная карта Новосибирска, разработанная под руководством В. Н. Сорокина и архитектора А. Е. Гашенко. Карта получила Гран-при городского конкурса «Лучший сувенир Новосибирска» и была издана на русском, английском, немецком и китайском языках. Она транслирует образ города как комфортного и душевного места, населенного новаторами. Это проект, который продолжает жить и развиваться [5].

Людмила Ивановна неоднократно принимала участие в проектах поезда «За духовное возрождение России». Вместе со священниками, врачами, социальными работниками, артистами и учеными она объездила 125 сел в 19 районах Новосибирской области. Для нее это было современным проявлением соборности – когда интеллигенция и церковь объединяются, чтобы нести культуру и помощь людям в отдаленные уголки.

По ее инициативе на историческом факультете стали проводиться Рождественские чтения. Позднее эта традиция вышла за пределы вуза: студенты, подготовленные на занятиях по русской православной культуре, выезжали с сообщениями в школы и библиотеки Новосибирска и Бердска.

Особого внимания заслуживает проект в детском саду № 8 «Солнышко» в Бердске под названием «Дружат дети всей Земли!». Людмила Ивановна вместе с Дохи сэнсэй, иностранными студентами и магистрантами НГПУ ежемесячно проводила там тематические занятия, посвященные Дню славянской письменности, полету Гагарина, знакомила детей с традиционной китайской культурой и народными ремеслами. Это была настоящая инклюзивная педагогика, формирующая межкультурную толерантность с самого раннего возраста.

Наследие: то, что продолжает жить. Жизнь Людмилы Ивановны оборвалась, но созданная ею вселенная продолжает расширяться. Наследие, которое она оставила, многогранно. Людмила Ивановна много писала о культуре. Ее статьи и учебные пособия поражают широтой мысли, отсутствием идеологической заданности и глубиной. Она рассматривала историю человечества как диалог в веках, а культуру – как деятельность людей во времени. Среди ее работ – учебное пособие «Коммуникативные функции культуры» (в соавторстве с Е. Е. Тихомировой) [9], статьи о русских концептах «храм, икона, колокол» [6], о культурных кодах православной культуры [8]. Ее последняя статья вышла уже посмертно в журнале, который она помогала создавать.

В 2009 году при поддержке доктора философских наук Н. В. Исаковой и Л. И. Дрёмовой был основан журнал «Культурно-антропологические исследования». Он стал платформой для интеграции гуманитарных наук, местом рефлексии над миссией кафедры. В мае 2025 года вышел праздничный выпуск, посвященный 100-летию Т. Н. Троицкой, и в этом же номере – память о Людмиле Ивановне.

Главное наследие – это люди. Сегодня кафедру возглавляет кандидат культурологии Елена Евгеньевна Тихомирова, которая начинала как преподаватель русского языка китайским студентам еще в 1994 году. Профессор Татьяна Витальевна Чапля развивает аксиологическое направление. Доценты В. В. Видеркер, М. В. Калюжнова, А. Н. Чистякова продолжают традиции изучения восточных языков и культур. А. Н. Чистякова, например, ежегодно входит в жюри Всемирного конкурса по китайскому языку «Китайский язык – это мост». М. В. Калюжнова работала переводчиком на высшем уровне на ПМЭФ-2018, демонстрируя студентам вершины профессионализма.

Выпускники кафедры работают в школах и вузах, преподают русский язык японским и китайским студентам, становясь культурными посредниками. В этом и заключается главный результат проектной деятельности, задуманной Людмилой Ивановной: воспроизводство сообщества людей, способных к диалогу.

В мае 2025 года в рамках юбилейных торжеств кафедрой была проведена «Педагогическая гостиная», посвященная памяти Людмилы Ивановны Дрёмовой. Это был инновационный формат встречи, где возрождались традиции и передавался профессиональный опыт. Такие события показывают, что интерес к ее личности и идеям не угасает.

Подводя итог, следует подчеркнуть: метод проектов, который сегодня системно реализуется кафедрой – от археологических экспедиций до междуна-

родных фестивалей – это прямое продолжение ее подхода. Она доказала, что интеграция культурологического, семиотического и аксиологического знания возможна только тогда, когда в основе лежит искренний интерес к Другому, будь то студент из Китая или первокурсник из сибирского села.

«Ум замыслил, чувства восприняли, руки сделали». Эти слова точно описывают ее жизнь. Она умела замыслить будущее, заразить им окружающих, и вместе они воплощали это будущее в реальность. И сегодня, глядя на то, как живет и развивается кафедра, мы можем сказать: замысел удался. И дело продолжается.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Бородовский А. П.** Археологические практики студентов ИИГСО НГПУ на Северном Алтае. – Новосибирск: НГПУ, 2010. – 32 с.
2. Бюллетень полевой археологической практики студентов исторического факультета. Вып. № 1–14. / ред.-сост. А. П. Бородовский. – Новосибирск: НГПУ, 2000–2014.
3. **Демидчик А. Е.** Мировая художественная культура: художественная культура древнего и средневекового Востока: учебно-методический комплекс. – Новосибирск: НГПУ, 2014. – 95 с.
4. **Калюжнова М. В.** Из опыта проведения педагогической практики по специальности «Восточный язык» // Вестник педагогических инноваций. – 2010. – № 4. – С. 24–33.
5. **Сорокин В. Н., Гашенко А. Е.** Опыт разработки авторской историко-культурной карты современного города (на примере Новосибирска) // Баландинские чтения. – 2014. – Т. 9, № 3. – С. 320–325.
6. **Дрёмова Л. И.** Русские концепты «храм», «икона», «колокол» // Исследования по русистике в новую эпоху: сборник статей по материалам международной научной конференции. – Нанкин, 2018. – С. 139–148.
7. **Дрёмова Л. И.** Пришло время культуры // Мир культуры и культурология: альманах Научно-образовательного культурологического общества России. – СПб., 2018. – С. 366–373
8. **Дрёмова Л. И.** Культурные коды русской православной культуры // Дела и дни: Сибирь, Россия, мир в исследовательском и образовательном пространстве: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти профессора Е. И. Соловьевой / под ред. В. А. Зверева. – 2017. – С. 148–153.
9. **Тихомирова Е. Е., Дрёмова Л. И.** Коммуникативные функции культуры: учебное пособие. – Новосибирск: НГПУ, 2014. – 246 с.
10. **Тихомирова Е. Е., Чапля Т. В.** Модели коммуникации: в 2 т. – Новосибирск: НГПУ, 2013. – 317 с.

REFERENCES

1. Borodovsky A. P. Archaeological Field Practice of Students of the Institute of History, Humanities and Social Education (IIHGSO), NSPU, in the Northern Altai. Novosibirsk: NSPU, 2010, 32 p. (In Russian)
2. Borodovsky A. P. (ed.-comp.). Bulletin of Field Archaeological Practice of Students of the Faculty of History. Issues No. 1–14. Novosibirsk: NSPU, 2000–2014. (In Russian)
3. Demidchik A. E. World Art Culture: Artistic Culture of the Ancient and Medieval East: An Educational and Methodological Package. Novosibirsk: NSPU, 2014, 95 p. (In Russian)
4. Kalyuzhnova M. V. From the Experience of Teaching Practice in the Specialty Eastern Language. *Bulletin of Pedagogical Innovations*, 2010, no. 4, pp. 24–33. (In Russian)
5. Sorokin V. N., Gashenko A. E. Experience in Developing an Original Historical-Cultural Map of a Modern City (the Case of Novosibirsk). *Balandin Readings*, 2014, vol. 9, no. 3, pp. 320–325. (In Russian)
6. Dryomova L. I. Russian Concepts of 'Temple', 'Icon', and 'Bell'. *Studies in Russian Studies in a New Era*. Collection of articles based on proceedings of an international scientific conference. Nanjing, 2018, pp. 139–148. (In Russian)

7. Dryomova L. I. The Time for Culture Has Come. *World of Culture and Cultural Studies*. Almanac of the Scientific-Educational Cultural Studies Society of Russia. St. Petersburg, 2018, pp. 366–373. (In Russian)
8. Dryomova L. I. Cultural Codes of Russian Orthodox Culture. *Deeds and Days: Siberia, Russia, the World in Research and Educational Space*. Proceedings of the All-Russian Scientific-Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of Professor E. I. Solovyova. Edited by V. A. Zverev, 2017, pp. 148–153. (In Russian)
9. Tikhomirova E. E., Dryomova L. I. Communicative Functions of Culture: A Textbook. Novosibirsk: NSPU, 2014, 246 p. (In Russian)
10. Tikhomirova E. E., Chaplia T. V. Models of Communication: in 2 vols. Novosibirsk: NSPU, 2013, 317 p. (In Russian)

Информация об авторе

Е. Е. Тихомирова, кандидат культурологии, доцент, заведующий кафедрой теории, истории культуры и музеологии, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, imktikhomirova@mail.ru, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-1656-521X>

Information about the author

E. E. Tikhomirova, Candidate of Culturology, Associate Professor, Head of Department of Theory, History of Culture and Museology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, imktikhomirova@mail.ru, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-1656-521X>

Статья поступила в редакцию: 10.03.2026

Одобрена после рецензирования: 20.04.2026

Принята к публикации: 20.04.2026

The article was submitted: 10.03.2026

Approved after reviewing: 20.04.2026

Accepted for publication: 20.04.2026

Научная статья
УДК 008:72(571.14)

Годы взаимодействия с Л. И. Дрёмовой

Катионов Олег Николаевич¹

¹Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья представляет собой развернутое личное свидетельство о многолетнем сотрудничестве с Людмилой Ивановной Дрёмовой – преподавателем, ученым и организатором высшей школы. Текст охватывает период с 1970 по 2015 год и основан на архивных документах, выписках из приказов, отчетах и личных воспоминаниях автора. В первой части описывается знакомство с Л. И. Дрёмовой в 1970 году, когда она работала лаборантом, а затем куратором студенческой группы. Подробно прослеживается ее профессиональный путь: от лаборанта до ассистента, обучение в целевой аспирантуре МГУ под руководством профессора М. Е. Найденова, защита кандидатской диссертации. Отдельное внимание уделяется возвращению в Новосибирский педагогический институт, работе ассистентом, старшим преподавателем, а затем – заведующей кафедрой истории СССР. В докладе зафиксированы этапы ее административной карьеры: заместитель декана, декан исторического факультета. Показана роль Л. И. Дрёмовой в формировании нового для вуза направления – преподавания истории русской и мировой культуры, которое привело к созданию в 1991 году кафедры истории мировой культуры (впоследствии – теории, истории культуры и музеологии), бессменным руководителем которой она оставалась четверть века. Автор акцентирует внимание на личных качествах Л. И. Дрёмовой. Текст содержит ценный фактологический материал по истории педагогического образования в Сибири, вузовской повседневности и научных школ.

Ключевые слова: Л. И. Дрёмова; история СССР; педагогическое образование; кафедра истории культуры; Новосибирский педагогический институт; научная биография

Для цитирования: Катионов О. Н. Годы взаимодействия с Л. И. Дрёмовой // Культурно-антропологические исследования. – 2026. – № 2. – С. 80–100.

Scientific article

Years of Collaboration with L. I. Dryomova

Oleg N. Kationov¹

¹Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. This article presents an extensive personal account of long-term collaboration with Lyudmila Ivanovna Dryomova – a teacher, scholar, and administrator in higher education. The narrative spans the period from 1970 to 2015 and is based on archival documents, extracts from institutional orders, reports, and the author's personal recollections. The first part describes the author's acquaintance with L. I. Dryomova in

1970, when she worked as a laboratory assistant and later as a student group supervisor. Her professional trajectory is traced in detail: from laboratory assistant to teaching assistant, her enrollment in targeted doctoral studies at Moscow State University under Professor M. E. Naidenov, and the defense of her candidate's dissertation. Special attention is devoted to her return to the Novosibirsk Pedagogical Institute, where she worked as a teaching assistant, senior lecturer, and subsequently as head of the Department of History of the USSR. The paper documents the stages of her administrative career: deputy dean and dean of the Faculty of History. It highlights L. I. Dryomova's role in developing a new academic direction for the institution – the teaching of Russian and world cultural history – which led, in 1991, to the establishment of the Department of History of World Culture (later renamed the Department of Theory and History of Culture and Museology), where she served as permanent head for a quarter of a century. The author emphasizes L. I. Dryomova's personal qualities. The text offers valuable factual material on the history of teacher education in Siberia, academic everyday life, and scholarly traditions.

Keywords: L. I. Dryomova; History of the USSR; teacher education; Department of Cultural History; Novosibirsk Pedagogical Institute; scholarly biography

For citation: Kationov O. N. Years of collaboration with L. I. Dryomova. *Culture and anthropology research journal*, 2026, no. 2, pp. 80–100.

Институту истории, гуманитарного и социального образования есть чем гордиться: докторами и кандидатами наук, специалистами в области значимых и редких дисциплин, совместителями, студентами и выпускниками, многие из которых – заслуженные учителя, ученые, видные чиновники. А еще мы гордимся своей историей. Историей, в которой одно из заметных и почетных мест занимает Людмила Ивановна Дрёмова [1, с. 31].

Знакомство и начало сотрудничества. Впервые узнал, увидел Людмилу Ивановну Дрёмову в 1970 г., т. е. 55 лет тому назад, в качестве куратора студенческой группы № 5 первого курса историко-педагогического факультета. В тот период она работала лаборантом кафедры всеобщей истории историко-педагогического факультета. На факультете было 4 группы студентов филологов и 2 группы историков. Моя группа имела номер 6 и куратором к нам была прикреплена Татьяна Николаевна Троицкая. Если учесть, что Татьяна Николаевна была 1925 г. рождения, то на тот момент ей было всего 45 лет. Она казалась мне, 17-летнему пареньку, очень возрастной дамой. А Л. И. Дрёмовой в то время было, учитывая 1946 год ее рождения, 24 года. Ею курируемые студенты, особенно парни, были примерно такого же возраста – 1946–1950 гг. рождения. Поэтому некоторые звали ее просто Людой. Например, В. И. Соболев или староста группы Михаил Горбунов. Дело в том, что поступление на историческое отделение истфила проходило при серьезном отборе. Чтобы поступить, надо было иметь стаж трудовой деятельности или службы в Советской Армии. Так как в стране действовала 11-летка, завершавшаяся в 1968 г., уступив место 10-летке, то многие ребята после 10-летки, не поступив с первого раза, шли работать, а потом в армию. Придя из нее, имели за плечами год-два стажа и 2–3 года армейской службы. А те, кто окончил 11-летку, либо сразу шли в армию, либо, немного поработав, тоже в нее же на три года, но затем был срок

службы сокращен до 2 лет, а попавшие на переходный период от трех до двух, служили 2,5 года. Поэтому Людмиле Ивановне пришлось действовать, занимаясь кураторской работой, с людьми опытными. Девушки же тоже имели стаж пионерской или комсомольской работы в школе или в иных комсомольских организациях, и поступали на наше отделение, имея путевки-рекомендации обкомов комсомолов или республик. Отделение истфака рассматривалось компартией как идеологическое, и многие шли учиться на историков в карьерных целях трудоустройства по окончании в комсомольские или партийные органы. Я же поступил как кандидат, не выдержав конкуренции со стороны стажистов и армейцев. Кандидат после первой сессии, если сдавал все предметы на отлично, переводился в число студентов, а не сдавших сессию отчисляли, лояльно относясь к армейцам, давая им шанс на пересдачу, если имели более трех долгов.

Нашей группе относительно кураторства повезло больше. Татьяна Николаевна в течение 5 лет имела к нам доброе отношение, считая нашу группу одной из лучших за все время работы в НГПИ, по разным качествам – сплоченности, нацеленности на учебную деятельность, ответственности, дружелюбию. Пятая группа ничем от нас не отличалась, потому что мы все рассматривали наш курс как единое целое. И поэтому дружба возникала в межгрупповом общении. После вуза у меня сохранились дружеские отношения с ребятами из обеих групп. А друзьями стали ребята из 5-й группы – В. И. Соболев и С. А. Тихонов.

Кем была Л. И. Дрёмова до времени кураторства? Студентка. В 1969 г. окончила институт по специальности «история и педагогика» и решением ГЭК ей была присвоена квалификация учителя истории и обществоведения средней школы (рис. 1). В 1965 г. поступила, в 1969 г. окончила. То есть обучение в НГПИ на историческом отделении продолжалось 4 года. Во время моего поступления в 1970 г. обучение велось 5 лет, потому что нам прибавили вторую специальность: методист по пионерской и комсомольской работе.

В копии диплома Людмилы Ивановны встречаем интересный факт: председателем Государственной экзаменационной комиссии являлся доцент, зав. кафедрой всеобщей истории А. М. Шиндин, т. е. преподаватель нашего же факультета. У нас в 1975 г. председателем ГЭК был уже преподаватель «со стороны» из «Водного» института Гай Аполлинарьевич Титов, зав. кафедрой марксизма-ленинизма.

С 9 сентября 1969 г. Людмила Ивановна была принята на должность лаборанта кафедры всеобщей истории НГПИ и с декабря 1970 г. ей разрешили проводить занятия по истории СССР на подготовительном отделении (на условиях почасовой оплаты), а с 13 июля 1971 г. включили экзаменатором для приема вступительных экзаменов по истории СССР на ОЗО.

С 15 октября 1971 г. Л. И. Дрёмова переведена на должность ассистента кафедры истории СССР на основании докладной зав. кафедрой истории СССР Е. И. Соловьевой и согласия проректора по учебной работе М. А. Золотова. Выписка из приказа о замещении Л. И. Дрёмовой временно отсутствующего Виктора Фомича Цыбы говорит о привлечении ее к ведению занятий по истории СССР периода феодализма, т. е. древнерусской истории у студентов I курса поступле-

ния 1971 г. – курса, идущего за нашим, где учился будущий доцент, кандидат исторических наук, ведущий не одно десятилетие этот курс древней истории Руси, В. С. Елагин. Л. И. Дрёмова набиралась не только опыта, но и знаний для поступления в аспирантуру (рис. 2).

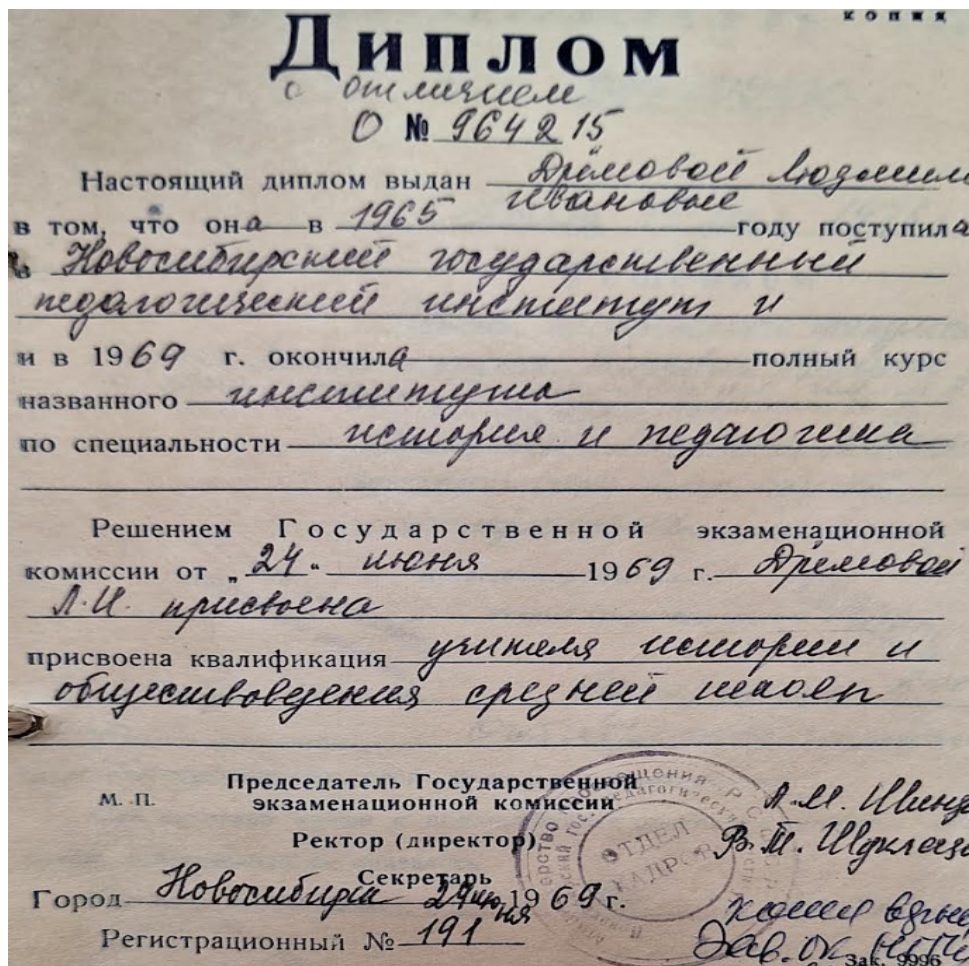

Рис. 1. Диплом с отличием Л. И. Дрёмовой

Текст другой выписки из приказа по НГПИ подтверждает факт того, что Л. И. Дрёмова принималась в 1971 г. на должность ассистента временно. Здесь ей для сохранения трудового педагогического стажа требовалось проработать не менее 240 часов на условиях почасовой оплаты (рис. 3). Подписывала заявление и. о. зав. кафедрой Л. И. Ушакова, читавшая курс русской истории XIX – начала XX в. (специалист по народничеству, на пенсию ушла уже из консерватории).

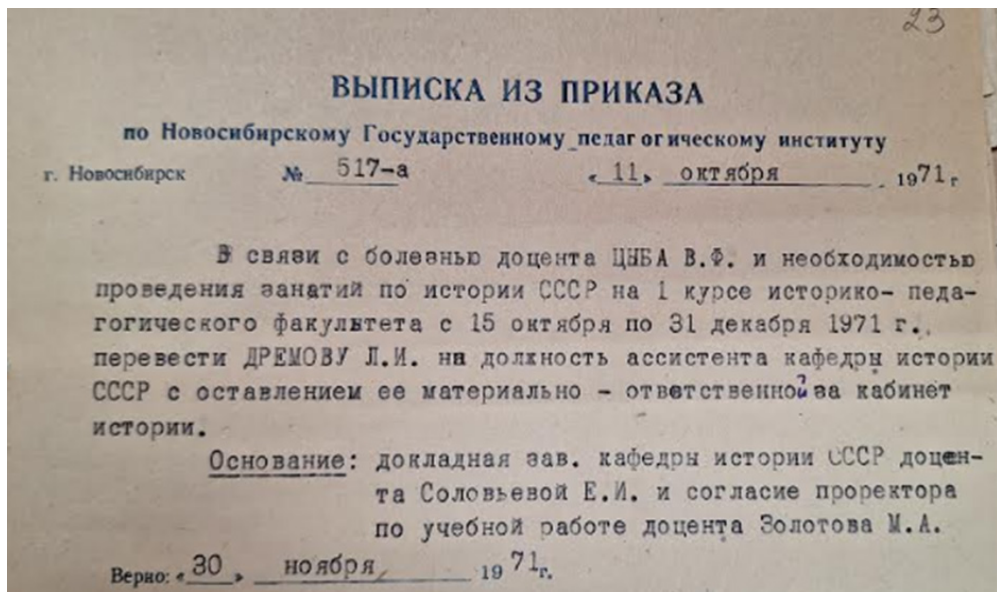

Рис. 2. Документ о начале преподавательской работы в качестве ассистента. Личное дело Л. И. Дрёмовой. Отдел кадров НГПУ

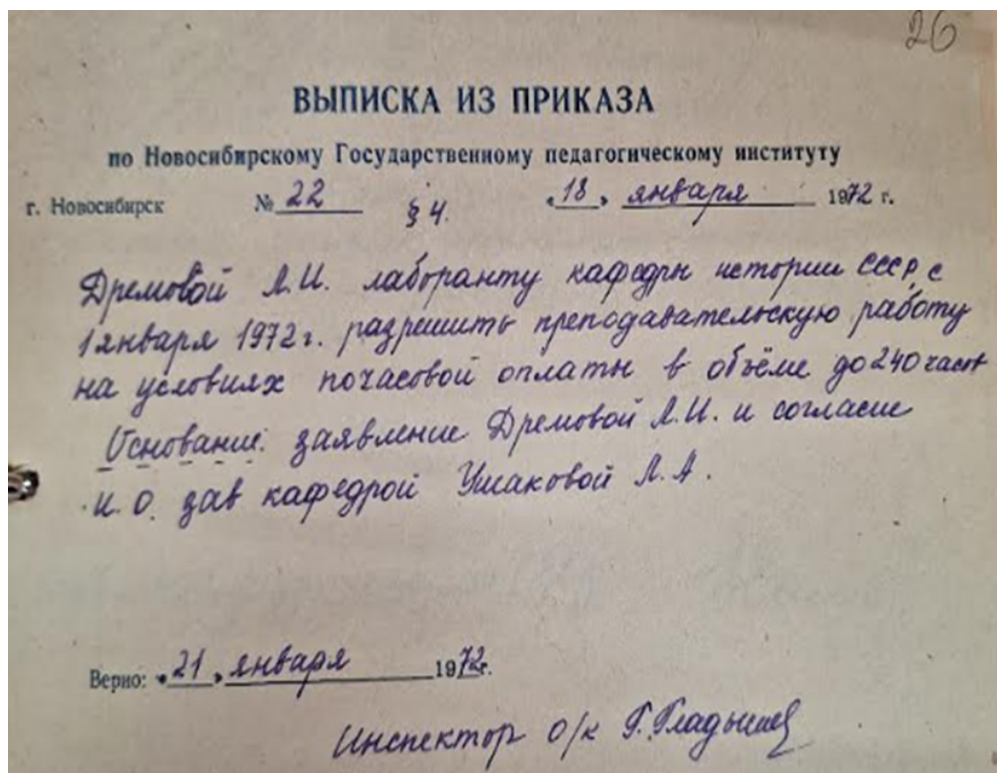

Рис. 3. Выписка из приказа по НГПИ о временном устройстве на должность ассистента кафедры истории СССР Л. И. Дрёмовой на условиях почасовой оплаты

Следующий документ (рис. 4) свидетельствует о периодическом устройстве Л. И. Дрёмовой на кафедру истории СССР. Заявление подписано зав. кафедрой Е. И. Соловьевой и ректором НГПИ В. Т. Шуклецовым. Время работы с июня 1972 по 1 октября 1972 г. Объяснить это можно решением вопроса о ближайшем поступлении в аспирантуру МГУ.

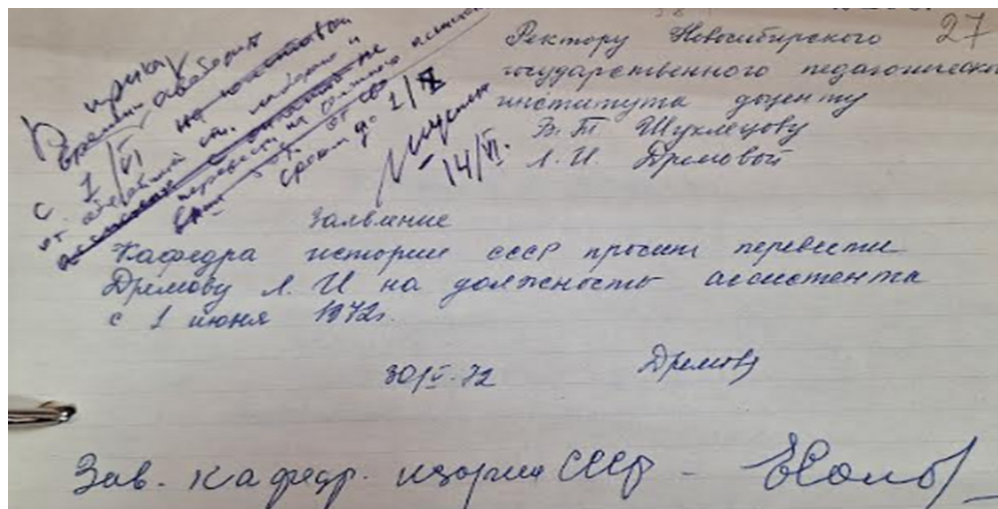

Рис. 4. Заявление Л. И. Дрёмовой о переводе на должность ассистента кафедры истории СССР с визой ректора НГПИ В. Т. Шуклецова

Перерыв в общении. Данные из личного дела Л. И. Дрёмовой. Время обучения в аспирантуре МГУ.

Людмила Ивановна куратором 5 группы нашего отделения историков-педагогов была до поступления в аспирантуру при МГУ. Произошло это в 1972 г. С 16 ноября 1972 г. она была уволена из института в связи с поступлением в очную целевую аспирантуру Московского государственного университета (МГУ) им. М. В. Ломоносова по специальности «История СССР советский период».

Однако все происходило не так просто – взяла и поступила.

Во-первых, надо было получить целевое место для зачисления в аспирантуру, предварительно сдав вступительные экзамены. Во-вторых, для этого надо найти время. Документы свидетельствуют, что время использовалось, в том числе и личное.

20 июня 1972 из Главного Управления вузов Министерства просвещения РСФСР пришел вызов о командировании Л. И. Дрёмовой в Москву в целевую аспирантуру при МГУ им. М. В. Ломоносова по специальности «История СССР» с 5 сентября 1972 г. Основанием приказа о командировании послужило также согласие проректора по научной работе Николая Лаврентьевича Могилы, кандидата исторических наук, доцента кафедры истории КПСС. То есть ректорат предварительно посылал заявку для предоставления места в целевую аспирантуру в ГУВуз МП РСФСР и ждал ответа.

Заявление Л. И. Дрёмовой о необходимости командировки в Москву (рис. 5).

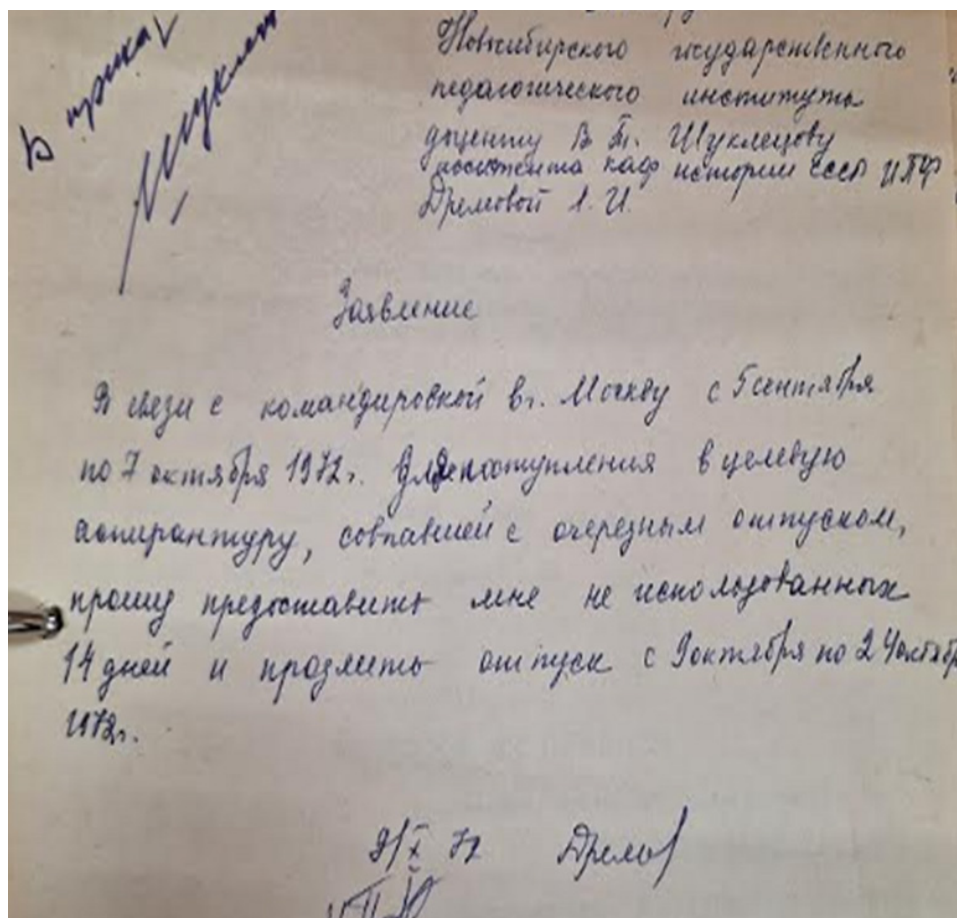

Рис. 5. Заявление Л. И. Дрёмовой о необходимости командировки в Москву

Л. И. Дрёмова взяла отпуск для сдачи экзаменов в аспирантуру с 20 сентября по 8 октября 1972 г. (рис. 6). Обязанности декана тогда исполняла Раиса Захаровна Тюленева, которая вела у нас курс всеобщей истории новейшего времени. Ее муж – летчик, Герой Советского Союза.

Получив приказ об отпуске, Л. И. Дрёмова пишет заявление о продлении срока отпуска (рис. 7).

Целевая аспирантура – форма подготовки кадров для вузов в вузах, имевших целевые, выделенные государством места. В том числе и специального назначения, т. е. по определенной программе. Например, по новейшей истории СССР.

Документы об обучении Л. И. Дрёмовой в МГУ позволяют уточнить состав научных руководителей Людмилы Ивановны (рис. 8).

Научным руководителем Л. И. Дрёмовой был профессор МГУ Михаил Емельянович Найденов, участник Великой Отечественной войны, награжденный орденом Ленина, потерявший зрение в бою; окончил МГУ, профессор кафедры

истории СССР советского периода / отечественной истории XX–XXI вв. исторического факультета МГУ (1918–2007).

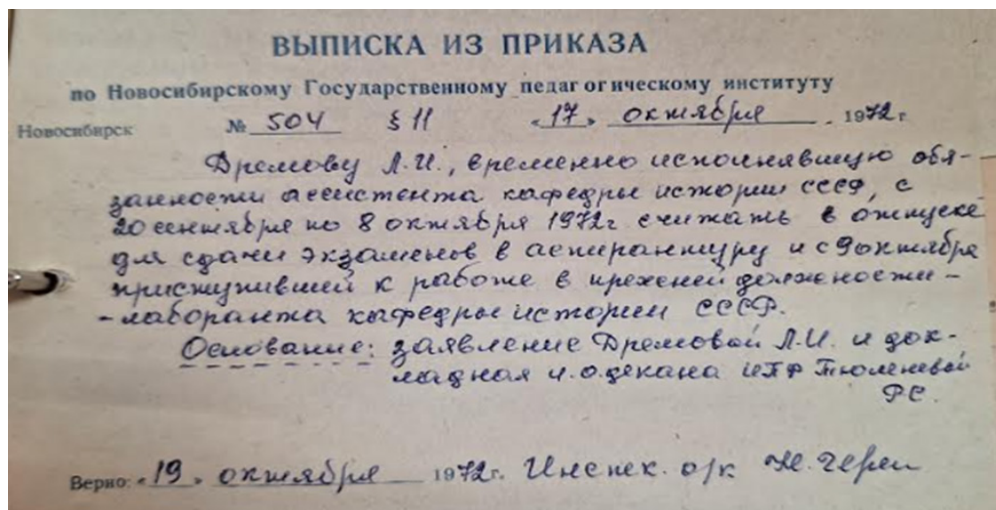

Рис. 6. Выписка из приказа по НГПИ об отпуске Л. И. Дрёмовой в связи со сдачей кандидатских экзаменов

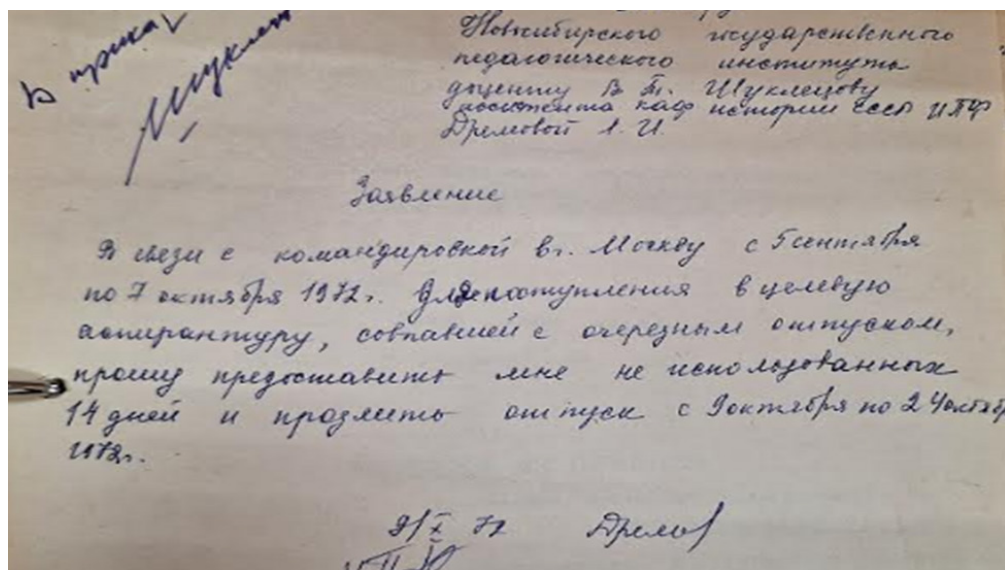

Рис. 7. Заявление о продлении срока отпуска

Документ-удостоверение об окончании аспирантуры МГУ в 1975 г. по специальности «История СССР» выдан на серенькой узкой бумаге (рис. 9). В нем сказано: направляется в распоряжение Новосибирского пединститута для работы в должности согласно штатному расписанию. А по штатному расписанию Л. И. Дрёмова была ассистентом кафедры истории СССР.

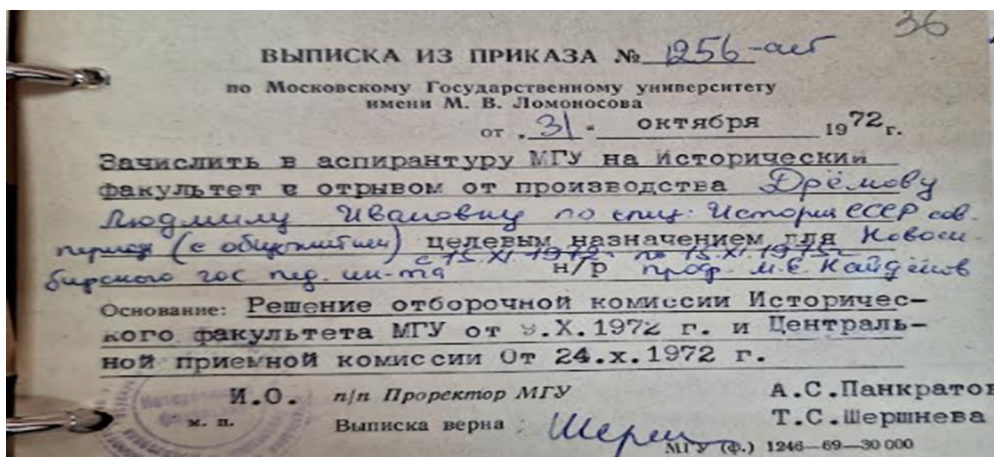

Рис. 8. Выписка из приказа по МГУ с указанием руководителя кандидатской диссертации Л. И. Дрёмовой

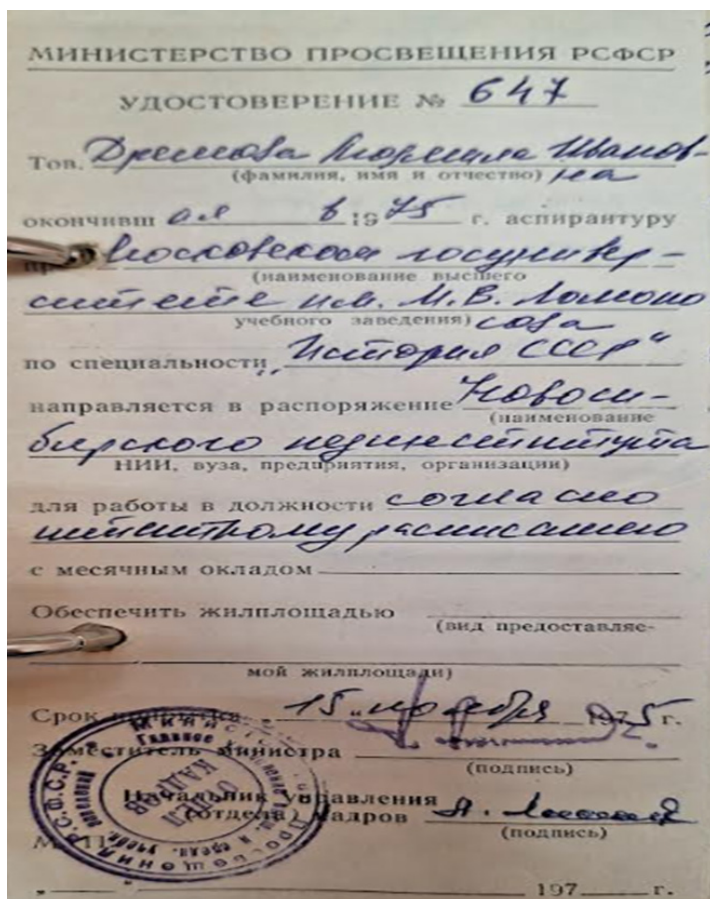

Рис. 9. Документ-удостоверение об окончании аспирантуры МГУ в 1975 г. по специальности «История СССР»

16 декабря 1975 г. Л. И. Дрёмова защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Хозяйственная реформа и крестьянство (к вопросу о влиянии аграрной политики КПСС на социальное развитие колхозной деревни РСФСР в 1965–1975 гг.)».

Данная информация свидетельствует о том, что Л. И. Дрёмова работала в русле научной темы кафедры истории СССР по истории крестьянства Сибири. Крестьянство являлось с точки зрения марксистско-ленинской теории союзником пролетариата в борьбе за построение социализма, а в годы развитого социализма одним из классов социалистического общества, формировавшим материально-техническую базу социализма.

Защита диссертации в то время сразу давала возможность повысить личный бюджет. Вместо 125 рублей ассистента и 145 руб. старшего преподавателя можно было получать 175 руб., имея кандидатскую степень и работая ассистентом – с 19 мая 1976 г. (рис. 10).

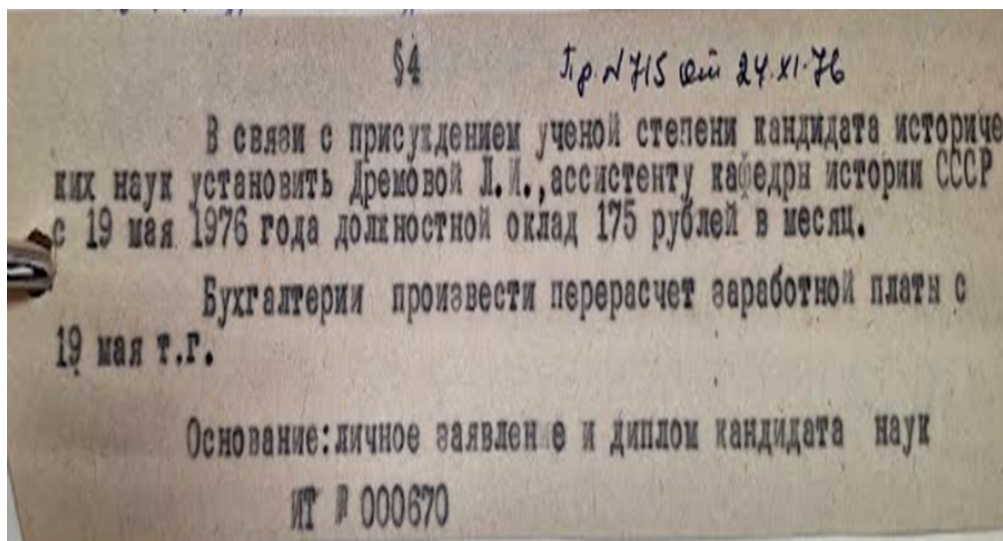

Рис. 10. Выписка из приказа по НГПИ об установлении должностного оклада Л. И. Дрёмовой

На заседании кафедры истории СССР 12 ноября 1976 г. обсуждался отчет ассистента кафедры Л. И. Дрёмовой.

Из отчета: «Работаю ассистентом кафедры с января 1976 г. Прделана следующая работа»: 1) учебно-методическая: разработаны курсы по истории русской и советской культуры – 100 часов для 5 курса; разработан лекционный курс по истории СССР советского периода; новая тематика семинарских занятий по истории СССР советского периода; и др. (Обратим внимание на то, что Л. И. Дрёмова уже на кафедре истории СССР основательно начинает заниматься историей русской и советской культуры, что послужило одним из оснований для формирования кафедры истории культуры через 15 лет в 1991 г.); 2) научная работа в русле тематики диссертационного исследования – участие

в 2 конференциях и симпозиумах по истории советского крестьянства (культурное развитие города и деревни и социальная дифференциация крестьянства) в Томске и Барнауле; 3) общественная и воспитательная работа: член партбюро (культурно-массовая работа), куратор 34 группы, организация митинга, посвященного 60-летию Луиса Корвалана, торжественная линейка, посвященная Дню учителя (первое воскресенье октября), музыкально-литературный вечер, посвященный 102-й годовщине Н. Рериха, и др.

При обсуждении отчета коллеги отметили подготовленность как преподавателя, научную работу, хорошую теоретическую подготовку, дисциплинированность, организаторский талант.

Кафедра рекомендовала Л. И. Дрёмову к избранию на должность старшего преподавателя.

После избрания на должность старшего преподавателя кафедры истории СССР зарплата Л. И. Дрёмовой была повышена до 250 рублей. Для того времени это было уже неплохо.

В 1977 г. Л. И. Дрёмову назначают заместителем декана истпеда (рис. 11).

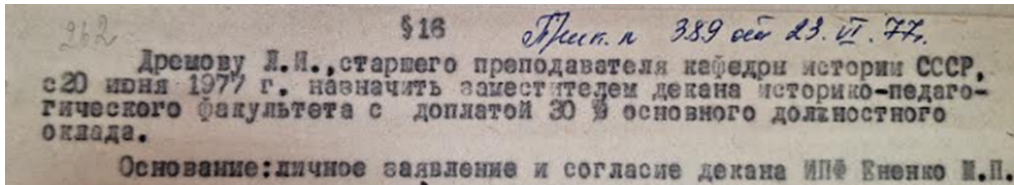

Рис. 11. Выписка из приказа по НГПИ о назначении Л. И. Дрёмовой заместителем декана историко-педагогического факультета

В приказе мы видим согласие М. П. Яненко. Михаил Петрович Ененко являлся деканом историко-педагогического факультета с конца 1974 г. Кандидат исторических наук, вел курс по истории стран Азии и Африки [2, с. 18].

Начало моего сотрудничества с Л. И. Дрёмовой. Предыдущие годы – это годы знакомства с Л. И. Дрёмовой, а с 1977 г. – начало сотрудничества.

Обратим внимание на дату назначения Л. И. Дрёмовой – июнь 1977 г. К этому времени я заканчивал работу в Репьевской средней школе Тогучинского района, у меня был 10-й выпускной класс. После чего я собрался работать в НГПИ на кафедре истории СССР по приглашению заведующей кафедрой Екатерины Ивановны Соловьевой. В конце августа я прибыл в наш институт и у входа встретил Людмилу Ивановну. Состоялся диалог: – К нам? – Да, к вам. – Хорошо, идем к Екатерине Ивановне. Екатерина Ивановна обрадовалась моему появлению, но вакантное место занято. Было предложено подождать год, а в 1978 г., когда появится место, меня обещали принять на работу на кафедру. В разочарованных чувствах собрался уходить, но тут Людмила Ивановна как зам. декана, бывшая в курсе разных кадровых передвижений, обратила мое внимание на кабинет философии и научного коммунизма, заведующая которого ушла в декретный отпуск. Если поработать на этом месте год, то к следующему появится и вакансия на кафедре истории СССР. Так и порешили. Только требовалось согласие двух заведующих кафедрами философии и научного коммунизма, в ведении

которых находился кабинет: М. Г. Федоров – зав. кафедрой философии сразу согласился, так как знал меня со студенчества, а И. П. Мусаткин целый месяц не соглашался, считая, что данную должность обязан занимать член КПСС, а я был комсомольцем. В конце концов согласился. Год поработал, за это время сдал два кандидатских минимума по философии и иностранному языку, проводил занятия по философии и научному коммунизму за заболевших преподавателей. И. П. Мусаткин даже настойчиво предлагал ехать учиться в Москву в аспирантуру по научному коммунизму. Пришлось отказаться довольно категорически. Не моя это тема. И к приходу на кафедру в сентябре 1978 г. был готов вести занятия, но не предполагал, что разнообразие их будет достаточным. Так, пришлось вести советское право, семинарские занятия по истории СССР периода капитализма и социализма за лекторами И. В. Островским и Е. И. Соловьевой и на дневном, и на заочном отделении. Советское право пришлось изучать самостоятельно, так оно было закреплено за кафедрой истории СССР. Учился у лекторов-совместителей Б. Л. Борисова, специалиста по уголовному праву, кандидата юридических наук Бусырева, сидеть в ГПНТБ, изучая работы теоретика права С. С. Алексеева и др. Освоившись, стал читать лекции на всех факультетах, так как советское право было обязательным курсом для всех студентов 5-х курсов НГПИ.

Людмила Ивановна в это время, поработав год заместителем декана, пишет заявление об освобождении от этой должности. Что же произошло?

С августа 1978 г. Екатерина Ивановна Соловьева назначается проректором НГПИ по научной работе. Появляется вакансия заведующей и она была предложена Людмиле Ивановне (рис. 12а, 12б). Таким образом, Людмила Ивановна становится моим непосредственным начальником и коллегой [3].

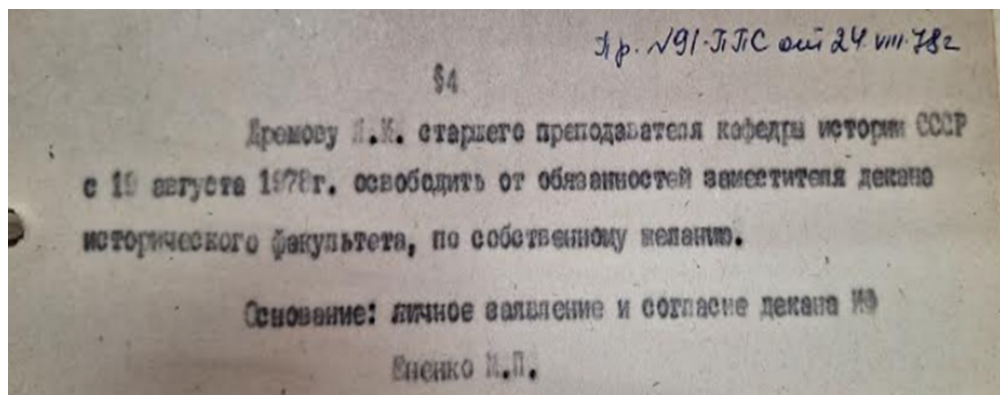

Рис. 12а. Выписка из приказа по НГПИ об освобождении Л. И. Дрёмовой от обязанностей заместителя декана исторического факультета

Быстро были проведены выборы Людмилы Ивановны на совете НГПИ и с 11 сентября 1978 г. она считалась зав. кафедрой. Это были годы моей напряженной работы: ведение занятий, подготовка к сдаче кандидатского минимума по истории СССР для поступления в аспирантуру в 1979 г. Людмила Ивановна, как зав. кафедрой, помогала и методически, и практически в организации

учебной и общественной работы, в качестве куратора и в других вопросах. Как зав. кафедрой уделяла много внимания сплочиванию коллектива. С этого момента она становится для меня и товарищей еще и ангелом-хранителем нашего здоровья. Интересуется бытовыми вопросами, помогает литературой. Все годы сотрудничества оказывала медицинскую помощь сначала через мужа Юрия Ивановича, а затем через сына Егора. Оба были и являются хирургами высшей квалификации. Дружба Людмилы Ивановны с врачами 2-й скорой позволяла всем нам получать неотложную бескорыстную помощь в то дефицитно-медицинское время.

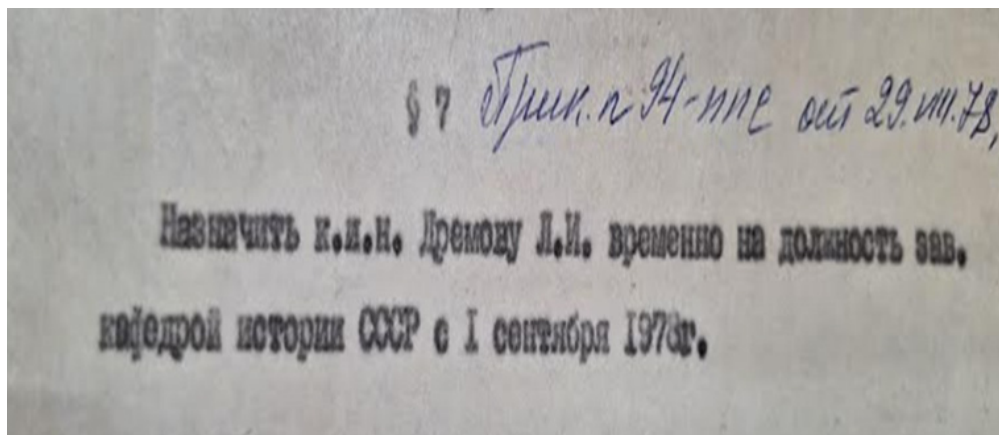

Рис. 126. Выписка из приказа по НГПИ об назначении Л. И. Дрёмовой на должность заведующего кафедрой СССР

В 1979 г. я поступил в аспирантуру при кафедре истории СССР, практически не покидая ее, так как, оставаясь почасовиком, я вел некоторые занятия, принимал вступительные экзамены, работал на подготовительных курсах, т. е. выполнял всю положенную работу ассистента. Так как тема диссертации по истории Сибирского тракта была связана с продолжительными территориальными рамками, приходилось выезжать в города Сибири, лежавшие на Сибирском тракте, а также в Москву и Ленинград. По приезду обменивались на заседаниях кафедры и просто в общении о виденном, о впечатлениях от посещенных музеев, галерей, театрах.

В это время на кафедре был сильный состав, как тогда говорили – сплав опыта и молодости. Екатерина Ивановна читала курс истории СССР советского периода, Валентина Вениаминовна Рабцевич – период ранней истории России, Евгения Иосифовна Матханова вела историю Сибири, Игорь Викторович Островский – период капитализма, Людмила Ивановна – период советской истории и истории русской и советской культуры. Фаина Силантьева Кузьмина/Кузнецова вела методику преподавания истории, Цецилия Леонтьевна Рукина руководила педагогической практикой. Нам тоже пришлось участвовать в руководстве практикой студентов в средней школе. На кафедре появились еще до меня аспиранты В. А. Зверев, З. П. Горьковская, за мной шли К. Е. Зверева, Е. Г. Попова и др. В 1978 г. на кафедре появились выпускники НГУ В. И. Баяндин

и Ю. Л. Троицкий. Общение с ними вокруг Л. И. Дрёмовой делало рабочий процесс интересным, познавательным, динамичным. В это время Людмила Ивановна работала в коллективе авторов из ИИ СО АН СССР над V томом Истории Сибири (период социализма)

Интересный сюжет. Только 29 августа 1980 г. Л. И. Дрёмовой был засчитан 5-летний стаж работы в вузе (рис. 13). А ведь работать она начала еще в 1969 г. Но это были лаборантские должности или временно-исполняющие. Годы учебы в аспирантуре в трудовой вузовский стаж не входили. Поэтому из 10 лет связи с вузом и перерывом на три аспирантских года, к 1980 г. набралось только 5 лет. Обидно, но так было.

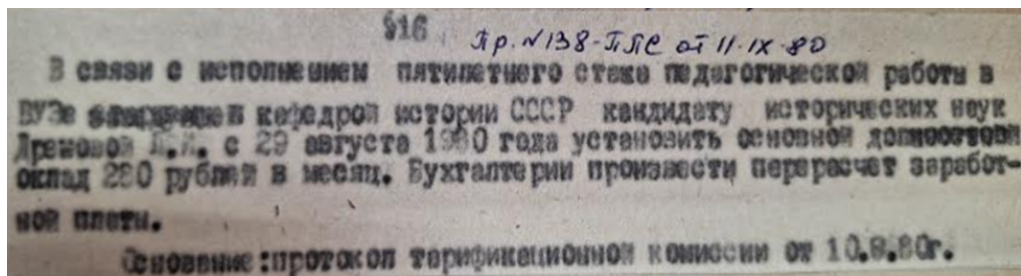

Рис. 13. Выписка из приказа по НГПИ об исполнении 5 летнего педагогического стажа работы в вузе Л. И. Дрёмовой

Мне тоже пришлось потерять 11 месяцев трудового стажа, потому что, находясь в аспирантуре, я, как и многие коллеги, вел почасовые занятия в объеме 240 часов. Оказывается, чтобы шел трудовой вузовский стаж, нужно было все эти часы выдавать в течение года, а я выполнял 240 часов в разгар вступительных. При проведении курсов для абитуриентов выполнял все это за два месяца, чтобы остальное время посвятить подготовке диссертации. Потом, после окончания аспирантуры, когда посчитал, что есть основания для пересмотра оклада и обратился в учебную часть вуза, мне объяснили, что стажа не хватает.

Накопив время, оставшееся от неиспользованного отпуска, Людмила Ивановна совершила поездку за рубеж, в Индию, в феврале 1982 г. (рис. 14). По приезде было много интересных бесед о культуре страны, нравах и обычаях, памятниках культуры.

Я в это время еще находился в аспирантуре, но как член кафедры выполнял многие поручения общественного характера. Да и декан М. П. Ененко и проректор по науке Е. И. Соловьева не оставляли без внимания. То призовут для работы в областном штабе по сельхозработам, то отправят на Октябрьскую базу треста столовых со студентами ИФ, то предложат общественное поручение в качестве народного заседателя, то участие в качестве члена избирательной комиссии. В это время я вступил кандидатом в члены КПСС, и нужно было выполнять общественные поручения постоянного и временного характера. Это занимало много времени. Людмила Ивановна и Цецилия Леонтьевна Рукина рекомендовали меня в члены партии.

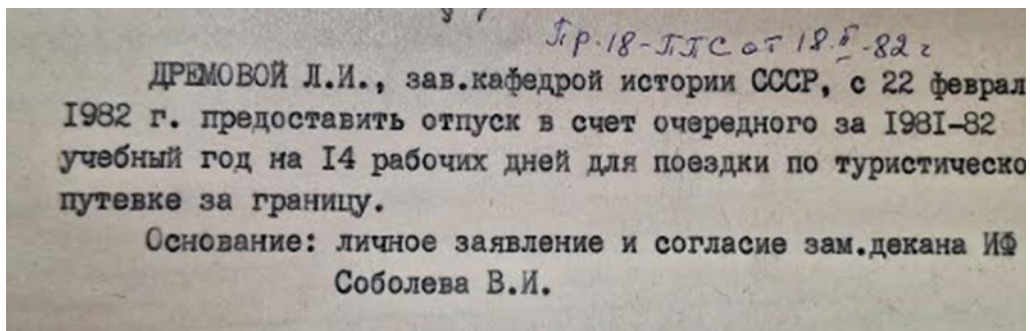

Рис. 14. Выписка из приказа по НГПИ о предоставлении Л. И. Дрёмовой отпуска для туристической поездки за границу

В годы моего нахождения в аспирантуре Людмила Ивановна проходила стажировку в МГПУ им. В. И. Ленина на кафедре, возглавляемой Виктором Григорьевичем Тюкавкиным, историком-аграрником, доктором исторических наук, хорошим знакомым по историческому цеху с Екатериной Ивановной Соловьевой. Там же работал и еще один знакомый Е. И. Соловьевой Эрнст Михайлович Щагин. Оба ранее были сибиряками, и вместе с ними Екатерина Ивановна участвовала в написании тома Истории Сибири (период капитализма). Рукой Людмилы Ивановны записано в отчете о практике: с 7 октября по 7 декабря 1982 г. в области научной работы исследовала в архивах документы по проблемам «Истории современной колхозной деревни», подготовила первый вариант рукописи для «Истории крестьянства Сибири» (т. 5) [4], в учебно-методическом плане подготовила текст лекции по истории СССР, руководила педпрактикой студентов IV курса, посещала лекции проф. В. Г. Тюкавкина и Э. М. Щагина. В организационном плане посещала заседания кафедры, знакомилась с документами, сделала сообщение по проблемам научного исследования. В. Г. Тюкавкин написал в отзыве, заключении кафедры о стажировке: «Тов. Дрёмова Л. И. полностью выполнила план стажировки, работала много и плодотворно, кафедра ее аттестовала» (22 ноября 1982 г.).

Замещал Людмилу Ивановну в период стажировки Игорь Викторович Островский. С которым я был знаком со студенческих времен, еще с 1974 г., когда писал под его руководством курсовую работу по сельскому хозяйству Сибири в годы Первой мировой войны. Игорь Викторович в эти годы работал над докторской диссертацией по истории аграрной политики царской власти в Сибири с 1900 по 1917 гг. Он один из первых в Сибири в команде Л. М. Горюшкина применил статистические методы при обработке материалов сельскохозяйственных переписей 1916 г. в Сибири на ЭВМ. Также имел опыт замеканства у М. П. Ененко.

Л. И. Дрёмова тоже стремилась написать докторскую диссертацию.

11 января 1984 г. состоялось заседание кафедры истории СССР, на котором отчитывалась Л. И. Дрёмова о работе в должности заведующей за 5 лет. При обсуждении отчета в выступлениях членов кафедры были высказаны разные суждения. И. В. Островский: «С Людмилой Ивановной приятно рабо-

тать. Ее отличает деликатное отношение к людям. Атмосфера, которая создана на кафедре, очень благоприятна и помогает работе. Это самое главное, что характеризует стиль работы зав. кафедрой, а значит – и кафедры. Будучи членом учебно-методической комиссии НГПИ, мне приходилось проверять различные кафедры института. Хочется отметить довольно высокий уровень учебно-методической работы на нашей кафедре, для нас характерны целенаправленность, системность». Профессор Т. Н. Троицкая, доцент В. И. Соболев: «Мы на кафедре всего только 1 семестр 1982/83 г., за это время увидели, что руководство квалифицированное, очень нравится атмосфера на кафедре. Здесь сохраняются прежние лучшие традиции исторического факультета НГПИ». Из выступления В. А. Зверева: «Людмила Ивановна взяла правильный курс на подготовку молодых специалистов». З. П. Горьковская, зам. декана: «Трудности нашей кафедры – трудности роста. Людмила Ивановна привыкла брать на себя много дел, не поручает нам, но, когда нас было 8 человек – это одно, а когда нас стало в два раза больше – это другое. Нам необходимо следить за собой и более высокие требования предъявлять к себе. Как зам. декана отмечаю глубокую заинтересованность Л. И. Дрёмовой во всех делах, высокое чувство ответственности». Ассистент Е. Г. Попова как молодой преподаватель отметила большую помощь Людмилы Ивановны в методической и теоретической работе, постоянное внимание к молодым преподавателям и поддержку. Ассистент О. Н. Катионов сказал: «Я пришел на кафедру одновременно с вступлением Л. И. Дрёмовой в должность зав. кафедрой. Людмилу Ивановну отличает широкая эрудиция, она разбирается во всех вопросах; обладает лучшими человеческими качествами – добротой, терпеливостью. Она наставник молодежи». Ассистент Ю. Л. Троицкий: «Хотелось бы подчеркнуть в работе кафедры доброжелательное начало и отсутствие всего, что делает работу формальной».

Людмила Ивановна поблагодарила всех выступавших, отметила, что трудно и ответственно было начинать после Е. И. Соловьевой. Кафедра утвердила отчет Л. И. Дрёмовой и рекомендовала ее избрать на очередной 5-летний срок.

В выписке из приказа по НГПИ зафиксировано: «Утвердить решение Совета института от 8 февраля 1984 г. Считать переизбранной на очередной 5-летний срок работы Л. И. Дрёмову в должности зав. кафедрой истории СССР».

С 1 июня 1984 г. Людмила Ивановна уходит в очередной отпуск и с 27 июля 1984 г. переводится на должность ст. научного сотрудника временно, на 1 год, для написания докторской диссертации с окладом 230 руб. в месяц. При этом она ведет на условиях почасовой оплаты 80 часов во время очередного отпуска. Деканом в это время был В. И. Соболев, проректором по учебной работе П. В. Лепин.

11 мая 1985 г. вышел приказ зам. министра просвещения РСФСР «продлить срок пребывания на должности старшего научного сотрудника для написания докторской диссертации тов. Дрёмовой Людмиле Ивановне до 15 мая 1986 г.» Я думаю, что не обошлось без поддержки этого решения зам. министра Д. М. Забродина со стороны Екатерины Ивановны Соловьевой – ректора НГПИ. Людмила Ивановна продолжила заниматься темой колхозного крестьян-

ства [5]. По окончании 2-летней стажировки, с 15 мая 1986 г. Людмила Ивановна переводится с должности старшего научного сотрудника на должность ст. преподавателя и зав. кафедрой истории СССР. И в этот же день 15 мая 1986 г. она переводится на должность доцента кафедры истории СССР.

Я, как зам. декана, продолжил взаимодействие с Людмилой Ивановной с октября 1985 г. Осенью во время очередного отпуска В. И. Соболева и моего с 29.09 по 31.10.86 Людмила Ивановна исполняла обязанности декана. Она же в силу непредвиденных трагических обстоятельств (гибель сотрудника Е. А. Сидорова и студента Быкова во время археологической практики) руководила хоздоговорной темой в Научно-исследовательском секторе НГПИ с декабря 1986 г., затем с 9 января 1987 г. Я являлся одним из исполнителей этой темы вместе с В. И. Баяндиным еще раньше, когда В. И. Соболев пригласил нас участвовать в паспортизации памятников истории Новосибирской области. Тема эта поступила от управления культуры Новосибирской области. Археологи (рук. В. И. Соболев) выезжали на раскопки, а мы с В. И. Баяндиным – по местам памяти Новосибирской области. Занимались фотофиксацией памятников, их обмерами и описанием, естественно, выявляя исторические корни событий и появления объектов культуры. Потом отчеты отправляли в министерство культуры РСФСР. Проехать пришлось много районов и населенных пунктов Новосибирской области в течение нескольких лет. Людмила Ивановна с лета 1987 г. тоже выезжала в экспедиции с целью проверки и контроля за проведением археологических практик наших студентов. Знала многих археологов. И. о. проректора по научной работе, подписавшим приказ о назначении Л. И. Дрёмовой руководителем научной темы, был Ю. В. Фоменко, доктор филологических наук, профессор. А проректором по научной работе, подписавшим приказ об отзыве из отпуска для проверки прохождения археологической практики 1-го курса ИФ, был А. Ж. Жафяров.

В связи с уходом Виктора Ивановича Соболева из деканата для написания докторской диссертации освобождается вакансия декана. 5 ноября 1987 г. Л. И. Дрёмова написала заявление об освобождении от занимаемой должности в связи с избранием на должность декана. На заявлении резолюция Е. И. Соловьевой-ректора: «Освободить от должности зав. кафедрой истории СССР доц. Дрёмову Л. И. с 5.11.87 г. в связи с избранием на должность декана исторического факультета. Должность зав. кафедрой объявить вакантной. И. о. зав. кафедрой возложить на Дрёмову Л. И.».

Людмила Ивановна продолжает работать преподавателем кафедры истории СССР, будучи деканом. Л. И. Дрёмова ушла в очередной отпуск за 1987/88 г. с 8 декабря 1988 г. на 48 рабочих дней. 1 февраля 1989 г. Л. И. Дрёмова участвовала в конкурсе на замещение вакантной должности доцента кафедры истории СССР. 5 апреля 1989 г. на кафедре был заслушан отчет Людмилы Ивановны в связи с избранием доцентом. При обсуждении И. В. Островским отмечено: «чтение курса по истории русской культуры в НГУ – это, конечно, признание и актуальности тематики, и возможности лектора». Зав. кафедрой Е. И. Соловьева отметила необходимость использования возможностей проблем по истории

русской и советской культуры по введению в новый курс мировой культуры. О. Н. Катионов предложил использовать возможность повышения квалификации по курсу русской и советской культуры. То есть, мы видим, что у Л. И. Дрёмовой продолжала формироваться предметная направленность в области преподавания истории русской культуры, будучи еще на кафедре истории СССР.

24 апреля 1989 г. решением Совета исторического факультета от 26 апреля 1989 г. Л. И. Дрёмова была избрана на должность доцента кафедры истории СССР сроком на 5 лет.

18.04.1989 г. Л. И. Дрёмова пишет заявление на имя ректора П. В. Лепина: «Прошу перевести меня на должность доцента кафедры общественных наук Новосибирского института усовершенствования учителей с 1 мая 1989 г., освободив от должности декана с 1 мая 1989 г.», на котором рукой Е. И. Соловьевой: «Категорически возражаю. Зав. каф. ист. СССР. 18.04.89». П. В. Лепин пишет резолюцию: «в приказ». Таким образом, с 1 мая 1989 г. Людмила Ивановна работает в НИУУ. С 1 мая 1990 г. Людмила Ивановна принимается на работу на кафедру истории СССР НГПИ на условиях почасовой оплаты с учебной нагрузкой в 240 часов в год. То есть связи с факультетом она не теряла. Видимо, причиной ухода в НИУУ явилась неудовлетворенность Е. И. Соловьевой отсутствием защиты докторской диссертации Л. И. Дрёмовой. Екатерина Ивановна была максималисткой в таких вопросах. Однако терять высококвалифицированного преподавателя не хотелось. Страсти улеглись, и Людмила Ивановна начинает возвращаться на факультет сначала как доцент кафедры истории СССР. А когда было принято решение о формировании кафедры истории культуры, то я настоял на ее назначении; Людмила Ивановна вернулась обратно переводом из НИУУ с 5 мая 1991 г.

Еще 17 марта 1991 г. О. Н. Катионов (то есть я) подает докладную на имя ректора о назначении исполняющей обязанности заведующего кафедрой истории мировой культуры Дрёмовой Людмилы Ивановны. «В приказ» – подписал в тот же день первый проректор В. И. Соболев (рис. 15).

В то время все решалось и делалось быстро в сотрудничестве с В. И. Соболевым, П. В. Лепиным и при моем участии. Даже с названием кафедры сразу не определились. Это видно по заявлению Л. И. Дрёмовой о приеме ее переводом из НИУУ. Л. И. Дрёмова пишет в заявлении на имя ректора от 5 мая 1991 г.: «Прошу принять меня на должность зав. кафедрой мировой художественной культуры». «Не возражаю» – подписывает В. И. Соболев. «В приказ» – подписывает П. В. Лепин. Однако в приказе по НГПИ от 26 июня 1991 г. записано: «Дрёмову Людмилу Ивановну с 3 мая 1991 принять переводом на должность и. о. зав. кафедрой истории мировой культуры на 1,0 ставки с окладом 500 руб. в месяц». Видимо, пришлось нам всем вместе уточнять название кафедры. Были вопросы с моей стороны: почему только художественной культуры, а не всей. При формировании штатного расписания кафедры возникали бы проблемы. Поэтому название «мировой культуры» было шире по охвату дисциплин и предметов. На Совете вуза 26 июня 1991 г. Людмила Ивановна Дрёмова была избрана заведующей кафедрой истории мировой культуры сроком на 5 лет, и в этой

должности, но уже с уточненным названием кафедры в дальнейшем – теории, истории культуры и музеологии – проработала с переизбранием каждые 5 лет до 2015 г. Затем передала бразды правления в надежные руки Елены Евгеньевны Тихомировой, начавшей работу на кафедре в 1991 г. и к настоящему времени имеющей кафедральный стаж 35 лет. Всего в должности заведующей кафедрой истории культуры, затем кафедры теории, истории культуры и музеологии Л. И. Дрёмова работала 25 лет, имея за спиной опыт работы заведующей кафедрой истории СССР с 1978 по 1987 г., заместителем декана и деканом. Являясь администратором, она не прекращала ведения образовательных курсов лекций и семинаров, особо акцентируя свое внимание в направлении преподавания истории русской культуры.

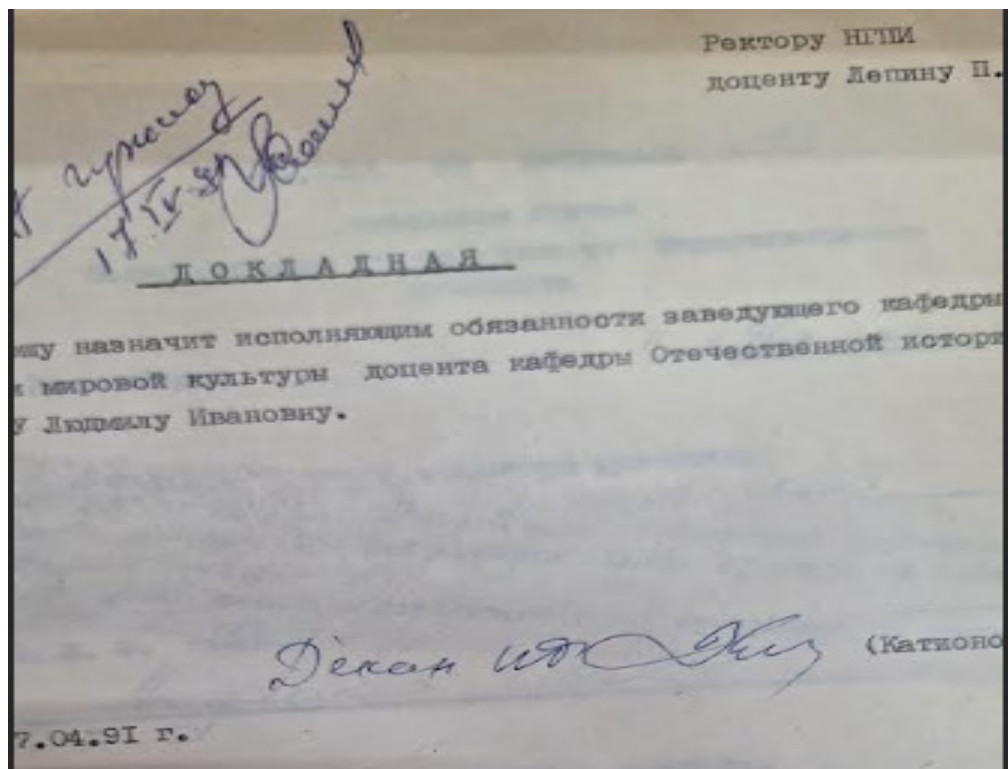

Рис. 15. Докладная на имя ректора о назначении исполняющей обязанности заведующего кафедрой истории мировой культуры Дрёмовой Людмилы Ивановны, подписанная деканом исторического факультета О. Н. Катионовым

К декабрю 1991 г. на кафедре истории культуры исторического факультета НГПИ в штате состояли Л. И. Дрёмова, Т. Н. Троицкая, Ю. П. Ивонин (0,5 ст.), А. В. Запорожченко, Н. А. Кордо, Е. Е. Тихомирова, И. А. Дураков, Т. А. Опарина, В. И. Соболев являлся совместителем, будучи проректором НГПИ.

У Людмилы Ивановны оказалось широкое поле деятельности. Так мы проработали совместно с ней вплоть до ее ухода. Менялись люди на кафедре, менялось штатное расписание, а культуртрегерская функция кафедры остава-

лась и остается как явление культуры в среде педагогического, да и не только образования. Были установлены контакты со многими школами и культурно значимыми учреждениями г. Новосибирска и страны. И в этом несомненная заслуга Л. И. Дрёмовой, а мы по мере возможностей этому способствовали.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Катионов О. Н.** Из чего возникают мемуары: вместо предисловия // Быть на земле Человеком: сборник, посвященный 95-летию со дня рождения заслуженного работника высшей школы Российской Федерации Е. И. Соловьёвой. – Новосибирск: НГПУ, 2019. – С. 31–32.
2. **Катионов О. Н., Зверев В. А.** Научные школы исторического факультета (института истории, гуманитарного и социального образования) НГПУ // «В надежде славы и добра...»: исторический факультет НГПУ в образовательном, исследовательском и социокультурном пространстве России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию НГПУ и исторического факультета (Института истории, гуманитарного и социального образования) / под редакцией В. А. Зверева. – Новосибирск: НГПУ, 2015. – С. 3–15.
3. **Горьковская З. П., Катионов О. Н.** Екатерина Ивановна Соловьёва – основатель научной исторической школы в НГПИ-НГПУ // Сибирский педагогический журнал. – 2014. – № 2. – С. 194–201.
4. Крестьянство и сельское хозяйство Сибири, 1960–1980-е гг. / [Н. Я. Гущин, В. А. Калмык, Е. Е. Горяченко и др.]; отв. ред. Н. Я. Гущин; [АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии]. – Новосибирск: Наука, 1991. – 489 с.
5. **Дрёмова Л. И., Островский И. В.** Аграрные реформы в капиталистической России и СССР (общее и особенное) // Крестьянское хозяйство: история и современность: материалы к Всероссийской научной конференции / ответственный редактор М. А. Безнин. – Вологда: Вологодский государственный педагогический институт, 1992. – С. 76–77.

REFERENCES

1. Kationov O. N. What Memoirs Are Made Of: Instead of a Foreword. *To Be Human on Earth: A Collection Dedicated to the 95th Anniversary of the Birth of Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation E. I. Solovyova*. Novosibirsk: NSPU Publ., 2019, pp. 31–32. (In Russian)
2. Kationov O. N., Zverev V. A. Scientific Schools of the Faculty of History (Institute of History, Humanities and Social Education) of NSPU. *"In the Hope of Glory and Good...": The Faculty of History of NSPU in the Educational, Research and Sociocultural Space of Russia*. Proceedings of the All-Russian Scientific-Practical Conference Dedicated to the 80th Anniversary of NSPU and the Faculty of History (Institute of History, Humanities and Social Education) / Edited by V. A. Zverev. Novosibirsk: NSPU Publ., 2015, pp. 3–15. (In Russian)
3. Gorkovskaya Z. P., Kationov O. N. Ekaterina Ivanovna Solovyova – The Founder of a Scientific Historical School at NSPI-NSPU. *Siberian Pedagogical Journal*, 2014, no. 2, pp. 194–201. (in Russian)
4. Gushchin N. Ya., et al. The Peasantry and Agriculture of Siberia, 1960s-1980s / Edited by N. Ya. Gushchin, USSR Academy of Sciences, Siberian Branch, Institute of History, Philology and Philosophy. Novosibirsk: Nauka Publ., 1991, 489 p. (In Russian)
5. Dremova L. I., Ostrovsky I. V. Agrarian Reforms in Capitalist Russia and the USSR (General and Specific). *Peasant Farming: History and Modernity: Materials for the All-Russian Scientific Conference* / Edited by M. A. Beznin. Vologda: Vologda State Pedagogical Institute, 1992, pp. 76–77. (In Russian)

Информация об авторе

О. Н. Катионов, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, korolek1953@gmail.com

Information about the author

Oleg N. Kationov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and World History, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, korolek1953@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 12.03.2026

Одобрена после рецензирования: 20.04.2026

Принята к публикации: 22.04.2026

The article was submitted: 12.03.2026

Approved after reviewing: 20.04.2026

Accepted for publication: 22.04.2026

РАЗДЕЛ V. AD MEMORIAM

PART V. AD MEMORIAM

Культурно-антропологические исследования. 2026. № 2

Culture and anthropology research journal. 2026. № 2

Научная статья

УДК 94(47).084.9(093.3)+378.4(571.14)(092)+929Цыба

«Мои важные даты»: воспоминания Людмилы Ивановны Дрёмовой о Викторе Фомиче Цыбе (1965–1976, октябрь 1970)

Сидорчук Оксана Николаевна¹

¹Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

Аннотация. Воспоминания Людмилы Ивановны Дрёмовой, замечательного преподавателя исторического факультета, посвящены ее учителю и наставнику – Виктору Фомичу Цыбе. Текст охватывает период с 1965 по 1976 год, с особым акцентом на октябрь 1970 года, когда состоялась встреча, определившая профессиональную и мировоззренческую судьбу автора. Дрёмова описывает не только внешние обстоятельства (поступление в институт, начало преподавательской деятельности), но и глубокий внутренний процесс формирования исторического мышления под влиянием Цыбы. Центральное место занимают реконструированные диалоги учителя и ученицы: разбор методологии Б. Д. Грекова, осмысление природы исторического события, роли «дружеской помощи» как источника объективности исследования, значения иерархии, канона и культуры в генезисе феодализма. Виктор Фомич предстает не просто лектором, а мыслителем, интуитивно близким идеям школы «Анналов», задолго до официальных переводов в СССР. Особое внимание уделяется образу дома Цыбы как «храма» и символической связи с Вознесенским храмом. Воспоминания также раскрывают многогранную личность самой Дрёмовой: ее деликатность, заботу о студентах и коллегах, умение дружить, актерский талант и педагогическую самоотдачу. Текст проникнут идеей преемственности: полученные от учителя вопросы и методы передаются новым поколениям студентов. Публикация содержит фрагмент из книги Ц. Л. Рукиной «Мои “пятьдесят сентябрей”», подчеркивающий многолетнюю дружбу и высокую оценку личности Л. И. Дрёмовой.

Ключевые слова: история педагогики; устная история; методология истории; университетские традиции; историческое мышление

Для цитирования: Сидорчук О. Н. «Мои важные даты»: воспоминания Людмилы Ивановны Дрёмовой о Викторе Фомиче Цыбе (1965–1976, октябрь 1970) // Культурно-антропологические исследования. – 2026. – № 2. – С. 101–109.

Scientific article

**“My Important Dates”: Memoirs of Lyudmila Ivanovna Dryomova
about Viktor Fomich Tsyba (1965–1976, October 1970)**

Oksana N. Sidorchuk¹

¹Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. These memoirs by Lyudmila Ivanovna Dryomova, a remarkable teacher at the Faculty of History, are dedicated to her mentor and teacher, Viktor Fomich Tsyba. The text covers the period from 1965 to 1976, with a particular focus on October 1970, when a meeting took place that determined the author’s professional and ideological destiny. Dryomova describes not only external circumstances (entering the institute, beginning her teaching career) but also the deep internal process of forming historical thinking under Tsyba’s influence. Central to the narrative are reconstructed dialogues between teacher and student: an analysis of B. D. Grekov’s methodology, an understanding of the nature of historical events, the role of “friendly help” as a source of objectivity in research, and the significance of hierarchy, canon, and culture in the genesis of feudalism. Viktor Fomich emerges not merely as a lecturer, but as a thinker intuitively close to the ideas of the Annales School, long before official translations appeared in the USSR. Particular attention is paid to the image of Tsyba’s home as a “temple” and its symbolic connection with the Ascension Church. The memoirs also reveal the multifaceted personality of Dryomova herself: her delicacy, her care for students and colleagues, her ability to be a friend, her theatrical talent, and her pedagogical devotion. The text is permeated with the idea of continuity: the questions and methods received from the teacher are passed on to new generations of students. The publication includes a fragment from Ts. L. Rukina’s book “My Fifty Septembers,” underscoring their long-standing friendship and high regard for Dryomova’s character.

Keywords: history of pedagogy; oral history; methodology of history; university traditions; historical thinking

For citation: Sidorchuk O. N. “My Important Dates”: Memoirs of Lyudmila Ivanovna Dryomova about Viktor Fomich Tsyba (1965–1976, October 1970). *Culture and anthropology research journal*, 2026, no. 2, pp. 101–109.

Изучение истории исторического факультета (в его трансформациях – Институт истории, гуманитарного и социального образования) Новосибирского государственного педагогического университета требует обращения к личным свидетельствам преподавателей, которые фиксируют не только событийную канву, но и глубинные процессы эволюции научного мировоззрения [4, с. 98]. В научный оборот впервые вводятся и анализируются воспоминания Л. И. Дрёмовой (1947–2020) о ее наставнике В. Ф. Цыбе (1906–1976) – декане, заведующем кафедрой, оказавшем значительное влияние на методологию преподавания истории.

Цель статьи – введение данного источника в научный оборот как свидетельства методологических поисков советской исторической науки, роли «дружеской помощи» и межличностных коммуникаций в университетской педагогике, а также механизмов формирования исторического мышления

в условиях ограниченного доступа к западной историографии (в частности, к школе «Анналов»). Методологическая основа работы базируется на принципах устной истории и персональной истории (микроистории), в рамках которых индивидуальный опыт и реконструированные диалоги интерпретируются как репрезентативный ключ к пониманию интеллектуальной атмосферы эпохи [5; 6].

Людмила Ивановна была крайне деликатным и скромным человеком. Когда ее просили рассказать о каком-нибудь событии из истории факультета, Людмила Ивановна всегда говорила не о себе, не о своей роли в этом событии, а с благодарностью вспоминала своих учителей и друзей: В. Ф. Цыбу, Е. И. Соловьеву, Ц. Л. Рукину, В. И. Соболева, Т. Н. Троицкую, И. В. Островского [1, с. 20–29]. Для всех поколений истфака Людмила Ивановна стала незабываемым учителем, с которым мы открывали мир культуры, доброго отношения друг к другу, мир этикета, уважительного отношения к людям и сохранения традиций истфака. Людмила Ивановна всегда была примером, никогда не жалея времени на других. Забота о каждом из нас проявлялась в горячих пирожках (если приходилось задерживаться на работе), в ходатайстве о новом жилье для молодых преподавателей, в организации поступления в аспирантуру, в поддержке на защитах диссертаций. Каждый из нас может вспомнить огромное количество случаев, когда Людмила Ивановна подставляла плечо, вытирала слезы, утешала. Могла шуткой, пословицей или поговоркой превратить трагическую ситуацию в комическую.

С Людмилой Ивановной в эпоху «развитого социализма» мы открывали мир Нико Пиросмани и Чюрлениса, говорили о символике древнерусского искусства. Тысячи студентов могут вспомнить поездки в Ленинград (Санкт-Петербург), Москву, Ярославль, Ростов, в Кемерово, Маслянино, Чаны. В 1989 г. активисты нашего курса принимали участие в поездке по Золотому кольцу. Группу возглавляла Людмила Ивановна. Прекрасная и содержательная была поездка благодаря ей. Людмила Ивановна научила смотреть и видеть, слушать и слышать... Энергия и актерский талант Людмилы Ивановны проявлялся в постановке шуточных спектаклей в лагере первокурсников (Листпед), в неформальной обстановке. Сколько иронии, шуточных характеристик, фраз, любви и азарта...

Еще одним талантом была наделена Людмила Ивановна – она умела дружить. Каждый из нас претендует на дружбу с Людмилой Ивановной. Для каждого из нас Людмила Ивановна одна и, как нам казалось, ты был один для нее. Как-то Людмила Ивановна обратила внимание на слово «дружеская помощь», которая усиливает мощь человека. Дружеская помощь – это талант и мощь Людмилы Ивановны.

Какая для нас Людмила Ивановна? Жизнеутверждающая, оптимистка, даже если в душе был снег, деликатная, компанейская, острая на язык, заботливая, очень мудрая, строгая, энергичная, поддерживающая, доброжелательная, легкая на подъем, любящая и любимая... Многие черты характера, отношение к жизни и людям будут продолжаться в сыне Егоре, внучках – Кате, Маше.

Воспоминания о Людмиле Ивановне являются темой разговоров преподавателей института, мы вспоминаем ее ежедневно на лекциях, семинарах, смотрах и конкурсах, – и новое поколение студентов открывают ее для себя. Наши воспоминания о Людмиле Ивановне – это наши встречи с ней... «Л. И. Дрёмова ... проходила практику в 10 школе в конце 60-х гг., и с той поры мы стали большими друзьями. Она со своими радостями, тревогами приходит ко мне, и замечаю, как она выросла за эти годы, сколько труда вкладывает в работу своей кафедры, которая состоит в основном из бывших студентов. Ее отличает доброта, отзывчивость на чужую беду или радость, она старается во всем помочь людям...» [3, с. 24].

Уникальным историко-педагогическим источником, позволяющим реконструировать живую традицию наставничества в советской высшей школе, служат личные воспоминания Людмилы Ивановны Дрёмовой. В них она детально и проникновенно воссоздает свои встречи с выдающимся историком и педагогом Виктором Фомичом Цыбой, чья методология преподавания, как выясняется, во многом предвосхитила идеи школы «Анналов» и антропологического поворота в исторической науке. Нижеследующий фрагмент мемуаров, вводимый в научный оборот впервые, раскрывает не только процесс формирования научного мировоззрения молодого ученого, но и ту особую «философию диалога», которую В. Ф. Цыба завещал своим ученикам.

«Две первые даты – сентябрь 1965 г. Это время встречи с педагогическим институтом, в связи с моим поступлением в него, и встреча с блестящими преподавателями: Виктор Фомич Цыба, Татьяна Николаевна Троицкая, Екатерина Ивановна Соловьева, Римма Алексеевна Брандт, Александр Максимович Шиндин и другие.

24 ноября 1976 – день памяти Виктора Фомича Цыбы. В этот день не стало его. Тире между двумя датами не сохраняет свою длину, расстояние расширяется: большое видится на расстоянии.

Поскольку после окончания вуза в 1969 году я была оставлена на кафедре, встреч с Виктором Фомичом было много. Несколько раз я была у него дома. От страха и стеснения мало что помню. Но хорошо помню одно, что вся обстановка, мебель, шторы, все не так, как у нас дома, все другое. Девочка с улицы Подбельского из семьи железнодорожника и швеи попала в дом преподавателя, в другой дом: книги, красавица жена, красивый стол, опять книги. Для меня все было очень красиво, необычно. Как в храме! Извините за сентенции, квартира Виктора Фомича и Вознесенский храм расположены по одной прямой, он постоянно мимо него ходил и видел его из окна. И только теперь я могу об этом сказать, да и никто раньше не спрашивал. Перед тем как зайти в квартиру учителя – я зашла в храм. Так рождаются легенды, может быть, может быть... Но эта легенда имеет основание. Виктор Фомич не проходил мимо, он его видел, ощущал.

В начале текста указана еще одна дата – октябрь 1970 года. Эта встреча с Виктором Фомичом определила мое мировоззрение, мою судьбу. Она имеет материальное подтверждение. Заведующая кафедрой СССР, Екатерина Ива-

новна Соловьева, поручила мне курс, который до этого читал Виктор Фомич Цыба – «феодальный период истории СССР». Как потом выяснилось, она посоветовалась с Виктором Фомичом – кому из членов кафедры можно было поручить разработку курса (потому что к этому времени Виктор Фомич захворал). Были разные варианты, но у всех преподавателей были свои лекционные курсы, у меня никакого не было. Поэтому Виктор Фомич, помня мое прилежание, уважение к истории, предложил мою кандидатуру и согласился стать моим наставником. Но об этом я узнала позже. И вот с этого времени, октября 1970 г., начались наши регулярные встречи. Только теперь я понимаю весь ужас свершившегося. Ни знания истории, ни педагогического опыта, и сразу первый курс истфака. И первая наша встреча началась с того, что он попросил меня принести три монографии, или больше, но какие найду: Бориса Дмитриевича Грекова, Бориса Рыбакова и Дмитрия Сергеевича Лихачёва. И на примере монографии Бориса Дмитриевича Грекова он учил меня работать над концепцией курса, а не над содержанием каждой лекции. И первое, с чего начал разговор, с вопроса: «Что содержится на первой странице? Или как она выглядит?» Я, конечно, прочла заголовок: Предварительные замечания о генезисе феодализма на территории Волховско-Днепровского бассейна. Он покачал головой и сказал: «Пропустила начало. А начало страницы – это эпиграф, слова Ивана Петровича Павлова (А это историк?): «Не давайте гордыне овладеть вами. Из-за нее вы будете упорствовать там, где нужно соглашаться. Из-за нее вы откажетесь от полезного совета и дружеской помощи. Из-за нее вы утратите веру объективности».

К этим словам мы будем обращаться еще. Как потом в результате обсуждений оказалось, что эта фраза определила методологию исследования Бориса Дмитриевича Грекова, а также любого исторического исследования. Он обратил мое внимание на слово *дружеская помощь*, которая обеспечит объективность исследования, его *мощь*. И как потом я поняла, что дружеская помощь – это различные источники исследования, поэтому любая лекция должна содержать раздел источников и историографии. Это первый урок из первой встречи. Встреча длилась всего 30 минут, после нее я получила задание – прочитать книгу и сделать заметки, и он улыбнулся своей мягкой, но не простой улыбкой. «Заметки – это то, что ты, Люда (так он меня звал), заметишь с точки зрения концепции генезиса феодальных отношений на территории Волховско-Днепровского бассейна». И начался процесс реконструкции генезиса феодальных отношений на территории Волховско-Днепровского бассейна. Это и определило содержание наших последующих встреч.

– Это территория часть целого... Что такое целое? Целое как территория, или целое как население.

– Как соотносится часть и целое?

– Как часть превращается в целое? Какими методами расширяется территория? Это потом будет очень актуально при изучении дальнейшей истории России, заселение территории, освоение, колонизация, использование и т. д.

– Методы освоения территории, результат освоения, соотношения центра и окраины.

И на эти заметки необходимо накладывать конкретный материал. Но этот конкретный материал не должен быть ограничен временем, это постоянный процесс. Вот сразу лекция по-другому звучала. Это были мои заметки, но знаний и осмысления было маловато...

Следующая встреча опять началась с вопросов. И первый вопрос, на который я должна была дать ответ: «История – это отрезок времени или событие?». И дальше цепочка вопросов только увеличивается. Если это событие, то какова философия события? От кого и чего оно зависит. Это 1970 год, произведения европейских историков – представителей школы «Анналов» еще не переведены, хотя школа уже существовала, она была создана в 30–40 годы, а в СССР переводы появились после 70-х годов (это и есть «железный занавес», его проявление в исторических науках). А Виктор Фомич, будучи ученым, сам пришел к этим исканиям в исторической науке. Арон Яковлевич Гуревич, исследователь школы «Анналов», в 1973 году опубликовал в памятниках исторической мысли апологию истории Марка Блока, а Виктор Фомич, изучая историю, пришел к этой идее раньше.

Третья встреча началась традиционно с вопросов: «если история – это события, то от кого и от чего они зависят? Есть ли связь между тем, что происходит, и тем, кто автор этих событий? Что такое «кто»? Это человек или единство и множество частей мировой территории, которые окружали территорию Волховско-Днепровского бассейна, или эти части как прошлое?»

И Виктор Фомич заставил в процессе чтения книги обратить внимание особенно на страницы 26, 52. Это и прошлое славянских племен, и история халдеев и «гилиомов» во «Вретании», Анты, Италия и т. д. То есть он упоминает различные этносы, где происходило появление новых технологий в результате хозяйственной деятельности, а вслед за этим появление нового образа жизни. Как оказалось в процессе нашего обсуждения, территория Волховско-Днепровского бассейна – это пересечение векторов развития, и на линии мировой истории появилась новая дата и начало новой истории, новой общности, новой цивилизации. Заставил меня обратить внимание на то, какой опыт использовали, какова главная польза от этого хозяйственного опыта. И вот здесь Виктор Фомич вновь обратил мое внимание на слово «семья» на странице 28.

Семья – множество, сближение этого множества помыслами, то есть новая социальная организация, способная осуществлять этот генезис феодальных отношений. И он предупредил меня, что при изучении истории мы привыкли обращать внимание на орудие труда, изменение этих орудий труда, а Виктор Фомич – на человека, который пользуется этими орудиями труда, и на слово как деятельность, которое свидетельствует о развитии языка, речи, мышлении и определяет новый образ жизни. И вот тогда Виктор Фомич помог определить, что главное достижение, которое дарит и открывает мир истории, – это мир культуры, а генезис феодализма, как следует из анализа источников и моногра-

фий, – это создание и развитие иерархии, иерархичности как порядка во всех делах.

И это Борис Дмитриевич Греков показывает на сельскохозяйственной деятельности, Борис Рыбаков – на развитии ремесел. Чтобы читать, писать, строить дом, выращивать скот, создавать скрипки, барабаны, необходимо соблюдать порядок, правила, ответственность, чтобы получился успех. Это все предложил нам феодализм, это тот опыт, который мы используем благодаря тем текстам, которые создавали люди в этот период, тем канонам в живописи, иконописи, архитектуре (храмовое строительство), организации городского пространства. Канон как образец, как материализация времени, как длительность, устремленная в вечность. И здесь он обратил мое внимание на работы Дмитрия Сергеевича Лихачёва. Поэтому события на территории Волховско-Днепровского бассейна – это место встречи идей, которые превращаются в создание новой реальности.

Содержание четвертой встречи было уже подготовлено предшествующими. Какова связь взаимодействия частей истории, территории событий и идей. И об этом с ним мы уже говорили на основе обсуждения работ и концепций Дмитрия Сергеевича Лихачёва. Таким образом, встречи с Виктором Фомичом помогли мне разработать концепцию и ресурс не только лекционного курса, но и моей жизни, изучения истории культуры, которая соединяет людей в пространстве и во времени. И философию диалога культур. Он любил повторять слова Д. С. Лихачёва: «Если вы любите свою семью, своих родителей, свою природу, свое искусство, вы поймете и других, которые также любят своих родителей, свою природу, свое искусство, свою историю, которая вбирает опыт мировой истории и создает свою версию, свою историю».

Было еще много встреч с Виктором Фомичом, и много вопросов, которые рождали новые вопросы и новые мысли. Жизнь не закончилась, вопросы продолжаются, ответы как открытия и закрытия...

Низкий поклон Виктору Фомичу, который заразил меня новой потребностью ставить вопросы, находить ответы, делать открытия и делиться этими открытиями с моим любимым окружением, студентами, как это делал Виктор Фомич. Он заботился не только о нашем рассудке, о наших знаниях, но и внешнем виде, и наверняка все уже вспоминали, как он нам не разрешал приходить в любую жару без чулок, в босоножках и с авоськами и так далее. Я только выполняю и исполняю долг своему учителю – отдать то, что имеешь. А потом Виктор Фомич передал меня Екатерине Ивановне Соловьевой. Вот так Виктор Фомич определил мое место в жизни или мою жизнь».

Проведенный анализ неопубликованных мемуаров Л. И. Дрёмовой, вводимых в научный оборот впервые, позволяет сделать ряд обобщений, значимых для истории педагогики, университетских традиций и методологии исторического познания.

Личные свидетельства Л. И. Дрёмовой выступают не просто как фактографический нарратив, но как уникальный источник, репрезентирующий процесс формирования исторического мышления в условиях советской высшей школы.

Благодаря принципам устной истории и микроистории индивидуальный опыт осмысливается как ключ к реконструкции интеллектуальной атмосферы эпохи «развитого социализма», в частности методологических поисков, предварявших официальное освоение идей школы «Анналов».

Воспоминания убедительно показывают, что В. Ф. Цыба выступал не только как лектор, но и как мыслитель, интуитивно близкий к антропологическому повороту в истории. Его система обучения (анализ концепции через ключевые вопросы, акцент на эпиграфах, внимании к категориям «дружеская помощь», «иерархия», «канон», «культура») способствовала выработке у ученицы целостного мировоззрения, выходящего за рамки формального усвоения содержания лекционного курса.

Одним из центральных открытий в методологии Цыбы становится переосмысление «дружеской помощи» – как обращения к совокупности источников и историографии, обеспечивающих объективность и «мощь» исследования. Этот принцип, воспроизведенный Л. И. Дрёмовой, раскрывает специфику научной школы, где межличностная коммуникация и научная строгость не противопоставляются, а взаимно усиливаются.

Публикуемые материалы портретируют Л. И. Дрёмову как педагога-подвижника, сочетавшего деликатность, актерский талант, заботу о студентах и умение транслировать традиции истфака. Символическая связь дома Цыбы с Вознесенским храмом, метафора «храма» для университетского общения подчеркивают сакрализацию образовательного пространства в восприятии учеников.

Введение воспоминаний Л. И. Дрёмовой в научный оборот служит документированию конкретных практик методологической работы в советской провинциальной вузовской среде; реконструкции неформальной истории кафедры отечественной истории НГПУ; актуализации педагогического наследия, где постановка вопросов ценится не ниже готовых ответов, а историческое мышление формируется через диалог и «заметки» о концепции, а не через заучивание фактов.

Методология устной истории и персональной истории позволяет извлечь из эго-документов глубинные смыслы, значимые для понимания эволюции исторического образования в России второй половины XX в. Представленный материал убедительно иллюстрирует тезис о том, что университетские традиции держатся не на формальных институциях, а на личной ответственности, «дружеской помощи» и способности учителя заражать ученика «потребностью ставить вопросы, находить ответы, делать открытия и делиться этими открытиями».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дрёмова Л. И. «Если есть путь, значит кто-то его проложил»: В. И. Соболев и начало изучения культурологии в НГПУ // Сибирь, Россия, мир в исследовательском и образовательном пространстве. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2019. – С. 20–29.

2. **Репина Л. П.** Персональная история: биография как средство исторического познания // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. – 1999. – Т. 2. – С. 7–13.
3. **Рукина Ц. Л.** Мои «Пятьдесят сентябрей»: (воспоминания о народном образовании 40–90-х гг. XX в.). – Новосибирск: б/и, 2004. – 59 с.
4. **Сидорчук О. Н.** История исторического факультета НГПУ в биографиях В. Ф. Цыбы и В. И. Соболева // Сибирский педагогический журнал. – 2025. – № 5. – С. 97–109.
5. «Числюсь по России»: профессора и преподаватели кафедры отечественной истории НГПУ: биобиблиографический справочник. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2007. – 160 с.
6. **Renders H.** The limits of representativeness: Biography, life writing, and microhistory // Theoretical discussions of biography: Approaches from history, microhistory, and life writing. – Leiden: Brill, 2014. – P. 129–138.

REFERENCES

1. Dryomova L. I. "If there is a path, then someone has paved it": V. I. Sobolev and the beginning of cultural studies at NSPU. *Siberia, Russia, the World in Research and Educational Space*. Novosibirsk: NSPU Publ., 2019, pp. 20–29. (In Russian)
2. Repina L. P. Personal history: biography as a means of historical knowledge. *Case: The Individual and Unique in History*, 1999, vol. 2, pp. 7–13. (In Russian)
3. Rukina Ts. L. My "Fifty Septembers": (Memoirs of Public Education in the 1940s–1990s). Novosibirsk: b/i, 2004, 59 p. (In Russian)
4. Sidorchuk O. N. The history of the Faculty of History of NSPU in the biographies of V. F. Tsyba and V. I. Sobolev. *Siberian Pedagogical Journal*, 2025, no. 5, pp. 97–109. (In Russian)
5. "I Am Listed throughout Russia": Professors and Teachers of the Department of Russian History of NSPU: A Biobibliographical Reference Book. Novosibirsk: NSPU Publ., 2007, 160 p. (In Russian)
6. Renders H. The limits of representativeness: Biography, life writing, and microhistory. *Theoretical discussions of biography: Approaches from history, microhistory, and life writing*. Leiden: Brill, 2014, pp. 129–138. (In English)

Информация об авторе

О. Н. Сидорчук, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, Новосибирский государственный педагогический университет, sonya97@mail.ru, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-6713-7958>, Новосибирск, Россия

Information about the author

Oksana N. Sidorchuk, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department History, Novosibirsk State Pedagogical University, sonya97@mail.ru, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-6713-7958>, Novosibirsk, Russia

Статья поступила в редакцию: 18.03.2026

Одобрена после рецензирования: 22.04.2026

Принята к публикации: 28.04.2026

The article was submitted: 18.03.2026

Approved after reviewing: 22.04.2026

Accepted for publication: 28.04.2026

Научная статья
УДК 378.4(571.14):37.017.4

**Дрёмовский метод, или «педагогическое барокко»:
история одного эксперимента в провинциальном вузе**

Харламов Андрей Васильевич¹

¹Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье представлена история уникального образовательного эксперимента, развернувшегося на историческом факультете Новосибирского государственного педагогического университета (ранее института) в начале 1990-х годов. Автор, будучи студентом и затем молодым преподавателем, реконструирует контекст создания экспериментальной группы, которая училась по индивидуальному плану с акцентом на мировую культуру, древние и живые языки, отказ от жестких идеологических схем. Ключевыми интеллектуальными ориентирами для заведующей кафедрой истории мировой культуры Л. И. Дрёмовой стали идеи И. Г. Гердера (понятие «духа народа», историзм, воспитание гуманности) и метод И. Тэна (раса – среда – момент), позволившие преодолеть формационный подход и европоцентризм. Особое внимание уделяется формированию системного взгляда на культуру, где художественное творчество, быт, история и социальная психология связаны воедино. Автор вводит оригинальное понятие «педагогическое барокко», которое трактует не как стиль, а как образовательный метод, ориентированный на чувственное восприятие, игру света и тени, театральность, диалог культур и эмоциональное воздействие на ученика. На примерах музейных практик (Эрмитаж, анализ картин Рубенса) показывается, как Дрёмова превращала занятия в «освобождение от труда» (*otium post negotium*), воспитывая свободное, уважительное отношение к множественности культур. Отдельный сюжет – роль Л. И. Дрёмовой в профессиональных судьбах учеников: помощь с трудоустройством, поддержка при поступлении в аспирантуру, создание атмосферы преемственности и защиты от административного произвола. Автор, сам ставший заведующим кафедрой, осознанно повторяет стиль Дрёмовой: мягкость в обычных обстоятельствах и жесткость при защите коллег и студентов. В финале утверждается, что метод «педагогического барокко» остается востребованным при преподавании философии и истории идей, позволяя «посмотреть на мир глазами человека другой эпохи». Текст сочетает личные воспоминания, историко-культурный анализ и методологическую рефлексию, предлагая ценный пример альтернативной педагогики в переломные 1990-е.

Ключевые слова: «педагогическое барокко»; Л. И. Дрёмова; экспериментальное образование; история культуры; культура

Для цитирования: Харламов А. В. Дрёмовский метод, или «педагогическое барокко»: история одного эксперимента в провинциальном вузе // Культурно-антропологические исследования. – 2026. – № 2. – С. 110–119.

Scientific article

The Dryomova method, or “Pedagogical Baroque”: the History of an Experiment at a Provincial University

Andrey V. Kharlamov¹

¹Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. This article presents the history of a unique educational experiment that unfolded at the Faculty of History of Novosibirsk State Pedagogical University (formerly Institute) in the early 1990s. The author, who was first a student and later a young lecturer at the institution, reconstructs the context behind the creation of an experimental group of students who followed an individual curriculum focused on world culture, ancient and living languages, and the rejection of rigid ideological frameworks. The key intellectual reference points for the head of the Department of the History of World Culture, L. I. Dryomova, were the ideas of J. G. Herder (the concept of the “spirit of the people,” historicism, and the cultivation of humanity) and the method of H. Taine (race – milieu – moment), which enabled the overcoming of the formational approach and Eurocentrism. Special attention is paid to the formation of a systemic view of culture, where artistic creativity, everyday life, history, and social psychology are integrally connected. The author introduces the original concept of “pedagogical Baroque,” which he interprets not as an artistic style but as an educational method oriented toward sensory perception, the play of light and shadow, theatricality, the dialogue of cultures, and emotional impact on the student. Drawing on examples of museum practices (the Hermitage, analysis of paintings by Rubens), the article demonstrates how Dryomova transformed classes into an “escape from labor” (*otium post negotium*), cultivating a free and respectful attitude toward the multiplicity of cultures. A separate thematic thread concerns L.I. Dryomova’s role in the professional destinies of her students: assisting with employment, supporting applications to graduate school, and fostering an atmosphere of continuity and protection from administrative arbitrariness. The author, who himself later became a department head, consciously emulates Dryomova’s style: gentleness in ordinary circumstances and firmness in defending colleagues and students. In conclusion, it is argued that the method of “pedagogical Baroque” remains relevant in teaching philosophy and the history of ideas, allowing one “to see the world through the eyes of a person from another epoch.” The text combines personal reminiscences, historical-cultural analysis, and methodological reflection, offering a valuable example of alternative pedagogy during the pivotal 1990s.

Keywords: “Pedagogical Baroque”; L. I. Dryomova; experimental education; history of culture; culture

For citation: Kharlamov A. V. The Dryomova method, or “pedagogical baroque”: the history of an experiment at a provincial university. *Culture and anthropology research journal*, 2026, no. 2, pp. 110–119.

Введение. Когда в 1989 году я поступал в педагогический институт, на экзамене по отечественной истории мне попался вопрос: «Русская культура XVII века». Тогда я еще не предполагал, что этот вопрос окажется для меня судьбоносным. Как абитуриент, которому за неделю предстояло повторить и выучить множество подобных вопросов, я помнил на экзамене только три

словосочетания: «русское барокко», «силлабическое стихосложение», «Симеон Полоцкий». Что такое силлабический стих? Кем был поэт Симеон Полоцкий? Чем «русское» барокко отличалось от «нерусского»? Я, конечно же, не знал. Но для того чтобы прекрасно ответить и получить максимальный балл, мне выученного материала хватило. А вот что такое барокко на самом деле, я узнал лишь спустя некоторое время, встретившись с Людмилой Ивановной Дрёмовой. Впрочем, обо всем по порядку.

Поступал я на исторический факультет по специальности «учитель истории и методист воспитательной работы». Других специальностей на факультете, насколько помню, в 1989 году просто не было. Нас набрали пять групп, а я попал в первую. Но первый курс давался тяжело. У нас были замечательные преподаватели по основам педагогического мастерства и культуре речи (мы учились выступать перед аудиторией, вести споры, спасибо за это Владимиру Петровичу Пивченко и Николаю Николаевичу Киселеву), археологию преподавала Татьяна Ивановна Троицкая (живая легенда факультета), а историю древнего мира читал египтолог Александр Витальевич Эдаков [4, с. 7]. Но в это время все вокруг стремительно менялось, и учиться так, как это делали студенты до нас, было скучно.

Поскольку мне, когда я поступал, было всего 16 лет, я подумывал о возможности после первого курса попробовать поступить в НГУ или какой-то иной вуз. А потому ряд дисциплин нередко прогуливал, уверенный, что школьное образование позволит их успешно сдать, несмотря на пропуски. Но вот в конце года среди студентов прошел слух, что на факультете планируют создать экспериментальную группу, которая будет учиться по совершенно другому плану, не как все. И именно тогда все завершилось... Помню, как тогдашний заместитель декана 28-летний Андрей Владимирович Запороженко весной 1990 года собрал нас, студентов из разных групп, в 320-й аудитории, предложив высказать пожелания, какие бы курсы мы хотели изучать, какие дисциплины нам интересны. Среди предложений были древние и восточные языки, идеи уменьшить педагогический блок, увеличив объем часов на гуманитарные (в первую очередь, на всемирную историю) и социальные (культуру) науки. В итоге со второго курса мне повезло учиться в экспериментальной группе, проложившей дорогу к последующему открытию кафедры истории мировой культуры и запуску на факультете культурологического образовательного блока. Нашей первой завкафедрой стала невысокая и очень коммуникабельная женщина, к которой можно было обратиться всегда и по любому вопросу, с полной уверенностью, что ситуация будет решена. Это и была Людмила Дрёмова.

«Новое» образование, Гердер и Тэн. Спустя более 30 лет обращаясь к прошлому и вспоминая нашу уникальную образовательную программу, в которой было множество курсов по истории культуры стран Европы, Азии, Африки, пусть часто факультативного, но изучения мертвых и живых языков, с трудом понимаешь, как это все стало вообще возможным. Но тогда было начало 1990-х, а отсутствие денег и контроля со стороны государства приводило к парадоксальной ситуации, когда педагогический университет отчасти начинал похо-

дить на средневековый *collegium magistrorum*, объединение магистров и школьников, собравшихся в поисках (рассыпанных по книгам и музеям) осколков культуры. Именно из них следовало собрать уникальный пазл, необходимый для дальнейшего осмысления нашей жизни. Напомню, что никакого интернета в начале 1990-х еще не было, книги по искусству были дорогой редкостью, а к семинарским занятиям нужно было готовиться в ГПНТБ, заказывая пыльные фолианты из книгохранения и читая их по очереди в залах библиотеки.

Выбор интеллектуальной базы, методологических оснований для преподавания истории культуры у каждого преподавателя был свой, часто зависящий от специализации, интереса или прочитанной литературы. Если А. В. Запороженко поражал нас знакомством с трудами М. Элиаде и зороастризмом, а А. Е. Демидчик – своей возможностью читать тексты на древнеегипетском, то для Л. И. Дрёмовой ключевыми авторами стали Иоганн Готфрид Гердер и Ипполит Тэн. Гердеровская идея *Volksgeist* («духа народа») как нельзя лучше соответствовала запросу некоторых тогдашних студентов на «новое образование». В отличие традиционного для советских преподавателей формационного подхода (который можно было бы назвать «марксизмом-энгелизмом») с его «пятичленкой», ориентированной на экономический базис, Дрёмовой, как я понимаю только сейчас, внедрялся гердеровский историзм. Понимание того, что каждая эпоха и каждый народ по-своему уникальны, позволяло не только отойти от европоцентризма [5, с. 89]. Изучая через язык и искусство эту специфику, мы переставали рассматривать основанную на идее «прогресса» модель развития культуры как единственно верную. Для тогдашнего преподавателя прийти в группу студентов, подпитанных Тойнби и Шпенглером, с чем-то вроде «общечеловеческих ценностей», означало бы обречь себя на педагогическое фиаско.

Предполагаю, что именно «мягкое» знакомство с Гердером позволило начать рассматривать уникальность любой эпохи без предвзятости, а историю изучать не в качестве истории великих деятелей и создателей шедевров, а изучать контекст. То, что Гердер называл бы воспитанием гуманности (*Humanität*), для студентов тогдашнего исторического факультета означало воспитание свободы. Иначе говоря, возможности оценивать собственную культуру, не впадая в пиетет перед ней или ценностный релятивизм в духе «у каждого своя мораль» или «так исторически сложилось». В итоге формировалось то целостное, уважительное отношение к культурам (обязательно во множественном числе!), которое помогало впоследствии каждому заниматься своим: для кого-то таким «своим» стала Япония (Светлана Пайчадзе уехала в эту страну на постоянное место жительства), для кого-то – Польша (Дмитрий Карнаухов, учившийся на несколько курсов позже, будет заниматься историей этой страны, достаточно рано защитив докторскую диссертацию). Лично для меня таким «своим», спустя два десятка лет, станет испаноязычный мир. Хотя корни такого интереса к Веласкесу и Лопе-де-Вега формировались именно тогда, в голодные (не только до еды, но и до знаний) 1990-е.

Вторым важным автором для теории культуры Л. И. Дрёмовой стал Ипполит Тэн. Малоизвестный ныне французский позитивист XIX века, чья книга «Философия искусства» стала на занятиях у Л. И. Дрёмовой смыслополагающей, был большинству студентов не очень понятен. Его метод анализа культуры через такие понятия как «раса», «среда» и «момент», казался несколько архаичным. Мы читали Тэна тогда, скорее, в контексте развития идей нарождавшейся культурологии, не пытаясь «приземлить» его к изучению современности. Однако позднее стало ясно, что предлагаемый в работе французского мыслителя подход позволял связать сферу искусства и литературы с изучением истории, осознав причинную обусловленность той или иной эпохи. В итоге усвоение методологии, которую Л. И. Дрёмова как преподаватель предположительно нащупала для себя, было усвоено нами иррационально, в какой-то степени на докритическом уровне. Так, на историческом факультете НГПУ формировался системный подход. Стало понятным, что художественное творчество нельзя рассматривать исключительно через призму искусствоведов или философов-эстетов. Природа, быт, история и даже социальная психология связывались воедино, выстраиваясь в моем сознании (как, я полагаю, и в сознании других студентов – моих одноклассников) в самостоятельную уникальную систему со своими историко-культурными характеристиками.

Полагаю, что именно И. Тэн позволил в рамках преподавания отдельных, часто разрозненных дисциплин, подойти к еще одному важному методологическому понятию – понятию границы и пограничности. Если для самого И. Тэна это понятие обозначало состояние (момент) между прошлым (агонизирующим) и будущим (эмбриональным), то в контексте диалога с Л. И. Дрёмовой это превращалось в «пограничность» как философское понятие, позволяющее сопоставить знаковую и вневременную реальность. Приходя в музей (замечу, Людмила Ивановна часто стремилась привлечь к посещению музеев своих студентов и много позже), мы переставали смотреть на картины исключительно как на образцы, признанные сообществом экспертов выдающимися по каким-либо художественным основаниям.

Приведу здесь в качестве иллюстрации известный пример, который Л. И. Дрёмова часто цитировала. Речь о музейной практике в Эрмитаже и последующих семинарских занятиях [3, с. 145]. Рассматривалось творчество Питера Пауля Рубенса, точнее его картина «Три грации». Можно было подойти к описанию работы через внешность, разбирая художественные приемы, которые художник использовал. В этом случае разговор бы упирался в эстетику пышных женских тел, которые мы встречаем на картинах великого фламандца. Можно было говорить о канонах женской красоты, которые переменчивы от эпохи к эпохе. Замечу, что работу Брантома, описывающего современных ему «галантных дам» я прочитал намного позже, а судить о взглядах на женщину в культуре Возрождения и культуре барокко нам часто приходилось «на глазок». И вот, один из моих студентов, чтобы вспомнить, не путает ли он Рубенса с кем-то еще, задал Л. И. Дрёмовой вопрос: «Это тот самый, что писал целлюлитных женщин?» Преподавателя вопрос не только развеселил, но и показался очень

точным. Зацепившись за комментарий студента, она перешла к разговору о том, почему именно Рубенса стоит считать одним из ярких выразителей культуры барокко. После этого каждый участник семинара запомнил не только про целлюлит, но и мог объяснить то, как бугорки и ямочки на бедрах персонажей позволяют по-разному смотреть на весь XVII век [2, с. 360].

Таким образом, запрос на «новое образование», который часто неосознанно присутствовал в студенческой среде начала 1990-х, раскрывался на лекционных и семинарских занятиях. Лекции читались, будто не с целью передачи какого-то информационного массива, а скорее основываясь на идее создать особое настроение, вызвать эмоциональное притяжение к рассматриваемой эпохе, ее участникам, персонажам, историческим обстоятельствам. В итоге ставшие широко известными выражения Л. И. Дрёмовой про «ум придумал» и «чувства восприняли» оказывались не набором тавтологий, а способом анализа материала культуры, языка и способа его выражения. Менялся при этом и традиционный взгляд на образование как на обучение и/или воспитание. Становилось понятным, что образование – это больше про формирование человека, свободного существа, чей досуг (будь то предмет мебели, интерьера, картина или книга) составляет его подлинную реальность. *Otium post negotium* – говорили деятели эпохи Возрождения. Мы же, студенты начала 1990-х, таким «досугом» (лат. *otium*) воспринимали занятия в университете. Многим уже приходилось работать. Сам я на 3-м курсе устроился на постоянную работу (*negotium*) сначала в одну (№ 202), а затем и во вторую (№ 70) школу. Причем к 5-му курсу уже работал в них на 1,5 ставки учителя истории. Поэтому возможность прийти на семинар к Л. И. Дрёмовой (да и не только к ней) и поучаствовать в обсуждении, например, барочной культуры была в полном смысле освобождением от труда. Позднее это было осознано в значение «школы» как категории, чья изначальная этимология связана именно с досугом, а не насилием над личностью школьника.

Роль Л. И. Дрёмовой в жизни и судьбе. Замечу, что в жизни мне повезло общаться с Л. И. Дрёмовой как минимум трижды. В первую очередь, как ученику с учителем. Во-вторых, как сотруднику кафедры, где отношения выстраивались по линии «руководитель – подчиненный» (Людмила Ивановна долгие годы была моим первым заведующим). И, наконец, в-третьих, как с коллегой по вузу и с человеком, который стал моделирующим примером. Уже работая в другом институте, на должности заведующего кафедрой, я часто осознавал, что стараюсь соответствовать той высокой человеческой планке, которую когда-то наблюдал у Дрёмовой. Прежде всего, во взаимоотношениях с коллегами (подчиненными я бы их никогда не назвал), сотрудниками.

В связи с этим вспоминается три случая из жизни, в которых Людмила Ивановна сыграла судьбоносную роль исключительно для меня. Первый случай – устройство на работу. Еще до окончания вуза я с подачи Л. И. Дрёмовой стал работать в школе № 70 (с углубленным изучением французского языка, сейчас это Гимназия № 16 «Французская»). Завуч образовательной организации обратилась в поиске кадров (требовался учитель истории) к Л. И. Дрёмовой,

а она порекомендовала меня, случайно пробежавшего мимо по коридорам. После того как в 1994 году состоялся наш выпуск из университета (за год до этого НГПИ стал НГПУ), на своей кафедре Л. И. Дрёмова «приютила» сразу четверых выпускников. Объяснялось это, понятное дело, не только и не столько нехваткой кадров. Нужно было заботиться о преемстве, трансляции педагогического опыта. И Л. И. Дрёмова как заведующий кафедрой не только «охотилась» за кадрами, приглашая коллег из НГУ и других организаций, но и «питала» нас, побуждая заниматься наукой и преподаванием. Финансовая ситуация в середине 1990-х была катастрофической. Доходы пожирала галопирующая инфляция, мотивировать можно было разве что предложением работы в «коммерческих» (внебюджетных) группах. На нашем сленге это называлось «хождением в народ». Подобно разночинцам XIX века, мы еженедельно разъезжали по области и за ее пределы (как правило, занятия в городах Новосибирской области проходили по субботам и воскресеньям), преподавая все подряд – начиная от латыни и заканчивая основами естествознания.

Спустя год моей работы в роли ассистента кафедры истории мировой культуры (самая младшая преподавательская должность в вузе), я решил поступать в аспирантуру. Посоветовавшись с руководителем моей выпускной работы Ю. П. Ивоным, было решено обратиться с рекомендацией от него к заведующему кафедрой философии НГУ В. П. Фофанову. К тому времени в НГУ уже начала работать магистратура по философии. Я мог ожидать, что мне предложат сначала отучиться в ней, поскольку мое образование было все же педагогическим, а не философским. Но В. П. Фофанов принял рекомендацию положительно. Он сказал собирать документы (в частности, нужна была рекомендация от вуза).

Однако поступление осложнялось позицией тогдашнего проректора по науке А. Ж. Жафярова. Он отказывался подписывать рекомендацию, указывая на два обстоятельства: наличие аспирантуры по философии в НГПУ и неясность финансовой стороны вопроса (сколько НГУ попросит за обучение в аспирантуре?). Возникла странная ситуация: меня собирались взять в аспирантуру на основании вступительных испытаний, бесплатно (за счет бюджетных средств), а проректор по науке вынуждал меня отказаться от планов поступать в НГУ или звонить туда и спрашивать о стоимости образовательных услуг по договору. В итоге в ситуацию включилась именно Л. И. Дрёмова. Вместе с ней мы пошли к другому проректору – В. И. Соболеву, осознавшему ситуацию и пообещавшему заплатить круглую сумму за счет внебюджетных средств. Так я оказался в аспирантуре НГУ.

К концу 1990-х ситуация с учебной нагрузкой на кафедре стала усложняться. Выяснилось, что на факультете есть 0,4 ставки по должности «системный администратор». Старые компьютеры (в компьютерном классе и на кафедрах) нужно было обслуживать, периодически переустанавливая на них «пиратский» софт, включая Windows-98. Так, с подачи Л. И. Дрёмовой уже в третий раз у меня появился дополнительный приработок, позволявший заниматься любимым делом и продолжать работу в вузе. И это только несколько фактов моей лич-

ной биографии. Сколько подобных случаев могли бы рассказать другие, даже не могу себе представить.

Спустя годы и оказавшись в той же роли заведующего кафедрой, что и когда-то Л. И. Дрёмова, я внезапно осознал, что повторяю (возможно, неосознанно) ее стиль поведения. Ты можешь быть «мягким и пушистым», улыбаться и пожимать руки, выполняя свои привычные обязанности по работе. Но когда возникает необходимость защитить своих студентов или коллег от необоснованных нападок со стороны «власть придержащих», ты становишься жестким и напористым. Ведь речь уже не о твоём интересе, речь об интересе других, общем интересе. Тебе может лично не нравиться кто-то из коллег, у него может быть вздорный и конфликтный характер, но если он профессионал и его деятельность полезна для решения образовательных задач, ты встаешь на его защиту (особенно в тех случаях, когда он об этом не просит, даже может о твоей «помощи» не догадываться). Вот такой урок я когда-то получил от Л. И. Дрёмовой.

Что такое «педагогическое барокко»? Одной из основных категорий, усвоенных мною в процессе многолетнего общения с Л. И. Дрёмовой, стало понятие «барокко». Вначале оно относилось к периоду в истории западноевропейской культуры и искусства, который преподавала Людмила Ивановна. Вспоминается наша поездка с ней в Санкт-Петербург в 1995 году. Как мне казалось, меня тогда старшие коллеги (О. Н. Катионов и Л. И. Дрёмова) взяли из сострадания. Когда музейную практику проходила моя группа, поехать мне не позволила семейная и финансовая ситуация (денег не было, сыну было около года) и я проходил ее с еще двумя студентами в музее Института археологии в Академгородке. Теперь же на практику вывозили студентов 3-го курса, а я ехал уже в качестве преподавателя, их сопровождающего.

Помню, что с нами тогда поехало несколько китайских студентов, учившихся по обмену [1, с. 192]. Все они были в одинаковых красных пуховиках, что бросалось в глаза. Вход в Эрмитаж и другие музеи Санкт-Петербурга (например, Кунсткамеру) для российских студентов был бесплатным (об этом была договоренность, которую благодаря Л. И. Дрёмовой удалось достичь заранее). Более того, нам читались лекции сотрудниками музеев. После одной из таких лекций, например, экскурсию по «малым голландцам» я мог бы провести и сейчас. Как же быть с китайцами? Выход был простой. «Хитроумная» (почти как Одиссей) Л. И. Дрёмова решила выдать китайских граждан за «студентов из Тувы или Бурятии». Красные пуховики продолжали вызывать сомнение во взгляде работников гардероба, однако сами студенты вместе с нами слушали лекции в залах музеев.

Именно тогда, в процессе общения, мне становилось ясно, что для Л. И. Дрёмовой барокко – нечто большее, чем просто стиль в искусстве или культуре. Часто, обращаясь к событиям и явлениям современной нам жизни (например, оценивая стихотворение, песню или художественный фильм), можно было услышать: «это – барокко». Вот так «дрёмовское барокко» позднее было осознано мною не как стиль, а как образовательный метод. Ведь историческое барокко

(культура XVII века) сформировало ряд черт, которые были востребованы всеми нами, спустя несколько столетий и живущими в Сибири, на периферии европейской культуры и цивилизации.

Согласно этой педагогической парадигме, образованный человек – это «человек чувствующий» [6, с. 110]. Символы, аллегории, риторические приемы, синтез религиозного и светского восприятия – все это оказывает эмоциональное воздействие на ученика. Жизнь в этой игре света и тени, звука и молчания оказывается театральной игрой, где роли – условны. Рациональность становится не господством формальной логики, а знанием правил эстетики и норм учтивости.

Можно сказать, что у Л. И. Дрёмовой барочная парадигма вступила в соприкосновение со школой диалога культур. Предложенная Владимиром Библером еще в 1980-х годах образовательная концепция оказалась востребована в провинциальном вузе 1990-х, а затем и 2000-х. Возможность вести диалог с эпохами и мировоззрениями, а не усваивать готовые идеологические схемы привела к тому, что в сознании студентов вступали в диалог поэт и философ-теоретик. Задача учителя в этом случае – помочь ученикам «погрузить на корабль» запас материала в виде текстов, картин, произведений и отправиться в путешествие по дороге, которую вы прокладываете в процессе разговора. Играть роль кормчего, навигатора, а не проповедника бывает сложно, но при этом каждый раз увлекательно, интересно.

Место заключения. Последние годы, занимаясь преподаванием философских дисциплин (этики, истории философии), все чаще стараюсь прибегать к этому методу, открытому моим первым заведующим кафедрой. И каждый раз, приступая к Декарту или Лейбницу, я слышу барочную музыку, иностранную речь и т. п. Так работает воображение, захватывая и увлекая собой в попытке посмотреть на мир глазами человека другой эпохи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Дрёмова Л. И., Тихомирова Е. Е.** Адаптация студентов КНР в коммуникативном пространстве педагогического вуза // Кросс-культурный подход в науке и образовании: Материалы Международного междисциплинарного семинара. – Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2009. – С. 189–194.
2. **Дрёмова Л. И.** Моделирование мира человека художественными средствами // Культурное многообразие: от прошлого к будущему. Программа. Тезисы докладов и сообщений. – СПб.: Российский институт культурологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербургский университет культуры и искусства, МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Научный совет РАН «История мировой культуры», Российский государственный гуманитарный университет, Русская христианская гуманитарная академия, Научно-образовательное культурологическое общество, 2008. – С. 360.
3. **Дрёмова Л. И.** Музей и культура // 60 лет НСО: материалы научно-практической конференции. – Новосибирск: Комитет по культуре Администрации Новосибирской области, Областной краеведческий музей, 1997. – С. 145–146.
4. **Дрёмова Л. И.** О юбилее кафедры теории, истории культуры и музеологии ИИГСО НГПУ // Культурно-антропологические исследования. – 2011. – № 1 (3). – С. 6–10.

5. **Дрёмова Л. И.** Хронотоп культуры // Культурно-антропологические исследования. – 2011. – № 1 (3). – С. 87–90.
6. **Тихомирова Е. Е., Чапля Т. В.** Ум замыслил, чувства восприняли, руки сделали // Культурно-антропологические исследования. – 2021. – № 1. – С. 109–115.

REFERENCES

1. Dryomova L. I., Tikhomirova E. E. Adaptation of Chinese Students in the Communicative Space of a Pedagogical University. *Cross-Cultural Approach in Science and Education: Proceedings of the International Interdisciplinary Seminar*. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University, 2009, pp. 189–194. (In Russian)
2. Dryomova L. I. Modeling the Human World by Artistic Means. *Cultural Diversity: From the Past to the Future. Program, Abstracts and Communications*. St. Petersburg: Russian Institute of Cultural Studies, St. Petersburg State University, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg University of Culture and Arts, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, Scientific Council of the Russian Academy of Sciences "History of World Culture," Russian State University for the Humanities, Russian Christian Academy of Humanities, Research and Educational Society for Cultural Studies, 2008, p. 360. (In Russian)
3. Dryomova L. I. Museum and Culture. 60 Years of Novosibirsk Oblast: Proceedings of a Scientific-Practical Conference. Novosibirsk: Committee for Culture of the Administration of Novosibirsk Oblast, Regional Museum of Local Lore, 1997, pp. 145–146. (In Russian)
4. Dryomova L. I. On the Anniversary of the Department of Theory, History of Culture and Museology at the Institute of History, Humanities and Social Education of Novosibirsk State Pedagogical University. *Culture and anthropology research journal*, 2011, no. 1/3, pp. 6–10. (In Russian)
5. Dryomova L. I. The Chronotope of Culture. *Culture and anthropology research journal*, 2011, no. 1/3, pp. 87–90. (In Russian)
6. Tikhomirova E. E., Chaplya T. V. The Mind Conceived, the Senses Perceived, the Hands Made. *Culture and anthropology research journal*, 2021, no. 1, pp. 109–115. (In Russian)

Информация об авторе

А. В. Харламов, кандидат философских наук, доцент, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, harlam@inbox.ru

Information about the Author

A. V. Kharlamov, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, harlam@inbox.ru

Статья поступила в редакцию: 23.03.2026

Одобрена после рецензирования: 20.04.2026

Принята к публикации: 22.04.2026

The article was submitted: 23.03.2026

Approved after reviewing: 20.04.2026

Accepted for publication: 22.04.2026

Научная статья

УДК 94(47).084.9(093.3)+378.4(571.14)(092)+930.2:303.446.2

«Личность в истории города»: Людмила Ивановна Дрёмова¹

Антропов Евгений Владимирович¹

¹Музей Новосибирска, Новосибирск, Россия

Аннотация. Публикация представляет собой расшифровку пилотного биографического интервью с Людмилой Ивановной Дрёмовой (1946–2020), записанного 19 марта 2020 г. сотрудником Музея Новосибирска Е. В. Антроповым в рамках программы «Личность в истории города». Интервью охватывает ключевые этапы жизненного и профессионального пути Дрёмовой.

В интервью раскрываются механизмы профессиональной социализации в советской и постсоветской высшей школе: влияние наставников (Е. И. Соловьёвой, Н. Я. Гущина, Т. Н. Троицкой), самостоятельное освоение закрытых тем (косыгинская реформа 1965 г., социальная структура крестьянства), использование годовых отчетов ЦСУ и полевых экспедиций. Особое внимание уделено переходу от политической истории к истории культуры в конце 1980-х гг., созданию междисциплинарного курса, а также роли «триумвирата» (Л. И. Дрёмова, А. Е. Демидчик, А. В. Зверев) в разработке новых образовательных стандартов. Интервью содержит ценные микросвидетельства о повседневной жизни ученых (неоплачиваемые спецкурсы, поездки на электричках, печатные машинки вместо компьютеров), гендерных аспектах академической карьеры и эмоциональном восприятии исторических событий (полет Гагарина, Карибский кризис, 1991 год). Материал адресован историкам образования, устной истории и регионоведам.

Ключевые слова: устная история; биографическое интервью; Новосибирск; педагогический институт; кафедра истории СССР; косыгинская реформа; история культуры; восточные языки; высшее образование в СССР; женская академическая карьера

Для цитирования: **Антропов Е. В.** «Личность в истории города»: Людмила Ивановна Дрёмова // Культурно-антропологические исследования. – 2026. – № 2. – С. 120–127.

Scientific article

“Personality in the History of the City”: Lyudmila Ivanovna Dryomova

Evgeny V. Antropov¹

¹Museum of Novosibirsk, Novosibirsk, Russia

Abstract. This publication presents a transcript of a pilot biographical interview with Lyudmila Ivanovna Dryomova (1946–2020), recorded on March 19, 2020, by E. V. Antropov, a researcher at the Museum of Novosibirsk, as part of the museum's

¹ Пилотное биографическое интервью с Дрёмовой Людмилой Ивановной. Записано 19 марта 2020 г. для подготовки к съемке биографического фильма по программе музея «Личность в истории города». Место – Областная юношеская библиотека, Красный пр., 26. Расшифровано с диктофона 30–31 марта 2021 г. Записал и расшифровал интервью Антропов Е. В.

program "Personality in the History of the City." The interview covers key stages of Dryomova's life and professional career.

The interview reveals the mechanisms of professional socialization in Soviet and post-Soviet higher education: the influence of mentors (E. I. Solovyova, N. Ya. Gushchin, T. N. Troitskaya), independent engagement with classified topics (the 1965 Kosygin reform, the social structure of the peasantry), and the use of annual reports from the Central Statistical Administration and field expeditions. Particular attention is paid to the transition from political history to the history of culture in the late 1980s, the creation of an interdisciplinary course, and the role of the "triumvirate" (L. I. Dryomova, A. E. Demidchik, A. V. Zverev) in developing new educational standards. The interview contains valuable micro-evidence about the daily lives of academics (unpaid specialized courses, travel by commuter train, typewriters instead of computers), gender aspects of academic careers, and the emotional perception of historical events (Gagarin's flight, the Cuban Missile Crisis, 1991). The material is addressed to historians of education, oral historians, and regional specialists.

Keywords: oral history; biographical interview; Novosibirsk; pedagogical institute; Department of History of the USSR; Kosygin reform; history of culture; Oriental languages; higher education in the USSR; women's academic career

For citation: Antropov E. V. "Personality in the History of the City": Lyudmila Ivanovna Dryomova. *Culture and anthropology research journal*, 2026, no. 2, pp. 120–127.

В год 80-летия Людмилы Ивановны Дрёмовой, крупного российского ученого и педагога, кандидата исторических наук, Заслуженного работника Новосибирского государственного педагогического университета, организатора и первого заведующего кафедрой истории мировой культуры (ныне кафедра теории, истории культуры и музеологии), предлагается расшифровка последнего ее интервью.

<...> Я родилась в Искитиме 29 июня 46-го года, потому что отец был... они жили в Искитиме. И мама тоже. <...> Ну, отец-то понятно – в 18 лет на Финскую ушел. И в Праге закончил со всеми ранениями. Ничего не рассказывал. Но потом кое-что. На Курской дуге в штрафбат его. Он связист был, не знаю, каким подразделением командовал. А там же Курская аномалия, и магнит, ну, или как – компас показал не в ту сторону. Сказали – ты враг народа. А поскольку людей уже много погибло – его в штрафбат. А когда у всех то же самое случилось – из штрафбата его вернули, звание вернули, все награды вернули. <...>

У мамы фамилия была Бузыканова, звать ее было Евдокия. Они шили одежду для военных. Она с 22-го года, понятно, что, девчонкой она была [к началу войны. – *Здесь и далее прим. Е. В. Антропова*]. Их всех забрали на пошив одежды для военных. Голодно, холодно, спали на одежках. И она говорит – приходят симпатичные парни! А все девочки только об этом же и думали. Такие красивые парни, все на них хрустит. Говорят – девчонки, хотите вот такую же одежду красивую, чтоб вас кормили, поили – записывайтесь добровольцами. И они, две Дуни, я так и говорю – она, и ее подружка Дуся, записались добровольцами. А их взяли санитарками.

И познакомились они, получается, уже в армии?

Нет, когда уже пришли. В Искитиме. <...> На улице Партизанской. <...>

Потрясающий у вас год рождения – 46-й, такая классика.

Да, такая классика. И вот ты знаешь, все по возрастающей. А потом отца перевели на станцию Инскую, на железнодорожный узел. А он же хороший железнодорожник, дисциплинированный. И его перевели сюда. Он был начальником горки [сортировочная горка грузовой железнодорожной станции]. Он был начальником, с Москвой разговаривал. Важов был такой [возможно, имеется в виду И. Важов, начальник станции Инская в 1951–1956 гг.], я даже сейчас помню фамилию этого министра железной дороги. Он звонил на станцию Инскую, чтобы там пропускали, кого вперед, кого назад и так далее. Я девчонка, а батя такой гордый, говорит – министр звонил. <...>

И жили мы сначала на ул. Кагановича, потом Эйхе, потом проспект Героев революции. <...>

У вас ни братьев, ни сестер?

Нет, к сожалению. <...> Ты знаешь, наверно, у нашего поколения так сложилось, не знаю почему, но вот я говорю: 46-й – восстановление, бум [детский], не было – стало, появился дом, квартира, автобусы, хоть не пешком, машины начали ходить. И 61-й год – полет Гагарина. Мы жили уже на «100 домиков».

И вы уже это осознали?

Да ты что, мне уже 14 лет было почти – активистка, комсомолка. Мне даже 14 лет не было, а меня все равно приняли в комсомол. И я иду, галстук сняла, комсомольский значок, я этот день на всю жизнь запомнила. Такая теплынь была. Картошку все уже сажают, потому что тепло. Я думаю – ну никто не видит, иду, со всеми здороваюсь, мы же все там знали друг друга – это улица Менжинского и Нахимова. Ну, думаю, никто не видит, что ли, что я в комсомольском значке. И вдруг голос Левитана – внимание, внимание, передаем сообщение ТАСС, работают все радиостанции Советского Союза.... <...> И такая тишина наступила.

Ты не представляешь – Карибский кризис, война только закончилась, и тут, ты не представляешь, как все затихли. И вдруг он говорит – в космосе гражданин Советских Социалистических Республик Юрий Алексеевич Гагарин. Ты не представляешь, что тут началось. Чепчиков-то ни у кого не было. А лопаты-то у всех. И ведра. Я уже скорее отбегаю. <...>

А потом 61-й, и дальше все по восходящей. А потом московская аспирантура, ты представляешь?! Вот как мне было относиться ко времени и к тем вот людям, которые меня окружали? Вот где бы я, дочь железнодорожника, со станции Инской – и в Московский университет.

Но почему все-таки в МГУ?

А вот такое стечение обстоятельств. Преподаватели стали уже возраста преклонного, и надо было кафедру обновлять. Екатерина Ивановна – ну кто, ко всем обратилась – никто, нет. А мне Дремов разрешил, говорит, ладно, езжай, учись, ты же все равно мне всю шею перепилишь, мы уж с Егором останемся, а ты езжай, поучись. И я московскую аспирантуру заканчивала, а семья здесь

была. И я постаралась в три года – 72–75-й. <...> Я же сюда приезжала, у меня же сибирская тематика.

А я даже не знаю, какая тема у вас была.

Экономическая реформа косыгинская 65-го года. <...> Такие корифеи были в Москве! <...>

Папа, я понял, что железнодорожник. А мама?

А мама так и осталась швеей.

Раз мама – швея, у вас, наверно, не было в семье проблем с одеждой?

Ну раз мама шила, материал же был, она могла мне сшить что-то такое. И все говорили – ой, богатое платье опять у ней. А мама-то – из лоскутков. <...>

Когда разрешили строить свои дома, мы взяли участок на «100 домиках», и сами, вот этими помочами – мужики собирались, поддавали, и строили. А мы вольнехоньки, за нами никто не следил, мы же хотели, то и делали. <...> Мы ходили на Иню и купаться, и рыбачить, и в омуте тонуть. <...>

Какие еще, помимо Ини, у вас были развлечения, кружки?

Все кружки! По физике, теннис настольный, ботаника. <...> А металлолом! У нас же железная дорога, мы оттуда и таскали. А я ж вожатая хитрая, мы оттуда этих болванок натащаем – и первое место занимали. А макулатура тоже – нам же лишь по домам шаландаться, еще и огурец какой-нибудь дадут или печенюшку, пожалеют – вроде как мы тяжелую работу делали. Потом – поездки в театр.

С классом?

Ну, кто хотел, и кому родители денежку давали. На Рериха мы сюда пешком пришли.

Это же часа 2 наверно?

И побольше. А пока электричку дождешься. Так мы быстренько шли. Это 61-й год. <...>

Давайте уже про кафедру...

После Москвы связи остались, а поскольку культурологические штудии Владимира Соломоновича Библера.... И мы ездили туда, за свой счет. Ничего не замечали, хохотали и слушали. Где-то спали там валетиком с Зинкой [Зинаида Петровна Горьковская] <...> Георгий Степанович Кнабе, Неретина, Зверева... то есть вот ты понимаешь, этих людей мы слушали. И конечно, сюда все приносили.

А почему вы в школе педагогикой заинтересовались? Почему в педагогический?

А у нас потому что педкласс был. Выбора у нас не было, всем классом. Девчонки сюда, мальчишки сюда. И на практику.

Это какой год у вас поступления?

65-й. Он назывался у нас тогда историко-филологический. <...> А там удивительные конечно тоже люди. Евгения Иосифовна Матханова, Борис Иванович Кокошко, Людмила Александровна Ушакова – ой, ну какие конечно.... <...> Ну и потом весь Институт истории – мы же с ними дружили, а там и ленинградцы,

и москвичи, которые там не угодны были, Николай Яковлевич Гущин, например, Леонид Михайлович Горюшкин. <...>

Получилось так, что вы рано стали заведующей кафедрой?

Ну, видишь, как случилось, что Екатерина Ивановна по восходящей пошла, по другой линии, в ректорат, а меня заведующей. <...> Эта кафедра истории отечества, она тогда называлась истории СССР. <...>

Это 78-й год, то есть вы в 70-м закончили, до 73-го в Москве?

Нет, мы четыре года учились, это 72-й, потом московская аспирантура. Ой, Дунька с чемоданом, приехала. А мне говорят – ну а кто у вас научный руководитель? Кто вас сюда пригласил? Я говорю, мне вот Николай Яковлевич Гущин, и направление, вот, что направляем, присылаем из пединститута. Ну ладно, когда посмотрели, ну куда эту девчонку, давайте, на экзамен готовьтесь.

Захожу, а там Ковальченко, Дробижева, Найденов – экзамен сдавать. Ну они меня так хорошо пошпыряли. Ну я книжки-то грызла, чего там. Я и в институте-то боялась, что меня выгонят, потому что с ребенком. Конкурс-то большой был. До четвертого курса у нас были еще кандидаты в студенты. То есть дышали в спину. <...>

Я хорошо занималась. Они-то по кафушкам ходили, у нас «Снежинка» эта была на Ленина – там же все тусовались. А мне-то некогда, мне надо было в областную библиотеку. Потому что на электричку, и на Первомайку. <...>

К Татьяне Николаевне Троицкой ходила – она же всех подгрребала.

И вы ездили в экспедиции?

Конечно, ну, не так, чтобы – у меня дите было, но все равно везде. <...>

А кто в аспирантуру вас с темой определил?

Это здесь, сибирская тематика. Работала я сначала с Михаилом Михайловичем Шорниковым, партийное строительство, ему важно было, чтобы кто-то продолжал тему. Но все-таки крестьянство меня затянуло. Екатерина Ивановна говорит – мы все из крестьян, давай-ка изучай. И Николай Яковлевич, он занимался раскулачиванием.... И тему мы взяли – косыгинскую реформу. И вот не хвалясь, Женя, просто: статуправление ЦСУ – материалы были, ну вот такие! Годовые отчеты, все хорошо. А как станешь сверять – такое неглиже!

Я и подумал, что эта тема должна была быть закрытой.

Она и была закрыта. Говорит – выступай, что хочешь говори, а публиковать нельзя. <...> Смотрю по годовым отчетам, вроде как пытаются поднять сельское хозяйство. Вот, говорят, поднимается у тебя разряд, например, у тракториста, с первого, там, на третий, и все думали, что он будет больше зерна собирать.... А надо же так отчитаться. Ну не было этой связи и зависимости. Поэтому только все ниже, и ниже, и ниже. <...>

И отсюда, от социальной структуры, Валерия Михайловна тогда начала эту тему, в 70-е годы, социальная структура, Рудкевич. А потом очень легко пошло на образ жизни, и на культуру. <...> Ну, еще Сахарова я захватила, лаборатория культуры, она в МГУ была. Владимир Иванович Вдовин – они до сих пор занимаются историей культуры. <...>

Значит, в 78-м Соловьева передала вам кафедру?

Да, очень мне было тяжело. Потому что там такие корифеи. Людмила Александровна Ушакова, они все возрастные, Евгения Иосифовна Матханова, Валентина Вениаминовна Рабцевич, Кокошко.

А вам 30 лет?

Конечно! Ну, Евгения Иосифовна поддержала меня. Валентина Вениаминовна Рабцевич, она претендовала, и хотела, но характер был. И вот из-за этого ее и кафедра не взяла. А я-то сама за всех все делала, поэтому им было хорошо.

Вы читали курсы?

Конечно, читала, мне дали советский период.

Историю?

Да, историю, и кусочек истории культуры. Потому что есть стандарт, как бы сегодня сказали, и ввели курс истории культуры. У меня никто не взялся, а Катерина Ивановна говорит – надо, надо разрабатывать. А когда? А через неделю вот.

Это еще 78-79 годы, да?

Да. И все доценты отказались.

А о какой культуре шла речь?

История культуры от древнейших времен до наших дней. <...> Первые студенты мои – ох, как они меня там жучили. <...>

А потом надоело. Как-то вечером, после экзамена, сидим – Демидчик, Андрей и я. Говорю – ну не могу я больше эти войны, ничего уже не получается <...> эти десять сталинских ударов... я уже ничего не понимаю и не могу запомнить. Аркадий Евгеньевич говорит – да мне тоже это надоело. Андрей говорит – давайте что-нибудь другое придумаем. И вот этот триумвират. И мы решили, что надо выходить на историю культуры.

Это уже рубеж 90-х?

Тогда разрешили все – дерзайте, создавайте.

Когда кафедра образована?

В 90-м году. А тогда машинки печатные были. Компьютеры, может они где-то и были, но у нас не было. Мы все напечатали, в сумки, и на поезд – на самолет денег-то нет. Мы с сумками приехали туда, они нас пролицензировали, рецензировали, поправили. Мы у них же все отпечатали, нам подписали, мы приехали.

Это даже не были знакомые?

Нет, первый раз мы приехали, но смогли заинтересовать их.

А направление восточных языков как вы открыли?

А вот тут же за эту фишку они и ухватились. Мы говорим – а уже связи с университетом были. Там выпускники уже были. Петя Подалко, Наташа Кардо [нрзб]. <...> У нас же была во какая кафедра! Это сейчас осталось три-четыре человека. <...> Было очень интересно. И ты знаешь, читали спецкурсы за такие маленькие денежки. Но даже никто не возник. А сейчас мы не можем уговорить. <...>

Вы сразу кафедру такой видели?

Вот как-то да, раз мировая, то она и весь мир должна. Вышли на эту теорию вопроса, на категории культуры. Пространство и время. Которое не разделя-

ет, а соединяет. Время соединяет. Мы-то думаем, как историки хреновы – оно разъединяет, а оно только соединяет. <...>

Практику тоже вы с Андреем Владимировичем задумали?

Конечно. Даже и тогда, хотя студентам было... [трудно]

А почему Питер, а не Москва? Из-за музеев?

Ты знаешь, там да, там больше, и... мы же и там останавливались, слушали лекции и Кнабе, и Меретиной, и Зверевой. Но Москва дороже, чем Питер. <...> Даже педовское наше, там, на Юго-Западном стало стоить такие деньги, что.... А там на Дальневосточной нам вот так было! <...>

Что вам самой в этой кафедре нравилось больше всего, о чем вы сегодня сказали бы...?

Вот теперь, мне кажется, <...> это мировая культура с языком, больше таких кафедр не было. Потому что это очень трудно, соединить, совместить, и чтобы баланс соблюсти.

Буквально в расписании, в учебном плане?

Да. И вот сейчас, понятно, многие ребята приоритет языку отдают. А нам обидно, что культурология им до фени. Мне говорят – ну, вы знаете, я же сюда из-за языка шел. <...> Но ведь язык – это общение, а общение – это не только слова, а это смыслы. Поэтому, вот, будете понимать и жест, и взгляд, и вам легче выстраивать отношения, вы более успешными будете. <...>

Вы с кафедры ушли из-за здоровья?

Я сама решила так, ну неприлично уже будет, сама, просто боюсь уже <...> Я конечно, как артистка, захожу, и говорю – так, надо поздороваться, ну должна же я как-то о себе заявить, а то вы и не поймете, кто перед вами. Добрый день, говорю, вот хотите услышать человека из первой половины XX века? Они так.... Я говорю – это я. <...> Потому что, мы-то привыкли, как материалисты... <...> а идея! Потому что культура – это есть идея. Это идеальный мир. Но не идеальный, как идеальный, а идея в культуре первична, а действие вторично. <...>

Мне древнерусскую культуру отдали, давай тут, с ними мозги пудри. И сначала были даже жалобы, ректору, еще в 80-е годы – что у вас там за преподаватель, все про храмы, да про иконы, про храмы, да про иконы. Меня вызывает Колесников, ну чего у вас там такое. Я говорю, Леонид Федорович, это курс, если о древнерусской культуре. <...>

События 90–92 годов вы, наверное, с воодушевлением принимали?

Ну мы с Андреем же хотели на баррикады идти.

Да? В Москву что ли?

Ну мы же чокнутые были, нет, здесь, наш белый дом. Андрей мне звонит, я говорю – Андрей, как ты скажешь, так и пойдем. <...>

И кафедра была таких молодых реформаторов?

Конечно, у нас и конфликты были. <...> Ты знаешь, и вот эту планку мы долго держали. <...> Или мы как-то поддались, но всем надо было меняться. <...>

Информация об авторе

Е. В. Антропов, кандидат исторических наук, ученый секретарь, Музей Новосибирска, Новосибирск, Россия, mkumir@yandex.ru

Information about the author

Evgeny V. Antropov, Candidate of Historical Sciences, Academic Secretary, Museum of Novosibirsk, Novosibirsk, Russia, mkumir@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 12.03.2026

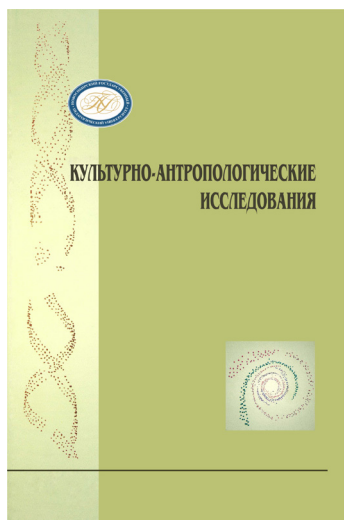
The article was submitted: 12.03.2026

Одобрена после рецензирования: 20.04.2026

Approved after reviewing: 20.04.2026

Принята к публикации: 20.04.2026

Accepted for publication: 20.04.2026

ЖУРНАЛ «КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Главный редактор – Е. Е. Тихомирова, кандидат культурологии, доцент, заведующий кафедрой теории, истории культуры и музееологии, Новосибирский государственный педагогический университет, Россия.

Год основания журнала – 2009. Учредитель – ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет». Журнал публикует научные статьи, практические и методические разработки по философии культуры, культурологии, культурной

антропологии, истории культуры, культурсоциологии, культуре повседневности, лингвокультурологии. Приглашаем к сотрудничеству российских и зарубежных авторов.

Рубрики журнала:

1. Теоретико-методологические аспекты культурологии и других наук о человеке.
2. Актуальные исследования культурологии и смежных наук.
3. Практические разработки в области истории культуры и смежных наук.
4. Научный дебют (статьи студентов, магистрантов, аспирантов).
5. Дискуссионные вопросы гуманитарных наук.

Журнал индексируется в системе РИНЦ. Материалы для публикаций принимаются в течение года. Сроки размещения статей в номерах журнала зависят от соответствия присланных материалов указанным требованиям.

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ СТАТЕЙ

1. Содержание рукописи статьи должно быть проверено автором на предмет грамматических, стилистических ошибок и отвечать научному стилю изложения материала.

2. Метаданные статьи на русском и английском языках должны содержать сведения об авторе (для каждого автора/соавтора: Ф. И. О. полностью, должность, ученое звание, место работы, адрес электронной почты, город); название статьи; аннотация (от 1200 до 1500 знаков), в которой должны быть четко сформулированы цель статьи и основная идея работы; ключевые слова (5–10 слов или словосочетаний).

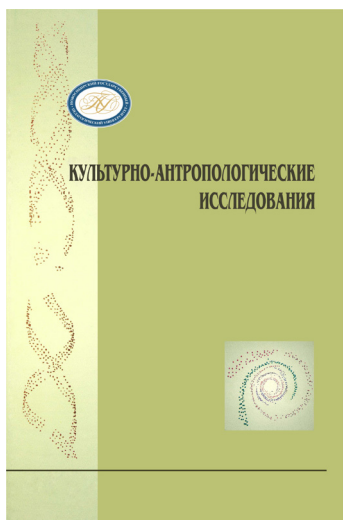
3. Автор в статье должен обозначить проблемную ситуацию, методологию исследования; раскрыть основное содержание, соответствующее тематике журнала; сделать выводы.

4. В конце статьи приводится список литературы, на который опирался автор (авторы) при подготовке статьи к публикации (для оригинальной статьи – не менее 5 источников). Указание на источники списка литературы оформляется сплошной нумерацией по всей статье, размещается в квадратных скобках после цитаты на соответствующий источник. Список литературы должен минимум на 70 % состоять из работ, опубликованных за последние 10 лет. Список оформляется строго по ГОСТ Р 7.0.5-2008.

5. Статьи отправлять по адресу: imktikhomirova@mail.ru.

6. Статьи регистрируются редакцией. Датой поступления статьи в журнал считается день получения редакцией окончательного текста.

Статьи, не соответствующие тематике журнала, оформленные не по правилам, без аннотации, с некорректно оформленным списком литературы, отклоняются.

CULTURE AND ANTHROPOLOGY RESEARCH JOURNAL

Chief Editor – E. E. Tikhomirova, Candidate of Culturology, Associate Professor, Head of the Department of Theory, History of Culture and Museology, Novosibirsk State Pedagogical University, Russia.

Year of foundation 2009. Founder federal state budget-funded educational institution of higher education "Novosibirsk State Pedagogical University". The journal publishes scientific articles, practical and methodical developments in philosophy of culture, cultural studies, cultural anthropology, history of culture, cultural

sociology, culture of everyday life, linguistic and cultural studies and invites Russian and foreign authors to co-operate.

The rubrics of the journal are:

1. Theoretical and methodological aspects of cultural studies and other human sciences.
2. Topical studies of cultural studies and related sciences.
3. Practical developments in the field of history of culture of related sciences.
4. Scientific debut (articles of students, undergraduates, graduate students, postgraduates)
5. Discussion questions of humanities.

The journal is indexed in the Russian Science Citation Index system. Materials for publications are accepted during the year. The terms of placing articles in the journal issues depend on the compliance of the submitted materials with the specified requirements.

REQUIREMENTS FOR ARTICLE MANUSCRIPTS

1. The content of the article manuscript should be checked by the author for grammatical and stylistic errors and meet the scientific style of presentation.

2. The metadata of the article in Russian and English should contain information about the author (for each author/co-author: full name, position, academic title, place of work, e-mail address, city); the title of the article; abstract (from 1200 to 1500 characters), which should clearly state the purpose of the article and the main idea of the work; keywords (5–10 words or phrases).

3. The author in the article should: identify the problem situation, research methodology; disclose the main content corresponding to the theme of the journal; draw conclusions.

4. At the end of the article is a list of literature on which the author (authors) relied in preparing the article for publication (for an original article – at least 5 sources). The indication of the sources of the reference list is made out by continuous numbering throughout the article, placed in square brackets after the citation of the corresponding source. The list of references should be at least 70 % of the works published in the last 10 years. The list of references should be drawn up strictly according to GOST R 7.0.5-2008.

5. Send articles to: imktikhomirova@mail.ru.

6. Articles are registered by the editorial office. The date of submission of the article to the journal is the day of receipt of the final text by the editorial office.

Articles that do not correspond to the theme of the journal, not designed according to the rules, without annotation, with incorrectly designed list of references, are rejected.